

БРЕМЯ ЗАЩИТНИКА

ДМИТРИЙ ОХОТИН

Враждебные силы окружают маленькое баронство, созданное попаданцем в свое же собственное произведение. С севера порождения темных сил — нечестивые кочевники грозят вторгнуться через горные перевалы. С востока — вассальные Драманской империи княжества желают заполучить богатства развивающегося края земли, на отшибе цивилизации. С юга — хищные орды вышколенных Имперских рыцарей уже готовы форсировать реку и в труху превратить все результаты динамичного прогресса. Лишь с запада океан предоставляет возможность торговать, богатеть и совершенствоваться. Внутри баронства зреют бури разногласий из-за наплыва разных народов. Орден Верных желает раздавить дерзких уничтожителей кровавых культов. Сможет ли главный герой справиться с таким количеством проблем?

Глава 1. Тревожные мысли

Золотая чаша наполненная терпким арвуимским вином поблескивала в моих руках насыщенными оттенками. Но обеденная трапеза все как-то не шла — множество мыслей забивали мою голову.

Я уже более полутора лет нахожусь в придуманном мной же мире. И чем больше воплощается моих планов, тем сильнее я чувствую сопротивление со стороны всех окружающих меня сил. Похоже, что маленького выскочку из крохотного баронства начинают замечать великие и могущественные силы этого мира и с гримасой презрения и отвращения хотят смахнуть надоедливого комара.

Ну, обо всем по-порядку. Остров сотни смертей "Ктали-Матра" или исследовательская база № 6 проекта "Последняя надежда" отпустила всех своих пленников, согласившись с моими доводами о том, что о плавающих островах сотни смертей уже давно знают на планете, но видят в них что-то мистическое. Местные аборигены никогда бы не додумались, что это исследовательская база инопланетных пришельцев. Смысл бесчеловечно мучить ни в чем неповинных людей. ИскИн внял моим высоким гуманистическим идеалам и около пятисот человек разного уровня потрепанности стояло и смотрело на меня с берега, как голодный котёнок смотрит на жующего чебурек человека.

Корабли, удерживаемые силами притяжения станции оказались недалеко. Пришлось взять их всех на борт, рискуя затонуть от перегрузки четырех небольших судов, с полными трюмами. И естественно, отправиться не с торговым походом, а повернуть обратно к побережью баронства.

Искусственный интеллект исследовательской станции воспринял меня не долгожданным человеком, который примет на себя управление, а всего лишь результатом удачного эксперимента. Для него я был лишь доказательством прогресса деятельности его создателей. Все мои доводы о том, что я очутился в собственном произведении, ИскИн иронично пропустил мимо ушей, видимо, думая, что после пережитого на острове у меня легкое помутнение сознания.

Более того, я рассчитывал на то, что мне будет вручен если не боевой десантный бот с лазерно-плазменным и ракетно-артиллерийским вооружением, то уж хотя бы продвинутая винтовка, чтоб мои враги почувствовали неудержимую мощь прогресса. Но искусственный интеллект, лишь корректно добавил, что проводимый эксперимент еще не закончен, и все подопытные должны состоять в равных условиях.

Я пообещал этому высокомерному ИскИну, что обязательно вернусь сюда и разберу его цифровые блоки памяти на мелкие детали, отправив его в небытие, и был приятно удивлен его чувством юмора. Он ответил, что это был бы великий день для научного эксперимента "Последняя надежда", ибо возможность разобраться со сложным строением исследовательской станции покажет высокий уровень моего развития, как индивида.

В общем, хитрый искусственный интеллект не воспринимал мои угрозы и не реагировал на просьбы о помощи, сказав лишь, что будет следить за развитием человечества.

С горем пополам, скрестив пальцы против возможных штормов, мы, сильно перегруженные добрались до Аликета, сильно удивив Пурьгоря. После недолгих объяснений, мой названный брат, принял бедолаг, спасенных из "Ктали-Матра", пообещав максимально социализировать их в трудовую жизнедеятельность западного побережья.

Первый торговый поход в Альмиурскую деспотию получился разноплановым по достигнутым целям. Торговцы портового города Саратоса с радостью приняли наши товары и заплатили достаточно высокие цены за некоторые виды нашей продукции. Престор Пор сумел быстро наладить связи в местных купеческих кругах, задабривая разные гильдии торговцев лестью, подарками и своей харизмой. Он наполнил наши сундуки не только золотом и серебром, но загрузил трюмы нужными для нашего баронства вещами и товарами с юга. Прежде всего, это были первоклассные селекционные виды животных: высокопроизводительные коровы и козы, набирающие быстрый вес быки и бараны, плодовые и несущие яйца в любое время года курицы, овцы, обрастающие шерстью, словно пират бородой после пьянки, элитные Альмиурские скакуны и тягловые Гарганские лошадки. Также закупились множеством семян разных растений и клубнями картофеля, о котором не знали на севере. Затем было качественное спиртное для торговли, предметы роскоши, шелковые и бархатные ткани, редкоземельные металлы, для использования в металлургии. Закупили бочки засахаренных тропических фруктов и законсервированных овощей для борьбы с авитаминозом. И еще было много всякого добра, которое у купцов княжества Шаронди можно было бы приобрести только с накруткой в тысячи процентов.

В торговле наша миссия была успешнее первоначальных ожиданий. Но вот в дипломатии все было гораздо хуже. Ни префект Саратоса, ни его аристократы, ни тем более официальные чиновники деспотии не удостоили нас даже ответами на просьбы об официальных приемах. Мы с Аристобалом заготовили множество щедрых подарков, но, к сожалению, на нас смотрели как на вскочивший на лбу прыщ, а не на высших лиц баронства. Молва уже растрезвонила о появившемся на каких-то далеких северных территориях маленьком вассале вассала Драманской империи. Но его считали скорее буферным анклавом для защиты от северных кочевников, населенным полудикими варварами, чем цивилизованным образованием.

Ну что же, не все сразу. Мой баронский мандат от субвассала Драманской империи, хотя бы защищал меня от грабежей и несправедливого торга, а уважение надменных господ старых государств в кармане не звенит, и им не накормишь свой народ.

Также делая крюк, огибая по широкой дуге побережье Драманской империи, наша маленькая флотилия из четырех кораблей не без испытаний добралась в Аликет.

За два месяца плавания город было не узнать. Появилась шикарная набережная и удобная для приема кораблей разного размера гавань, с погрузочно-разгрузочными деревянными кранами на ручной тяге. Каменные пирсы уходили глубоко в гавань. Прибрежные портовые склады поблескивали окнами, за которыми велась кипучая деятельность. Портовая канцелярия с десятками счетоводов описывали грузы и выдавали документы. Чуть дальше порта находилась прекрасная площадь с фонтанами и ухоженными садами, строилась ратуша, почти был достроен собор, а красивейший дворец наместника блистал новизной и дороговизной экстерьера. Пурьгорь не пожалел усилий для придания статусности своей должности.

Оно и правильно — при существующем уровне развития общества только лишь внешний блеск говорил о высоком статусе человека и будущие купцы, официальные лица других государств с большим уважением отнесутся к обладателю такого дворца, чем к живущему в сарае наместнику.

Далее шли торговые кварталы с офисами зарождающихся местных и уже сформировавшихся чужестранных купцов. На последней стадии строительства была биржа.

Неподалеку строились школа и мастерское училище. Чуть севернее находилась больница, в которой полным ходом шло комплектование персонала. На другой площади, чуть глубже в городе и невидимой с побережья, уже был заложен фундамент театра и дома искусств. Мне хотелось привнести в этот мир чуть больше чего-то возвышенного, повысить уровень культуры народа.

И естественно весь город состоял из жилых кварталов, которые строились не кое-как, а согласно генеральному плану. Двух и трех этажные дома зарождавшихся богачей стояли ближе к центру, к периферии тянулись дома простолюдинов. Там же более всего концентрировались участки народной дружины, охранявшие порядок и пожарные команды.

Строить крепостную стену не было смысла — город рос. Но вот создать на возможных направлениях движения оборонительные рубежи было необходимо. Небольшие, но весьма грозные оборонительные крепости были построены на возможных участках проникновения врага.

За городом располагались строящиеся, планируемые и уже действующие производства. В первую очередь поля, огороды и пастбища. Ораву людей в городе, нужно было чем то кормить. Поощряемая мной специализация требовала более эффективного подхода к этому вопросу. Кто-то лучше торгует, у кого-то производительнее получается ковать железо, кому-то легче ваять глиняные горшки. Но в любом случае он должен быть сыт.

Так же по окраинам города стояли ткацкие, одежные и кожедубильные цеха, кузнечные, литейные, гончарные, кирпичные мастерские, пищеперерабатывающие фабрики. По берегу моря стояли рыбацкие артели и строилась верфь.

Всего по "Книге граждан славного города Аликета" в нем постоянно проживало 3867 человек, но с учетом постоянно приезжавших на заработки и торговлю в буйно растущем поселении было существенно больше пяти тысяч. Аликет рос гораздо быстрее Пардалиса, поскольку основные переселенцы шли морем, но в абсолютных цифрах все же пока отставал.

В столице баронства к лету уже проживало более четырех с половиной тысяч жителей и огромные усилия шли на поддержание внутреннего порядка и предотвращения межнациональных и межрелигиозных конфликтов между жителями. Но неприхотливым и глуповатым крестьянам, валом валившим из-под гнета Драманской империи счастьем казалась сама возможность мирно жить и работать под легким бременем государственной заботы баронства. Это вам не земная Европа с наплывом гостей из Африки и Азии. Это было похоже, скорее, на тихую ассимиляцию поселенцев в США в девятнадцатого века, когда в Новый свет толпами ехали и испанцы-католики и славяне и англичане-протестанты и арабы-мусульмане и китайцы-буддисты. Их тихо и мирно расселяли по огромным пространствам и уже через десяток лет они забывали о корнях. К тому же Антонир с помощью имперского пропагандиста Колакся выстроил серьезную систему воспитания патриотизма, воздействуя через появившиеся газеты, агентов влияния в общинах поселенцев, генерируемых специальными людьми слухах на настроения и умы недалеких, в общем то, крестьянах.

С интеллигенцией обстояло сложнее. Грамотные специалисты приезжали с уже сформировавшимся мировоззрением. Но уют, довольство получаемыми зарплатами и свобода деятельности напрочь покупали их лояльность к государственному строению баронства. К умным людям нужно подходить не через желудок, а через их амбиции. Но всегда требовалось держать эти амбиции на длинном поводке, чем и занималась служба Антонира.

Капитальная мощеная дорога, связывавшая Пардалис с тремя городами западного

побережья тоже стала обрастать маленькими поселениями, кормившимися с проезжающих путников. Служба почтовой связи, с располагавшимися через каждые двадцать километров станциями, где гонец должен был передать свежему сменщику послание, сытно поесть и отдохнуть, затем вернуться домой, привлекала поселенцев, обустроивавших там свои нехитрые хозяйства. Появлялись в таких местах трактиры и таверны, торговые ряды, производственные постройки.

Слух о сытой жизни в баронстве не только привлекал крестьян, но и вызвал недовольство сатрапов княжества Шаронди и его сюзерена Драманской империи. Только лишь кровопролитная война с Аранейской конфедерацией не дает возможности ястребам в империи покончить с оттоком населения, введя многотысячную армию в баронство Пардалис и оккупировав его.

Этими мыслями я и занимался в своем дворце в центре столицы, обмозговывая варианты развития событий. Быть правителем — это смотреть за горизонт, быть хорошим правителем — это предугадывать мысли противников. Активизировалась деятельность агентов Ордена Верных. Их быстро вычисляют среди разных групп населения сотрудники Антонира, но их возросшая активность в последнее время навивала мысль грядущих тяжелых событиях. Нет сомнения, что надгосударственная верхушка этого мира, а Орден Верных и был такой конструкцией, обратила внимание на выскочку.

Шестой поход торговой эскадры в марте принес тоже крайне печальные известия, поскольку на Альмуирских торговцев власти оказывают давление, не давая торговать с нашими купцами. Им приходится придумывать разные схемы, чтобы купить выгодные для них товары нашего производства. На границе с Драманской империей неспокойно. Концентрация отрядов самообороны этого государства и деятельность лазутчиков на нашем берегу Крыжмы приводит к мысли о каких-то приготовлениях. Антонир держит сеть агентов в приграничных провинциях империи, но информация поступает скудная и противоречивая.

Сын нашего сюзерена Келлоса Шаронди Батист присылает все возрастающие требования по прекращению переманивания населения и оплаты деньгами за каждую душу, поселившуюся у нас.

С севера приходят тоже не самые хорошие вести. Хошбаны нанесли ряд впечатляющих пораженийномадам. Их численность невероятным образом растет. Того и гляди те посыпаться через перевалы и баронство станет легкой добычей для десятков тысяч варваров. Наверняка, моя деятельность по искоренению злых сил в Черном замке, как-то активировала размножение вышедших из под контроля человека генетических мутантов.

Кроме этого на далеком востоке континента обширная тундра выродила из своей гигантской утробы еще одну жестокую орду, которая с яростью молодого волка уничтожала все на своем пути. Оголившиеся тылы номадов, состоящие из кочевых стойбищ племенных объединений были поголовно вырезаны. Сейчас находясь между двух огней, Балутрак Уртагай, вождь номадов, посылает своих гонцов во все цивилизованные страны севера, с просьбами о помощи на любых условиях. Но правители северных королевств и княжеств с презрением выгоняют послов, как нечаянно вбежавших в открытую дверь мясной лавки помойных котов. Но не я! Взяв паузу, мне предстояло тщательно все продумать в этом вопросе.

Лига свободных торговцев, после моего отказа в соглашении об эксклюзивной торговле стала вставлять палки в колеса нашим купцам, где демпингуя, где используя связи и административный ресурс, где вводя санкции и эмбарго. Вязкая война с такой

могущественной организацией не могла привести к хорошим результатам.

В целом же год существования баронства Пардалис выдался достаточно успешным. Четыре крупных города (Пардалис, Аликет, Черный замок и Фарус) насчитывали более десяти тысяч населения, еще более двух с половиной тысяч было рассеяно в маленьких деревнях и поселениях крохотного баронства. При этом поток переселенцев и не думал утихать.

Такая привлекательность Пардалиса была связана с низкой налоговой ставкой — 10 процентов с каждой души. Рассчитывалась она по итогам года, как среднее арифметическое для каждой группы населения — крестьян, ремесленников, купцов, промышленников, чиновников и прочих. Их совокупный доход складывался и делился на количество человек в данной группе.

Получалось, что богатым крестьянам приходилось платить меньше, а бедным — больше. Это давало им два варианта развития событий — работать лучше и увеличивать производительность своего надела, либо же уезжать обратно под имперскую налоговую ставку в 75 %. Своего рода мотивация и естественный отбор. Так отбраковывались ленивые и "всепропальщики", у которых во всех бедах виновато государство, а не их лень. Страховой крестьянский банк ведал распределением беспроцентных займов для пополнения оборотных средств фермерских хозяйств и выделял безвозвратные ассигнования при стихийных бедствиях.

Юридические лица — торговые компании и лавки, производственные цеха, заводы и фабрики, страховые и биржевые конторы и прочие коммерческие учреждения платили ставку 20 % от дохода, определяемые согласно более сложной, чем у физических лиц, методикой, в которой учитывалась численность сотрудников, важность отрасли, степень рисков деятельности, появляющаяся добавленная стоимость продукта или услуги и прочие параметры и коэффициенты. Продуманная система расчета не только мотивировала на получение прибылей, но в то же время снижала налоговое бремя на отрасль при неблагоприятных периодах.

Глава 2. На пороге тяжелых испытаний

— Мой лев весь в думах, — за стол присела как всегда безупречно красивая Ирис. Она легкой, воздушной улыбкой смогла смахнуть с моего тяжелого сердца все думы и сомнения, а душу наполнить высокими чувствами, которые пьянили лучше любого вина. Моя Ирис... На правах моей невесты мы иногда обедали вместе, и эти минуты были самым лучшим подарком судьбы.

Несмотря на все проблемы, я старался уделять Ирис максимум внимания. Мы гуляли по окрестностям Пардалиса, смеялись как дети, дурили как дворовая ребятня. Нам было хорошо и комфортно вместе. Я чувствовал, какая мощная неудержимая сила влечет меня к Ирис.

По патриархальным порядкам карогов необходимо было сперва объявить себя женихом и невестой. После этого должно пройти не менее трех месяцев, в течении которых жених может вестись невестой только днем и ограниченное количество времени. При этом нельзя было не только обниматься — не допускались даже прикосновения. Это делалось для того, чтобы будущие молодожены окрепли в своих чувствах, либо же пока не поздно трезво ощутили отсутствие оных. Гарантом этого выступал родитель, в нашем случае Зарун. Он позволял нам с Ирис встречаться только за обедом.

— Солнце наконец-то озарило мрак моего одиночества, — прокомментировал я свои чувства.

— О-о, тебе бы романтические песни слагать, — мы улыбнулись друг другу, и в воздухе повисла напряженная атмосфера страстного влечения. Как будто сейчас лопнет струна, и мы ринемся в объятия друг друга. Первая взяла над собой контроль Ирис. Она отвела свой пылающий нежностью взгляд в тарелку и принялась торопливо кушать.

Затем и я, покраснев от мыслей и картинок, представших перед моим мысленным взором, уткнулся в стол.

— Я очень скучаю, — пробурчал я, пережевывая листья салата.

— Я больше, — шепотом произнесла она, будто заговорщица.

— Потерпи, родная, остался один месяц, двадцать два дня и восемнадцать часов, — со вздохом произнес я.

Мы стали разговаривать, наслаждаясь речью друг друга, о текущих делах каждого, о планируемой свадьбе, о жизни баронства, об отце и братьях Ирис. Пятнадцать минут пролетели как мгновение, когда хитро улыбающийся Зарун позвал Ирис.

— Традиции, есть традиции, — будто извиняясь, сказал он. Я еще с полчаса сидел в некотором благостном впечатлении, но затем заставил себя перейти на текущие задачи. Требовалось хотя бы дожить до свадьбы.

Я мариновал посла номадского хана уже три дня, напряженно размышляя, как использовать эту, несомненно, козырную карту в своих руках, просчитывал риски и возможности. И, казалось, принял единственно верное решение, согласившись на союз с этими мрачными и гордыми сынами тундры, тысячелетиями наводившими страх на северные государства.

Расчет был прост. Дипломаты и агенты баронства в цивилизованных государствах отмечают пока еще скрытую, но от этого не менее очевидную подготовку общественного мнения аристократии, королевских дворов и самих государей, дабы обратить свой гнев на выскочек с севера, то есть нас. Всю эту пропаганду готовит Орден Верных, которому,

несомненно, принадлежал Черный Замок, являвшимся пристанищем темных сил и местом совершения отвратных мистических ритуалов. Мне казалось, что этот замок как-то связан с хошбанами.

Как только обработка мозгов властителей этого мира будет завершена, а все тяжелые конфликты между царями будут исчерпаны, десятки тысяч воинов вторгнутся в маленький клочок суши, под названием "Баронство Пардалис". Это будет крах всего.

Во-первых, мне необходим был мощный союзник. Если цивилизованные страны с пренебрежением относятся к нам, то делившие испокон веков обширные пространства тундры номады, могут стать друзьями. По крайней мере законы тундры тверды как камень — если дал слово, то искупаешь его только кровью.

Во-вторых, уничтожение хошбанов позволит нам обезопасить северные границы, приобрести новые владения за горными хребтами Градии и получить богатые золотом и серебром места на севере.

Но был великий риск потерять все гораздо раньше, чем с юга придут цивилизованные рыцари. Зато и победа в предстоящем начинании повышала шансы противостояния южным царствам.

Армия небольшого баронства была огромна по соотношению с его населением. Профессиональные войска состояли из тысячи хорошо обученных солдат. Еще сотня агентов имелась у Антонира и двести — состояли в народной дружине(аналог полиции). Итого 1300 военных при почти тринадцати тысяч населения. В истории Земли такое соотношение возникает только при мобилизации населения в крупных войнах. Десять процентов от общего числа населения! Но содержание такой орды при довольно маленьком бюджете баронства было необходимо с точки зрения имеющих угрозы. К тому же численность населения продолжала расти, что радовало.

Но я сделал армию экономически необременительной для бюджета с помощью ряда хитростей. Во-первых, по примеру Римской империи выдавал каждому воину крупные наделы земли для собственного пропитания, строительства жилья, содержания скота и ведения домашнего хозяйства. Зачем мне наемники, которые целыми днями бухают, а когда возникает потребность победоносной войне исчезают бесследно.

Профессиональный солдат до двух часов дня занимается военной подготовкой в находящейся поблизости части, далее становится свободен для домашних хлопот. Ему выплачиваются хорошие подъемные на обустройство собственного хозяйства. В мирное время он довольствуется очень скромной зарплатой, и кормиться, в основном, с плодов собственного двора. Но, участвуя в войне, зарплата поднимается в несколько раз, доходя до очень приличных уровней. Кроме этого отслужив двадцать лет, солдат уходит на пенсию с пожизненным содержанием. Если он получал серьезные ранения в бою и становился инвалидом (как правило, если терял конечность полностью) — сразу же выходил на пенсию. Если солдат погибал в бою, его семья, до совершеннолетия младшего ребенка регулярно получала скромное солдатское содержание мирного времени.

Такой выгодный контракт мечтали заполучить многие крепкие ребята. К тому же у них появлялась мотивация сражаться за родную землю, за свои семьи, и они знали что родственники не останутся без хлеба, если солдат погибнет. Поэтому никогда не возникало отбоя в добровольцах для участия в спецоперациях, чтоб подзаработать солидные деньги.

Во-вторых, вся структура больших доходов баронства базировалась на сильно положительном сальдо торгового баланса. То есть, мы продавали гораздо больше, чем

покупали. При этом, как я уже упоминал выше, мы копили в казне только часть доходов, формируя подушку безопасности. Большую часть средств все же заставляли работать. Золото и серебро вкладывалось в строительство жилья, возведение дорог, прокладку инфраструктуры, постройку предприятий, которые затем продавались частным инвесторам. Я строго следил, чтобы каждый рубль был обеспечен какой-то реальной ценностью. К тому же, все приезжие могли трудоустроиться на какой-либо работе, а получаемую зарплату тратили внутри страны, создавая мультипликационный экономический эффект. При таком способе экономически эффективной деятельности армия не ложилась тяжелой ношей на бюджет.

В-третьих, анализируя опыт Голландии, которая была в семнадцатом веке самым могущественным государством, я с удовольствием решил перенять её опыт для развития баронства. По сути, что Нидерланды на Земле, что Пардалис здесь, обе страны находились в похожих условиях — маленькие государства, окруженные жадными и могущественными врагами. Но почему все элементы парусных судов происходят от голландских слов? Правильно, они были превосходными моряками.

Но весь вопрос в том, как они ими стали. Не может страна за короткий срок обрести сильными морскими традициями. Причиной возвышения Голландии стала... селедка. Еще со времен Римских императоров батавы, предки голландцев славились рыбной ловлей. Но селедка была едой для нищих, ибо горчила уже на следующие сутки после вылова. Некто Бейкельс в конце четырнадцатого века, додумался засаливать эту весьма распространенную рыбу в бочки прямо на борту, сразу после вылова. И вкус селедки становился просто сказочным.

И тут понеслось: вся Европа жаждала отведать столь вкусный и дешевый продукт. Бочки голландской селедки наводнили рынки многих стран, став одним из основных блюд. Естественно, тысячи голландских крестьян сменили род занятий на более прибыльный. Строились сотни рыбацких кораблей, которые уходили на многие дни и недели в бурные моря. Так сформировалась нация превосходных и отважных мореходов, которые, впоследствии, "давали жару" более многочисленным английским, испанским и французским армадам за счет идеальной выучки, организации и конструкторской мысли корабелов. Не зря Пётр I, с самого начала обратился именно к голландским специалистам.

Я решил, что необходимо более детально присмотреться к опыту Нидерландов. На западном побережье строились многочисленные рыбацкие суда для автономных походов за морскими обитателями. Они были загружены пустыми бочками и мешками соли. Сельдь приняли "на ура" заграничные торговые партнеры и теперь почти половина бочек шла на экспорт. Остальное шло на внутреннее потребление и на содержание армии. Дешевая, долгохраняемая, питательная и полезная рыба стала основой рациона для солдат.

Существенные преобразования произошли и с самим воинским контингентом. Усиленно поощряя изготовление ручного огнестрельного оружия я к началу весны второго году пребывания здесь и первого года жизни баронства Пардалис полностью оснастил каждого пехотинца собственным ружьем. Конструкция была такая же, как и в империи — тлеющий шнур поджигал насыпанный в ложе порох, тот моментально воспламенялся, толкая по стволу пулю. Во избежание любопытных иностранных агентов, заменить шнур на гранитный боек решили при наступлении действительно тяжелых времен, дабы удивить противника. Также решили впоследствии заменить рассыпчатый порох на картузы, чтобы сократить время перезарядки.

Если в свежешаляном нашествии войск Келлоса только тысяча его солдат из шести была вооружена огнестрелом, а в имперской армии процент стрелков был и того меньше, то что мои солдаты выгодно отличались от них своей универсальностью. Мною был внедрен штык, как замена копьё, и он давал возможность встречи налета конницы смертельным для неё сюрпризом. У каждого имелся легкий, но мощный топорик на правом бедре, и длинный меч на левом. Если начиналась рукопашная схватка солдат был вымуштрован драться двумя этими предметами с поразительной эффективностью. Ведь меч иногда не мог пробивать кольчугу, а топор был слишком короток. Но вот их сочетание в умелых руках превращало солдата в мясорубку.

Каждый воин был снабжен кирасой из легированной стали (не зря ведь закупаались редкоземельные элементы на юге), которая довольно хорошо защищала от ружейных выстрелов со средней дистанции. Руки и ноги защищались менее эффективно. На толстую кожу были вмонтированы подвижные треугольники из легированной стали (расположение ячеек я взял из конструкции российской экипировки "Ратник"), которые особо не мешали движениям конечностей, но в то же время создавали препятствия для колюще-рубящих и огнестрельных попаданий. Тут уж как повезет!

Чтоб сделать солдата отдельной высокоэффективной боевой единицей, перед спецзаданием или сражением каждому выдавался запас еды на трое суток, которое при желании можно было растянуть на шесть.

Но самым важным оперативным управлением войском была конечно же связь. Но, при существующем развитии технологий решить эту проблему никак не получалось. Хоть снова плыви к острову Ктали-матра и на коленях выпрашивай пару сотен старых телефонов Нокия 3310.

Все же, условные знаки пальцами при близком взаимодействии, были выучены солдатами как молитва. При отсутствии видимости подавали сигналы звуками. При очень дальнем расположении в небо пускались заряды четырех типов: красный — опасность, желтый — отступление, зелёный — натиск, синий — сгруппироваться вокруг источника сигнала.

В планах имелась задумка оснастить каждого солдата двумя пистолетами для ближнего боя, но все стопорилось из-за нехватки времени и ресурсов. Пока лишь имелось у каждого по четыре гранаты, напичканные шрапнелью.

Армия баронства состояла из батальона пехоты, количеством около шестисот человек, поделенного на три роты по двести. В каждой роте также имелось десять взводов по двадцать солдат. Конница состояла из двухсот всадников сочетавших в себе натиск кирасиров, противокавалерийские способности уланов, легкость и быстроту гусар. Их учили практикам разного вида боевых задач, поэтому они считались многофункциональными боевыми единицами.

Кроме этого, они выполняли функции драгун. То есть, если была необходимость, спешили в нужном месте и приступали к обязанностям пехотинца. В то же время, кавалерию натаскивали на маневр перевозки пеших бойцов, когда на лошади размещали еще одного пехотинца. Как правило, самых искусных стрелков.

Все они были в прочных доспехах, ездили на самых лучших и работоспособных скакунах. Из оружия у них была пика, мощный палаш, топор и винтовка. Все кроме пики было достаточно эргономично привязано к седлу, так, чтобы в любой момент можно было выхватить их.

Огневая мощь армии состояла из пятидесяти пушек, разбитых на десять батарей. Пять батарей были крупного калибра. Остальные пять состояли в штате конной артиллерии и были более мелкого, заточенного под шрапнель калибра. Они составляли самую мобильную ударную группировку и на учениях могли покрывать значительные расстояния, нередко выходя в тыл вероятного противника.

Кроме того в моем распоряжении имелось два взвода инженерных войск, три взвода сил специального назначения и три — армейских разведчиков. При нашей армии имелся штаб, включавший в себя начальника штаба — Мурсела Кадиса, опального генерала Гарганского царства, офицеров оперативного и аналитического отделов, специалистов службы тыла, ординарцев и гвардейского взвода.

Общевойсковые гарнизоны, которые располагали в равных частях представителей всех видов войск, стояли на северных перевалах, возле дороги на столицу княжества Шаронди и возле переправ через Крыжму.

Флот теперь имел два подразделения: речной и морской. В первом находились восемь небольших двадцатипушечных корветов и девятнадцать юрких десятипушечных канонерских лодок, которые день и ночь контролировали все русло Крыжмы.

Морской флот, которому уделялось больше всего внимания состоял из спущенного недавно, но пока еще не укомплектованного пушками красавца-линкора "Ирис", стопушечного стодвадцатиметрового флагмана нашей будущей, как я верил, армады. Сделанный по всем канонам имевшегося на планете судостроительного опыта, он был значительно усовершенствован с помощью моих рац. предложений и имел превосходную прочность, идеальную остойчивость, повышенную скорость с помощью применения новой конструкции парусов. Листы легированной стали, покрашенные под дерево добавляли прочности конструкции при прямом попадании. Внешняя и внутренняя отделка была великолепна и своей шикарностью соответствовала своему имени.

Также в составе морского флота имелось пять фрегатов, семь корветов, двенадцать галер, и более двух десятков более мелких кораблей: шхуны, барки, шебеки. Они делились на два неравных дивизиона — большая эскадра стояла у Аликета, меньшая у Фаруса. Черный замок, хоть и стоял у моря, но в охране побережья не нуждался скалы и мощные течения делали налеты на него бессмысленными.

Кроме этого имелся большой торговый и рыболовный флот, на кораблях которого, при необходимости можно было установить пушки.

Зарун все-таки передал всю власть мне. Он стал членом высшего Госсовета, который стал приемником Совета Старейшин. Госсовет собирался раз в неделю. Туда входили все ответственные за разные направления деятельности профильные начальники. Совет старейшин, несмотря на осязаемый ропот клановых вождей стал исполнять чисто судебные функции. В четырех городах располагались судилища, и там выносились решения по мелким делам. Крупные случаи рассматривались в Пардалисе на высшем судебном совете, под председательством Заруна, из съезжавшихся в город раз в месяц всего состава клановых вождей.

Госсовет, представленный профильными специалистами, все же был гораздо эффективнее Совета старейшин, где присутствовали далекие от серьезных дел главы родовых общин. Здесь уже со знанием дела обсуждали серьезные вопросы с максимальной компетентностью выходцы и беженцы из цивилизованных стран, разбавленные выбившимися и быстро обучающимися карогами. В списке последних были Антонир,

Пурьгорь, Ирис, ставшая управляющей направлением легкой промышленности. Также членом Госсовета был Аттон, простой карог, выбившийся из простых сталелитейщиков и Гимодей, чей пытливый ум помог пробиться ему в руководители рыболовного хозяйства. Я поощрял инициативность и замечал толковых и грамотных карогов, давая им возможность быть на равных ролях с приезжими. Кроме этого в состав Госсовета входили Артос и Евмен, которые уже стали мне близкими друзьями.

Вечером в зале заседаний я принял посла номадов.

— Мы будем союзниками вашему сильному и гордому племени! — сказал я дипломату тундры, после недолгого обмена дипломатическими любезностями.

Улыбка озарила страдальческое лицо посла, который уже подумывал о своей смерти из-за моего долгого молчания.

— Мой вождь будет рад иметь такого сильного союзника, — без тени иронии заметил тот. Три дня он свободно гулял по Пардалису и мог убедиться сам, как все поставлено в баронстве.

— Но требуется принять ряд взаимовыгодных договоров и обсудить детали совместных действий. Артос вместе с генералом Кадисом и группой офицеров отправится в ставку вашего владыки для подписания договора. Выезд — сегодня вечером.

Просторный зал совещаний, украшенный на манер средневековых царских тронных палат, изобиловал золотыми изделиями, произведениями местного искусства, архитектурными статуями, гобеленами, яркими южными коврами. Я не столько хотел наслаждаться роскошью, сколько стремился великолепием зала приемов внушить уважение маленькому баронству. Не хотелось казаться сибаритом, но общие традиции властителей мира сего требовали соблюдения определённых неписаных правил.

Посол номадов, радостный, удалился дабы подготовиться к путешествию. Цель его миссии достигнута, и, наверняка, Балутрак Уртагай не оставит без внимания усилия дипломата.

Кредат Марцип, мой личный референт, молодой, но крайне ответственный и умный парень уже докладывал о новом посетителе. Личного помощника я нашел случайно. Из спасенных из объятий "Ктали-Матра" горемык один был до того смысленый и деловитый, что не обратить на него внимание было сложно. Кредат быстро стал лидером среди бывших пленников острова, организовал оперативное и правильное распределение питания спасенных, наладил дисциплину, определил правила поведения. Кроме этого при качке заставлял всех спускаться в самый нижний уровень трюма, чтобы повысить остойчивость и так заполненных под завязку кораблей. Мне понравилась эта организованность, дисциплина и рациональное мышление, и я нашел наиболее правильное применение ему.

Слегка смуглый брюнет с правильными чертами лица, высоким ростом и уверенным, всегда спокойный, он был крайне благодарен за спасение, и верой и правдой служил при дворе. На него можно было положиться в организации дел и встреч первых лиц баронства.

— Господин, за дверью ждет Билегор, — вкрадчиво сказал помощник.

— Какие встречи еще запланированы на сегодня? — спросил я, стараясь не держать в памяти рутинные моменты и делегировать подчиненным часть работ.

— Совещание с Антонином и встреча с подрядчиком строительства университета.

— Ладно, впускай Билегора, а то его слабенькие ножки наверно затекли в ожидании.

Излишне упитанный и вечно суетливый Билегор был дворцовым казначеем и выполнял бухгалтерские расчеты двора и казны. Выслушав о состоянии финансов и полученной за

сутки прибыли, я сделал заметки в своих бумагах. Хорошие новости с монетного двора — добытое последней экспедицией золото, пополнило на шестьсот золотых монет состояние баронства, еще примерно половина этой суммы будет начеканена завтра.

Разговор с Антониром был максимально насыщенным. Кипящие за видимой завесой обыденной жизни и всеобщего развития страсти крайне тревожили своим накалом. Названный брат отчитался о пойманных агентах, распускаемых слухах и настроениях во влиятельнейших кругах соседних государств.

Больше всего беспокоила новость о том, что Драманская империя проведя ряд блестящих военных операций перевернула ход войны с Аранейской конфедерацией. Но самое парадоксальное — они ведут скрытые переговоры о мире со своим врагом. К чему такая спешка? Понятно, что экономика империи трещит по швам. Но ничего не мешает Драманам оттяпать солидную контрибуцию или забрать богатые земли соседа и восстановить свои финансы.

— Что думаешь, государь? — спросил Антонири.

— Я думаю, что конец гораздо ближе, чем я думал!

— медленно, смотря пустым взглядом в стену, сказал я. — Надо действовать быстро и решительно. Возможно, момент уже упущен.

Я встал и прошелся по залу, окончательно сформировывая план.

— Что ты задумал!

— Брат, на тебя вся надежда! Остаешься с отцом за главных в Пардалисе! Нельзя ждать, когда удавка затянется на нашей шее! Я отправляюсь в поход сегодня же. Разберёмся с севером — будут развязаны руки для защиты от южных варваров.

— Ты спятил! Хожбанов там десятки, если не сотни тысяч! Даже бесстрашные черные войны тундры — номады терпят поражения и отходят вглубь континента.

— У тебя есть предложения? Сидеть и ждать — это верная смерть! Сейчас нужны хирургически точные и максимально быстрые действия. И в этом мне нужна будет твоя помощь.

Глава 3. Северная война

Начальник штаба Мурсел Кадис, глава службы безопасности Антонир, командующий флотом Аристокл Билидор, командующий армией Евмен, министр иностранных дел Армас, начальник службы тыла Кальвий Карен и верховный прокуратор Зарун склонились над оперативной картой северных земель. Я вкратце изложил свой план, после чего увидел кучу взглядов, сомневающих в моем здравомыслии. Ночную темноту зала собраний освещали лишь три масляные светильника на массивном столе так, что компания со стороны выглядела как кучка заговорщиков.

Агентура Антонира докладывала, что в стойбищах хошбанов на северо-западном побережье великой тундры происходят странные дела. То и дело, поселения отправляют многочисленные резервы на линию фронта в войне с номадами. Они либо плодятся как кролики, либо же без участия сверхъестественных сил здесь не обошлось!

Усиленные группировки хошбанов располагаются недалеко от перевалов Градии, охраняя стойбища от внезапного вторжения южных царств. Не менее десятка тысяч в каждом. Примерно треть из них — верхом на медведях — так называемая гвардия. Это самые отмороженные воины, питающиеся исключительно человечинной.

Основная жемасса диких порождений преисподней сейчас была далеко на востоке и вела кровопролитные бои с номадами уже глубоко в землях воинственных кочевников.

— А что — может и сработать! — сказал Мурсел, выслушав мое предложение и тщательно обдумав все варианты. — Неожиданность и маневренность могут принести успех.

— Тогда придется оголить тылы, — задумчиво произнес Аристокл.

— Мобилизуем ополчение и временно реквизируем часть торговых и рыбацких судов. — ответил я.

— Подготовить столько провизии за такой короткий срок будет трудно, — сказал Кальвий. — Да и запасов ядер, пороха, шрапнели на складах не достаточно для быстрой операции.

— С собой возьмем у Торговой компании все то продовольствие, что она приготовила на продажу. Ничего! Месяц перебьются! Ядра и порох выгребем из кораблей и крепостных арсеналов. А затем, по мере изготовления заводами — вернем все обратно.

— Сколько солдат возьмешь? — спросил Антонир, который оставался за главного в баронстве.

— Всех! — ответил я. — Гонцы уже экстренно поднимают части в поход на места сборов. Тебе же, брат, нужно мобилизовать тысячу резервистов и подготовить из них первоклассных защитников родины.

— Если реестр резервистов отвлекать от работы, то это скажется на производстве, — возразил Антонир, быстро смекнувший азы капитализма и промышленной революции. — Тысяча крепких мужиков, для нашей скромной страны на вес золота.

— Будет разумным временно освободить их от работы, в качестве вызова на военные сборы. А на их места, также временно, нанять студентов мастеровых училищ. Последним хорошая практика будет на пользу. Вот сотня работников у тебя есть! Устрой профессиональный отбор среди вновь приезжих, возможно, кто-то тебя еще очень сильно удивит своими возможностями. И еще... Внимательно следи за перевалами. Хоть хошбаны и тупые, но удар через перевалы от них ожидать можно. Там останутся пограничники. Усиль

их ополченцами.

Я не стал ни с кем прощаться, а сразу рванул со всем штабом на речной фрегат "Хордос", на который загружали различные военные припасы и продовольствие. Посол номадов ускакал в сопровождении Артаса и взвода конницы в ставку номадов. Спокойный, уравновешенный, в то же время красноречивый и настойчивый Артас, как министр иностранных дел, прибавит моему посланию значимости в глазах Балутрак Уртагая.

В порту Пардалиса собрался весь речной флот Крыжмы, срочно вызванный в город, без указания причины. Гарнизон столицы и воинская часть № 1, расположенная неподалеку от дороги на княжество Шаронди, грузились в корабли в строгом порядке, не раз отработанном на тренировках.

Официально это и называлась "внезапная проверка боеготовности войск". Опасаясь вражеских шпионов, информация об операции имела только у высших офицеров командования.

План операции, родившийся в моей голове и подкорректированный коллегами, был таков — два перевала через хребты непроходимой цепи гор Градии, располагавшихся в баронстве Пардалис серьезно охранялись хашбанами, имевшими там, по данным разведки, в двадцать раз превосходящие силы. Они патрулировали предгорья, не заглядывая на перевалы, дабы не обострять отношения.

А что, если высадить морской десант с западного побережья, в самую сердцевину их стойбищ и одним махом уничтожить резервы, подкрепляющие их армию. Эффект неожиданности, плюс удар в самое уязвимое место, равняется неплохому шансу на победу. Очень могут помочь номады, если прислушаются к посланному мной плану действий.

Кочевники не дружили с морем, поэтому не имели флота, да и северные пространства океана за хребтами Градии зимой покрывались льдами, в отличии от берегов нашего баронства, так что для хожбанов это была просто граница их владений. С этой стороны неприятностей они никогда не видели, поэтому серьезной защиты там нет. Можно передавить тараканов в их логовах. Заодно и выяснить, откуда берутся бесчисленные полчища этих уродов. Больше всего хожбаны походили на смесь неандертальца, обезьяны и рэпера-наркомана. Угловатые, скуластые, словно покрытые многочисленными вздувшимися флюсами, их черты лица украшали два маленьких, глубоко посаженных и горящих злобой глаза. А каре из дредов, спускавшихся по шею придавало им схожесть с неграми из трущоб Бруклина.

— Гонцы уже наверняка прибыли в Аликет и Фарус, — предположил адмирал Аристокбал. — К нашему появлению там, весь флот будет в полном составе. Жалко что на "Ирис" еще не установили все пушки. Было бы приятно дать залп из пятидесяти орудий с борта долгожданного флагмана.

— Да вы фанатик, адмирал, — сказал я, шутливо корча гримасу опасения.

— Признаюсь — да! — торжественно произнес флотоводец. — В морских баталиях я забываю обо всем.

— Наверно сожалеете, что у хожбанов нет флота? Сейчас бы зарубились! Линкор, фрегаты и корветы, против вёсельных лодок дикарей, яростно грозящих топорами!

Аристокбал засмеялся.

— Я уверен, что мы еще совершим много славных побед на море и на суше! — сказал он, отойдя от смеха.

Между тем, уже рассвело. В северных широтах летом ночь короткая, и как стукнуло

пара часов полночь, утро фактически вступило в свои права.

В душе боролись чувства: страх, естественный спутник всех великих начинаний, и предвкушение важных перемен. Кипучая хозяйственная деятельность последнего года не решала стратегических задач, а лишь повышала экономическую самостоятельность, военную боеспособность и общественную стабильность баронства. Теперь же настал час настоящих дел.

В тесной капитанской каюте, которую мы заняли, в качестве временной ставки верховного главнокомандования, весь путь до Фаруса прошел в жестких дискуссиях.

— Я считаю, что это чистой воды авантюра! — сказал свое мнение командир артиллерии баронства, седовласый и упитанный, но весьма умный и проницательный генерал Геркон Цардорн. Он был флегматиком и мыслителем, обсасывающим новую идею обстоятельно и детально, как старый палкан свою косточку. Не удивительно, что резкое начало военной операции вызвало в нем раздражение. Боевой генерал Аранейской конфедерации, он попал в плен к имперцам и с большим трудом был похищен людьми Антонира, согласившись служить своей новой родине. Геркон пригладил свои волосы намазанным на ладонь воском и, причмокнув, произнес: — Такие операции готовятся годами! Просчитываются любые мелочи! Рельеф, наличие источников воды, плодородность полей для выпаса лошадей, наличие укреплений, расположение населенных пунктов, качество дорог, возможные пути отхода и прочее и прочее. Вы как дети!

— Я целиком вас понимаю, господин Цардорн, — ответил я. — Но все же, спешу заметить, что предварительное планирование позволяет агентам очень ловко похищать планы, а противоположной стороне подготавливаться к ним.

— Не смешите меня, милостивый государь, — басовито похохатывал генерал-от-артиллерии. — Ну какие могут быть у хожбанов агенты? Да они только размножаться могут, ну и кровавые магические ритуалы своему грязному божеству совершать. Да и такого страшилу можно вычислить в два счета среди населения баронства.

— Согласен, — парировал я. — Но вы не забывайте о княжестве Шаронди и Дарманской империи, готовой ударить в спину в любой момент. Они уже давно на нас зуб точат. Касаемо же подготовки — у нас есть все разведанные той местности, мы оперируем вполне себе известными категориями. Риски минимальны.

— Я ознакомился с планом и считаю его вполне правильным! — поддержал меня молодой высокий кавалерийский генерал Эдран Гарзиз. Черноволосый, с вьющимися кудрями, острыми усами и решительными чертами лица, он обладал недюжинной харизмой и отличными организаторскими способностями. Эдран был офицером армии Гристонского царства, и быстро выбился в старшие командиры своей отвагой и умом. Но, будучи потомком слишком незнатного дворянского рода, он знал, что путь в высшие чины ему был заказан. А когда получил приглашение в далекую, незнакомую, маленькую страну, то долго не думал, и покинул родные пенаты. И не пожалел об этом. Разглядев в решительном молодом человеке большие перспективы, я назначил его командиром конницы. Эдран привнес ряд новшеств в тактике кавалерийского взаимодействия, технике обращения с оружием и в правилах воспитания боевых лошадей.

— Здесь скальный берег будет скрывать эскадру и место высадки от посторонних глаз, — он показал на карту. — Идеальное место для десанта. Разведка и передовые дозоры за это время могут расчистить плацдарм для наступления. Здесь и здесь, — он показал два лесных массива на побережье, разместим конную артиллерию при поддержке стрелков. Так,

мы сможем без потерь выгрузить весь контингент войск, припасы, сформировать походный лагерь и затем начать продвижение вглубь территории.

— Если все пойдет по плану! — уточнил Аристокбал.

Евмен, за этот год выросший из сержанта, затем префекта Фаруса и далее в главнокомандующего армией быстро учился у своих коллег. Я доверил ему пост при наличии более опытных полководцев не случайно. Во-первых, он был моим другом, и предан мне до кончиков ногтей — был готов не раз пожертвовать своей жизнью за меня.

Во-вторых, он был очень правильным человеком и его неизменно уважали все, кто с ним сталкивались. В нем не было надменности, хвастовства, и в то же время, когда надо, он мог быть решительным и строгим. В общем, это был тот человек, у кого не бывает врагов. Простые воины его просто обожали за внимание к их нуждам и солдатский нрав.

В-третьих, он очень быстро учился. Буквально, схватывал все на лету, при этом сам стремился узнать все хитрости военного искусства. Ну и в-четвертых, на меня очень подействовал успех Евмена в опыте управления Фарусом и успешные операции по уничтожению пришлых пиратских банд.

В целом, несмотря на наличие более компетентных кандидатов, армию я доверил своему близкому другу, в надежде, что в скорости у него появятся свои задатки великого полководца. И похоже они уже стали проявляться.

— Я бы выслал вперед пару взводов спецназа! — задумчиво сказал он. — Переодел бы их в рыбацкие наряды и отправил бы на весельных лодках к месту десантирования. Вдруг там будет гулять парочка влюбленных хожбанов, или местная ребятня захочет поплавать, да и наличие у весьма неглупых дикарей наблюдательных постов на побережье исключать нельзя. По-тихому все проверят, если надо перережут все живое в округе.

— Отлично, Евмен! — похвалил я, и вспомнил земную поговорку. — Лучше перебздеть!

— Согласен! — сказал Кардонт Эридий, пехотный генерал. Бывший гладиатор, мощный, накачанный тугими мышцами, высокий смуглый богатырь когда-то был предводителем восстания в далеких южных царствах. Два года он единолично управлял маленьким государством, созданном им на завоеванных землях. Дружина народного восстания под его мудрым предводительством разбивала в пух и прах войска аристократов и объединившихся южных царьков. Но экономическая блокада и вмешательство Армии Зелёного знамени державы Тан все же сокрушили народовластие мятежного государства. Кардонт был схвачен, но один южный царек придумал наказание похуже смерти и, сковав в кандалы, заставил работать на своей галере. При этом отхожее место государя на царском судне было изготовлено прямо над прикованным к своему веслу Кардонту.

Пленители вроде бы просчитали все возможности избавления гиганта от уз: Кардонт никуда не уходил со своего места, мощные стальные цепи связывали руки и ноги, никто не мог приближаться к пленнику. Но изощренная пытка мстительного царька продолжалась недолго. Отколупывая от весла маленькие острые щепки древесины, бывший гладиатор собирал их в своей бороде, языком рассовывая боеприпасы, как руками в разгрузке распределяют гранаты.

В один прекрасный момент, находясь после очередного унижения испражнениями под царьком, Кардонт со всей силы выплюнул острую зубочистку вверх и попал прямо в горло сидящего над отверстием государя. Поднялась паника, пришли солдаты, дабы убить гиганта, но тем же способом он умертвил двоих пленителей. С помощью их оружия, удалось освободиться от пут, поднять на бунт команду галерных рабов и захватить судно. Он долго

пиратствовал в водах Южного и Западного океанов. Затем пиратская стезя привела Кардонта в шайку, наметившую поход на Ктали-Матра...

Я разглядел в гиганте полководческий талант и прекрасного организатора не сразу. При формировании армии он записался обычным гренадером, но затем, узнав от пленников "острова сотни смертей", кто этот молчаливый здоровяк, я стал внимательнее присматриваться, и понял, что ему точно найдется применение в моей армии в более высоком чине. Мало-помалу, Кардонт выбился в неформальные лидеры пехотинцев, а затем уже был назначен формальным.

Гигант провел пальцем по карте и отметил:

— Поселения хожбанов хоть и располагаются в нескольких десятках километров, но, учитывая активность дикарей по сбору пропитания, случайные глаза и уши все же могут оказаться на побережье.

Подопечные поручика Эльбинга, командира войск специального назначения через ординарца получили приказ и, пересев на одномачтовый шлюп, временно реквизированный у местных рыбаков ускоренным темпом отправились на задание.

Фарус встретил речную эскадру оживлением. Крепость на высоком холме находилась в состоянии суеты. Туда-сюда рыскали интенданты и специалисты службы тылового обеспечения. Телеги с припасами плотной пробкой стояли у причальных пирсов, к которым то приставали, то отплывали корабли и кораблики.

В ожидании погрузки на суда, сводные отряды военной части № 3, располагавшейся недалеко от города, разбили временный лагерь. Курились столбами дыма костры и походные кухни, в палатках и просто на траве отсыпались после ночного марш-броска солдаты. Доносилось ржание коней, мат офицеров, лязг мобильных кузней и привычные звуки армейских будней.

Галдей Сардип, префект города и полномочный представитель губернатора западного побережья, опытный чиновник и хороший администратор, сбежавший из Драманской империи и обретший новую родину в Пардалисе, встречал высоких гостей по торжественному протоколу.

Но я, отклонив приглашение отобедать, сразу приступил к делам.

— Почему солдаты еще не погружены?

— Из-за противного ветра с Аликета парусные суда не пришли вовремя, — спокойно и четко доложил префект. — Пока загружаем галеры провиантом и припасами. Ждем с минуты на минуту появления крупных кораблей.

— Нужно сгрузить все запасы пороха, ядер и картечи из крепостных арсеналов.

— Будет сделано, — без возражений сказал Галдей, и вопросительно посмотрел на меня. — Не оставите даже на случай обороны?

— Первые же партии с пороховых и оружейных заводов пойдут сразу в крепости без задержек. Я уже распорядился.

— Господин барон, как же мы без гарнизона и без пороха?

— Ваша задача набрать ополчение и обучить. Сотни две хватит, плюс народную милицию включить в списки защитников города.

— Хорошо, государь, — префект поклонился и ветер чуть не сорвал с него шляпу. — Может все же отобедаете, подкрепитесь.

— Спасибо, Галдей, за гостеприимство, но времени абсолютно не хватает. Как только придут парусные суда, в форсированном порядке загружайте армейские части. К вечеру они

должны быть у Аликета.

Постояв на пирсе еще двадцать минут и раздав нужные поручения, речная эскадра двинулась в океан, держась берега. Следующим пунктом назначения была столица Западного побережья.

Попутный ветер щедро наполнял паруса своим солёным дыханием. Волнение океана для привыкших к тихой речной глади кораблям доставляло хоть и умеренные, но все же хлопоты. Несмотря на плавание вблизи берега, здесь отчетливо ощущалась гигантская сила океана.

Как только вышли в океан, тут же увидели флотилию кораблей, идущих на встречу. Это те самые парусные суда, предназначенные для погрузки военной части № 3, попавшие под действие встречного ветра. Даже максимальный поворот косых парусов давал очень маленькую тягу. Речная эскадра отсалютовала приветственным залпом, в ответ получила такой же.

Аликет, место сбора всех кораблей для планируемой операции, представлял собой один сплошной хаос. Весь флот не поместился в просторной бухте, поэтому самые крупные, в том числе и красавец "Ирис" стояли на внешнем рейде. Солдатам было запрещено покидать корабли во избежание еще большего раздрая.

В порту было не протолкнуться от офицеров, спешно улаживающих свои дела в комендатуре, суетящихся торговцев, сбежавшихся сюда, словно коты, почувствовавшие сметану, портовых канцелярских работников, семей уезжающих солдат, подозрительных личностей и просто зевак, пришедших посмотреть на неординарное событие в городе.

— Пурьгорь, что за бардак у тебя тут! — сжимая в объятиях "названного" брата, сказал я ему. — Складывается ощущение, что у нас тут не война, а парад на Красной площади.

— Где? — недоуменно спросил губернатор Западного побережья.

— Я так планирую назвать площадь в Пардалисе, — неуверенно ответил я. — Так все же?

— Сил не хватает, веришь, брат! — сокрушенно покачал головой. — Твой ночной приказ поставил всех на уши! Я не успеваю взяться за одно дело, как возникает два новых.

— Делегируй полномочия! — сказал я нравоучительным тоном. — Так и свихнуться можно. Найди себе помощников. Где твой заместитель? Альфонсо Петро?

— Если бы не он, было бы еще хуже. С его хладнокровием и умением быстро принимать верные решения, мы пока еще справляемся. Мы даже не ели с утра.

— Верю, верю! — улыбнулся я. — Давай ближе к делу.

— Погружены военные части № 2 и № 4. Провиант, припасы, лошади, артиллерия — все ожидает только твоего приказа. Осталось загрузить последние мелочи и все готово. Мы очень старались успеть к твоему приезду.

Меня очень тронуло такое профессиональное отношение Пурьгоря. Несмотря на семейные узы, никакой расхлябанности он не допускал. Я приобнял его.

Выступаем в ночь. Нужно, чтобы к утру плацдарм уже был занят войсками. Когда придут корабли с воинской частью № 3 срочно отправляй их к нам вдогонку. Медлить нельзя! Каждая минута на счету.

— Можно я с тобой, брат! — с искренней надеждой посмотрел на меня Пурьгорь. — Я тут превратился в тыловую крысу! Мне уже так хочется отомстить этим порождениям зла и нашинковать их на маленькие кусочки.

— Пурьгорь, мы еще повоюем с тобой! Обещаю! Но ты единственный человек на Западном побережье, кому я доверяю. Приезжие может и хорошие люди, но кто знает, что у

них на уме! В отсутствии центральной власти может произойти что угодно. А пока ты здесь, Антонир и Зарун — в Пардалисе, я спокоен за тылы. Потерпи, брат, это нужно для общего дела!

Пурьгорь опустил могучую голову на не менее могучую грудь, сокрушенно вздыхая. Он был похож на большого ребёнка, которого не отпускают поиграть с друзьями.

— Я знаю, что ты смелый и бесстрашный воин, — продолжил я. — Не в коем случае я не сомневаюсь в тебе. Потерпи немножко.

— Хорошо, брат. Ради общего дела!

Миновав Черный замок, светящийся ночными огнями улиц и фонарями на башнях крепости, некогда служившей бастионом сил зла, флот пересек границы земель баронства и бескрайних просторов владений хошбанов.

Остановились возле грохочущих гигантскими массами воды водопадов, изливаемых в океан с горного хребта Градии. Здесь была договоренность о встрече с Эльбингом, дабы узнать о результатах операции его группы.

К борту "Ирис" ставшему флагманов флота и местом базирования штаба пристыковалась лодка.

— Все в порядке, государь! — улыбчивый командир спецназа вошел в каюту капитана к не спавшим уже вторые сутки штабным офицерам. — Посты расставлены, ни одной живой души не обнаружено, плацдарм готов к вашему прибытию.

— Как все прошло, — со вздохом облегчения спросил я.

— Даже легче чем ожидалось. Безлюдный берег. Ни рыбаков, ни пиратов. Закрепились на ближайших высотах. Обозреваем всю местность. Расставленные секреты охватывают местность радиусом в два километра.

Эльбинг, как и подобает спецназовцу, был лаконичен и точен. За то время, после того, как они вместе ходили за золотом замка Залдонов, этот позитивный и немного хулиганистый воин карогов превратился в отличного офицера, на которого можно было возложить любую миссию. Он частенько выручал в операциях требующих деликатного устранения нежелательных элементов и зачистке враждебных сил.

— Ну что же, господа! — торжественным голосом произнес я оглядывая присутствующих. — Начнем!

Глава 4. Живой конвейер

Утренний туман был, как нельзя, кстати. Он плотным облаком окутывал все побережье. Молочная дымка мешала кораблям, но с помощью веревок, привязанных к стоявшим на берегу деревьям, шлюпки заскользили по проторенной дорожке. Соблюдали строгую дисциплину и абсолютное молчание. Ради этого решили последними вывозить с кораблей лошадей.

Взводы разведки, поделившись на дозоры по семь человек, отправились в глубь континента, прочесывать местность. В подкрепление к ним были приданы подразделения спецназа. Сразу же после выхода на берег, войска занимали ранее оговоренные с командирами позиции. Артиллерия закрепилась на господствующих высотах, рота стрелков-пехотинцев прочесала ближайший лес и соорудила временные укрепления на дальнем от побережья конце, дабы контролировать подходы, пока армия выгружается и перегруппировывается.

Все прошло достаточно организовано. Походные кухни готовили обед, интенданты распределяли провизию в сухие пайки для солдат, офицеры осматривали боеготовность частей.

Четырьмя клиньями планировалось напасть на ближайшие четыре деревни, используя фактор неожиданности. Наверняка, там пока все тихо. Но когда хошбаны разберутся с тем, что произошло — кинут все силы на защиту тыла. Поэтому следовало, так же быстро соединится возле огромного поля, имевшего форму чаши. Заняв господствующие высоты артиллерией и надежно контролируя узкий проход, можно было свести к минимуму численное превосходство врага. При этом планировалось летучими отрядами конницы уничтожить остальные поселения хошбанов в тылу, пока основные силы неприятеля, будут пытаться пробиться к своим стойбищам.

Тратить время на раскачку не стали. Без отдыха были сформированы походные колонны. Номерные военные части, располагавшиеся на разных концах империи имели лучшее взаимодействие между собой, поэтому и составили четыре общевойсковые соединения по двести человек в каждом. Резерв был создан на базе штаба и включал в себя гвардию, войска прикрытия, медицинский взвод, служба тыла, инженерные подразделения и по два взвода пехоты, кавалерии и артиллерии.

Несмотря на возражения я взял командование первой группировкой войск. Вторую возглавил Кардонт, третью — Евмен, четвертую — Эдран.

Сверив часы, мы быстрым марш-броском отправились на задание. Разведчики не обнаружили на подступах к поселению хошбанов серьезных военных сил.

Поселение врагов, к которому мы подошли максимально скрытно, выглядело очень странно. По краям располагались обычные лачуги, сделанные из бревен, обсыпанных снаружи землей, так, что представляли собой курганы с входной дверью. А вот центр поселения выглядел интересней — гигантская пирамида из камней, метров в 20 высоту, возвышалась над округой, словно Москва-Сити, над столицей моей родины. Хошбаны словно муравьи непрерывно что-то таскали внутрь в больших корзинах и ведрах. Приглядевшись, я увидел, что это были продукты — тонны продовольствия. Полные корзины кусков мяса, зерна, трав, овощей и фруктов. Складывалось ощущение, что внутри пирамиды живет легион проголодавшихся гигантов.

Странно, но абсолютно все увиденные противники были мужчинами. Может быть они вообще обходятся без женщин. Я вдруг вспомнил момент, когда нас с Пурьгорем захватили хошбаны, и мы, выбравшись, застали их за грязным танцем перед магическим облаком Бравомира, их черного повелителя. Трудно было не заметить как в этом танце они истекали семенем из причинных органов.

Чуть дальше поселения высились сараи, где содержалась скотина и ездовые медведи. Ну и собственно гектары огородов располагались в чистом поле. Северные условия давали скудный урожай, но каким-то образом уже в середине июня на грядках зеленели пашни. Тут явно действовала нечистая сила.

К нечисти я был готов. У меня с собой было пять кристаллов загадочных улунов, кроме этого меня снабдили заговоренными амулетами, которые я выторговал в южных царствах у сектантов-протаиков. Убедиться в их эффективности я уже успел, осматривая старые поселения недалеко от Черного замка, где древнее зло успело пустить корни. Эти корни были успешно обрублены нашей небольшой экспедицией.

В первую очередь требовалось уничтожить большой загон для медведей. Эти хищники, умело управляемые наездниками становились страшной силой. Предусматривалось начать штурм после того, как пожар накроет всё здание медвежатника. Этим занималась фронтовая разведка, незаметно подкрадывавшаяся к помещению.

Для максимально снижения потерь, требовалось посеять панику. Для этого все кавалеристы разместили искусных стрелков позади себя на лошадях. Пятьдесят всадников и пятьдесят стрелков быстро ворвутся внутрь поселения и начнут резню.

После того, как на северо-западной окраине полыхнул и быстро стал разгораться пожар, по всему фронту атаки, поначалу максимально тихо, затем, после приближения к первым домам, с яростными криками, атакующая волна влетела в поселение, вырубая всех встречающихся на пути. Началась настоящая мясорубка. Растерявшиеся от неожиданной атаки толпа людей с корзинами стала легкой добычей смертоносной кавалерии с двумя всадниками. Из хижин выбегали ничего не понимающие люди, почти сразу превращаясь в мертвецов.

Поначалу, не встречая организованного сопротивления, всадники смерти успешно прорубали себе дорогу к центру поселения, но на подступах к пирамиде, то тут, то там стали возникать очаги сопротивления. Хошбаны вооружались всем, что под руку попадет и кидались в строй солдат с яростью загнанной в угол крысы.

Из пирамиды выскочили солдаты хошбанов в примитивных доспехах, но с мощными топорами и копьями. Они выстроились в защитный клин и стали дожидаться налета конницы. Но, этот момент был оговорен заранее, и мои кавалеристы применили простой, но очень мощный тактический прием — Кантабрийский круг. Чуть-чуть не достигая оборонительных построений врага, лошади сворачивали вправо или влево, при этом стрелок выстреливал из ружья, поражая неприкрытых доспехами воинов.

Когда вся конная рать завернула в уже очищенные от противника переулки поселения, в дело вступила пехота, выстроившаяся линейным строем. Кто-то стрелял из положения стоя, кто-то — привстав на одно колено. Залп! Еще залп! И почти половина защитников были ранены или убиты.

Поняв, что они всего лишь мишень, командир Хошбанов в красной тканевой накидке, больше похожей на бандану, приказал идти в наступление. Но и тут пехота применила тактический прием. Городские бои — это отдельный вид искусства, когда атакующая

сторона всегда несет несоизмеримо больше потерь, чем защищающаяся. Сейчас, когда в атаку бросились разъяренные хошбаны, можно было получить выгоду от приземистых построек. Пехотинцы тут же растворились в кибитках, опустошенных ими же за несколько минут до этого. Темные, сырые и безумно пахнущие всеми видами запахов человеческого тела, они были идеальным окопом для нескольких солдат. Ворвавшись внутрь из света очень трудно разглядеть что-либо внутри.

Задумка удалась! Хошбаны, ринувшись вслед спрятавшимся солдатам, почти сразу напоролась на штыки пехотинцев. Ошеломленный отряд самообороны деревни удалось добить за несколько минут боя. Значит, тренировки не прошли даром! Два года я и мои генералы натаскивали солдат различным тактическим приемам и организации поведения в условиях разных видов сражений. Захват деревни обошелся легкой кровью — было убито три солдата и еще десять было ранено, причем не очень серьезно. Одна лошадь была сражена топором хошбана.

Но не все поселение было в наших руках. Оставалась загадочная пирамида. Я подъехал на лошади к входу — маленькому, едва в рост человека проему среди массивных камней, составлявших строительный материал для ней. Оттуда слышались странные звуки. Оханья, вздохи, рыдания, спокойный плач, гортанные чавканья и еще ряд странных, даже каких-то противоестественных звуков. Вперед протиснулись два гвардейца — моя личная охрана, а я последовал за ними.

То, что я увидел, чуть не вызвало спазм живота, приводящий к рвотному рефлексу. Настолько отвратительной картины, я еще не видел никогда в жизни. Сколько хватало обзора, везде были вмурованные в непонятную субстанцию, больше похожую на сопли или клей, женщины. Они лежали на спине. Причем на поверхности были головы и тела страдальчески корчившихся девушек, а руки и ноги были как бы вывернуты вниз, в скользкую, но цепкую массу.

По ним ползала жаба, похожая на ту, которую мы уничтожили в Черном замке. Она планомерно..., как бы выразиться поделикатнее, оплодотворяла их неприятным отростком внизу своего живота. Длилось это отвратительное действие не более десяти секунд, после чего жаба переползала на другую женщину.

Некоторые пленницы были с набухшими животами, а несколько находились при родах. Уродливые жуки, размером с собаку стояли возле рожениц, с клювами наизготовку, дабы поймать родившееся и отрубить пуповину. У одной это получилось и насекомое-переросток ловко подхватил ребенка с чересчур угловатыми чертами лица, затем быстро перебирая ножками скрылся в соседнее помещение. Тут же, без всякого приказа из тягучей массы выплыла пиявка и стала убирать последствия родов с женщины своей пастью. Сделав дело, она нырнула обратно, а жаба тут же переползла на бывшую роженицу.

Сверху паукообразные твари то и дело спускали на своих тонких паутинах комки еды девушкам, и те обессиленные после стольких мучений, жадно съедали предоставляемую пищу. Вот почему целая вереница носильщиков старалась попасть внутрь со своими корзинами — все это нужно было для создания новых хошбанов. Просто живой конвейер для новых солдат.

Зрелище было настолько омерзительное, настолько отвратительно, что хотелось тут же перебить всех. Но твари даже не заметили вошедших бойцов. Ни жаба, ни жуки, ни пиявки словно не замечали уже заметно расширившийся в прихожей этого невероятного инкубатора контингент воинов.

Я тут же активировал одни из кристаллов улунов. Он отличался от трансмутаторов тем, что мог активироваться вне зависимости от солнечного света. Тут же полоса искр взметнулась от лезвия моего клинка по направлению к жабе. Это было эпичное и зрелищное действие. Жаба тут же распалась на несколько частей, будто её за долю секунды распотрошил очень ловкий мясник. Она так и не заметила воинов, либо же имела совсем не боевое предназначение.

Зато жуки и пауки резко нарастили свою агрессию, потеряв ментально командующее ими существо. Семена худыми, но острыми лапками, те стали приближаться как по полу, так и сводчатому потолку пирамиды. Пришлось врезать силой огня, активировав другой кристалл. Радиус поражения у кристалла был небольшой, так что мучениц он не доставал. В плотной пелене сторали все насекомые, с яростью потерявших смысл жизни, бросавшихся на нас.

Далее пришлось осторожно вынимать пленниц этого бесчеловечного инкубатора из плотной слизи. Было видно что находятся они здесь не первый день, так как находились в крайней степени истощения. Взгляд их был стеклянным и напрочь отсутствовали эмоции. После всего пережитого им не хватало даже сил на слезы. Свисавший с живота каждой женщины кожаный мешок от постоянных родов делал их вид еще более сюрреалистичным.

В соседнем помещении находились небольшие ясли, в которых находились маленькие порождения тварей. Поодаль чуть более взрослые особи наперебой старались ухватить свисающую сверху кишку, наполненную белым раствором, возможно, молоком. Отпив свою дозу, они уползали в угол небольшого загона. Галерея зон где находились детёныши хошбанов разного возраста уходила вниз. Видимо, там же располагалась уже готовые к выходу на поверхность взрослые индивиды.

— Сжечь! — приказал я, несмотря на безобидный вид маленьких детёнышей этих порождений преисподней. Это не люди! Это враждебная самой жизни раса мутантов, зачатая в жутким способом, выращенная для единственной цели — убивать.

Я еще долго не мог отойти от увиденного. Страшная фабрика новых мутантов, настоящая ферма, где на конвейер поставлен выпуск тварей! Все девушки были пленными номадками. Их увезли в лагерь на реабилитацию и лечение.

Весь экспедиционный корпус собрался ближе к вечеру на участке местности, на котором было решено принять битву с мчащимися спасать свои стойбища двумя десятками тысяч хошбанов, стоящих у перевалов с баронством Пардалис.

Остальные три атакующие группы столкнулись такими же отвратительными сценами насилия над беззащитными женщинами. Кардонт не стал церемониться и из пушек разрушил всю пирамиду своей деревушки, погребя под завалами всех, кто там находился. За это я сделал ему порицание, ибо несчастные женщины не виноваты в происшедшем. Остальные действовали в схожей со мной манере. Но потери от штурма деревень у остальных групп были выше, поскольку они действовали обычным оружием.

Местность была идеальна для схватки. Два высоких холма представляли собой лучшее место для размещения артиллерии. Подобраться к компактно расположенному экспедиционному корпусу можно было либо в лоб, либо обходом с тыла. Но все передвижения хошбанов плотно контролировала разведка вместе с подразделениями спецназа.

Неприятель мало соображал в тактике, и наверняка ударит в лоб, стремясь спасти оставшиеся деревни. А мы тем временем должны хорошо подготовиться к приему

долгожданных гостей. Инженерный взвод и отправленные в подмогу пехотинцы спешно создавали оборонительные рубежи, изготавливали ловушки и устанавливали неприятные сюрпризы по пути продвижения хошбанов.

Ночью прибыл разведчик с докладом о положении дел. Неприятель встал лагерем неподалеку. Они уже знали, о том, что мы заняли этот небольшой перевал между холмами и сейчас ждут отстающих пеших бойцов для скоординированного наступления. Ярость — яростью, но в головах хошбанов, все же имелась доля разума, говорившего, что необходимо обрушиться на неприятеля единым кулаком.

— То, что нужно! — ответил я, на доклад разведчика. — Молодец Кариф, отправляйся на позицию. А мы нанесем визит гостеприимства в лагерь противника.

— Какие планы, государь? — с вопросом во взгляде спросил Эдран.

— Кочевники не любят сражаться ночью, — ответил я. — поэтому сейчас ждут утра и попытаются на рассвете с ходу атаковать наши позиции. Нужно навязать им бой прямо сейчас, пока все не подоспели. А ты, Эдран, бери под начало сто пятьдесят кавалеристов и прощери местность где бредут их пешие войны. Они, наверняка идут маленькими группками и пока на марше — будут легкой добычей. В рукопашную не ввязывайся — старайся связать их огневым боем. Сразу отходи, как только они предпримут попытки атаки. Отдыхать сейчас некогда! А я с пятью батареями конной артиллерии и ротой пехоты наведу в лагерь хошбанов. Евмен! Ты за старшего пока меня не будет. Продолжайте делать укрепления и будьте на чеку. Пусть смена которая работала весь день отдохнет. Разбуди тех, кто днем отсыпался.

— Я с вами, мой государь! — сказал Кардонт.

— Пожалуй да! Будешь командовать ротой пехотинцев.

В сгущающихся сумерках шли молча. Конная артиллерия состояла из отборных лошадей-тяжеловесов. Они по двое тянули пушку, на ложе которой был укреплен ящик с запасами картечи, ядер и кнйпелей. Лошади шли тихо, что было важно для незаметности продвижения.

В лесу раздался несильный свист. Это разведка высланная вперед подала знак, что лагерь близко и можно натолкнуться на дозоры хошбанов, либо на отошедшего "по-ветру" мутанта. Сейчас было важно работать оперативно и профессионально. Проинструктировав пехотные подразделения, я вместе с конной артиллерией расположился на окраине леса, где уже можно было видеть огромный лагерь хошбанов. Не меньше тысячи шатров, костры, над которыми плавали голубые облачка их темного божества. Мутанты в экстазе кружились возле костров, убажываясь своим демоном.

Двадцать пять пушек конной артиллерии заняли свои позиции. Распрягать лошадей не стали. Наоборот, нужно было максимально быстро ретироваться с выбранного места. Пушки зарядили зажигательными зарядами и распределили сектора обстрела. Я прислушался. Кроме гомона тысяч хошбанов, посторонних звуков не наблюдалось.

Оглушительный одновременный залп всех орудий отозвался не менее раскатистым эхом в предгорьях Градии. Рев медведей в стойбище, куда попало не менее шести зажигательных снарядов особо выделялся в шуме охваченного паникой лагеря.

— Уходим! — сказал я Ессею, лейтенанту-артиллеристу, возглавлявшему группу. Лошади быстро поскакали по проложенным заранее дорожкам в лесу. По быстрому взгляду, кинутому назад было видно, что обстрел собрал хороший урожай. В лагере начался пожар, метались растерянные фигурки врагов. Медведи, вспыхнувшие словно факелы, в ярости

бегали по территории, пытаясь сбить пламя, но еще больше увеличивали суету. Были видны отдельные островки организации.

Примерно тысяча солдат отправилась в направлении выстрела, но конная артиллерия уже готовилась к атаке на новой позиции. Рота солдат все также пряталась позади нас. Она должна была служить прикрытием в случае, если что-то пойдет не так.

Залп с противоположной стороны еще больше обескуражил мутантов. За двадцать минут удалось поменять дислокацию, объехав лагерь. Паника все усиливалась.

Но теперь, кто-то умный в стойбище хошбанов решил прочесать все стороны вокруг лагеря. Надо было быстро сваливать, что и сделали под прикрытием пехотинцев.

Удалось еще два раза пострелять, прежде чем начало светать. Отсидевшись час после первой атаки, мы снова занимали удобную позицию и устраивали артобстрел угмонившегося было лагеря противников. Сколько полегло врагов — было не понять, но психологический эффект получился очень даже сильным.

К рассвету все вернулись на исходные позиции между двумя холмами. Эдран со своей конницей прискакал изрядно потрепанный, но счастливый.

— Как на мелководье нерестящуюся рыбу ловить! — отреагировал он на мой вопрос о результатах рейда. — При пятнадцати убитых наших, более тысячи уничтоженных врагов! Действовали так, как вы и сказали! Один раз, правда, не разглядели идущую позади крупную группу и пришлось ввязаться в бой! Все потери именно там произошли.

Я чувствовал себя очень уставшим, ибо за двое суток удалось поспать максимум три часа на корабле. Но результат того стоил. Сейчас корпус хошбанов изрядно поредел и психологически поврежден. Противник если и знал о существовании артиллерии, то уж точно не сталкивался с ним в открытом бою.

"Дисциплина — мать победы" — вспомнил я слова непобедимого Александра Суворова. Но в сочетании с высоким боевым духом — это вообще гремучий коктейль. По моим прикидкам осталось в лагере тысяч восемнадцать мутантов. Все они рослые и сильные. Сеча предстоит не то, что тяжелая. Её исход очень труден для прогнозирования. Хошбаны защищают свою землю, они хотят отомстить за свои стойбища. Им предает уверенности громадная армия, направляющаяся сейчас обратно с фронта войны с номадами. Если честно, то я уже был неуверен в своей затее. Но виду не показывал. Александр Македонский, Наполеон, Суворов громили в разы превосходящие армии силой своего искусства, и от того, как я настрою своих бойцов — будет зависеть исход сражения.

Я построил пехоту и кавалерию в боевой порядок и проехался перед своими молодцами на лошади.

— Вы гордость баронства! — начал я громогласно. — Вы его сила, честь и доблесть! Ради вас я создавал баронство. Позади ваши семьи, ваши родные и друзья! Если сегодня мы проиграем — враг ринется через перевалы, опустошая, убивая, насилая и уничтожая все то, что вам дорого. Сегодня будет битва за то, что мы вместе с вами долго и упорно создавали. Перед нами нелюди, готовые пожрать весь человеческий род, захватить и уничтожить наших матерей, жен, сестер и дочерей грязным жаbam, для заселения всей земли своими отродьями! Необходимо раз и навсегда покончить с ними! Нет пощады врагу!

— Нет пощады врагу! — пронеслось в строю.

— Нет пощады врагу! — еще сильнее крикнул я.

Теперь все ряды огласились яростным воинственным воплем. От оглушительного диссонанса у меня потекли слезы!

— Я верю в вас! Сохраним все то, что мы так долго строили! Нет пощады врагу!

И снова в рядах раздался оглушительный рев. Затем барабанщики стали отбивать ритмы армейских военных песен, сочиненных Колаксам, которые воодушевляли солдат на тренировках и учениях. Нестройный хор затянул мелодичную песню о гордом баронстве, в котором живут чистые и светлые люди. Каждый солдат сейчас, наверняка, вспоминал свою семью, свой дом и наполнялся решимостью и отвагой отстоять мирное небо для своих близких.

Клубы пыли показывали, что приближается вражеское войско. Сердце на секунду испытало щемящее чувство страха, но затем я взял себя в руки. Решительность и отвага командира должны передаваться подчиненным, а не малодушие и трусость. Сейчас все и решится!

Глава 5. Сражение в ущелье

Летевшая армада всадников на медведях вдруг резко стала деформироваться — первые ряды медведей угодили в наши ловушки. Тысячи разбросанных по узкой лощине острых четырехконечных шипов (как не кинь — все равно одним острием смотрит вверх) врезались в мягкие лапы мишек. Бешенный рев подраненных косолапых огласил округу невероятным хором безумных воплей. Напирающая сзади толпа по инерции продолжила катиться вперед, сминая в гармошку первые ряды и снова попадаясь на смертоносные железные приспособления. Крайние ряды стали пятиться к возвышенности, но чрезвычайно высокий уклон не позволял взобраться туда вместе с всадниками. Медведи сбрасывали своих хозяев и мчались наверх в приступе безумной боли. Но и здесь медведей ждал сюрприз — плотный частокол выставленных навстречу врагу заостренных кольев не давал с ходу преодолеть преграду, тем более находясь на таком, почти крутом склоне.

Диспозиция наших войск выглядела полумесяцем с мощным центром внизу перевала. По возвышенностям стояли солидные оборонительные редуты, укрепленные артиллерией и стрелками. Сверху открыли огонь. Перепуганные и раненые, косолапые стремились ретироваться обратно и тут же смешивались с плотной толпой своих собратьев, зачастую погибая в гигантской давке.

По оценкам разведчиков, медведей, даже после ночной вылазки, осталось в районе полутора тысяч, что представляло просто гигантскую разрушительную силу. Прямой напор такой мощи и ярости просто снес бы наши войска.

Но лавина продолжала двигаться. Потянули за веревки — и несколько заостренных, похожих на поваленные заборы изгородей приподнялись от земли, встречая хошбанов пиками на уровне полутора метров. Такое сооружение не перепрыгнуть, не обойти. При этом, перед каждым таким рядом, нашими инженерами и пехотинцами был вырыт небольшой ров с все теми же колючками. Размерами ров представлял из себя канаву метр в глубину и два в ширину. Делался он исключительно для того, чтобы не дать с разгону разрушить частокол остро заточенных брусьев. Получалось так, что рвущийся на всех парах медведь терял опору под ногами, и под напором остальных был раздавлен вместе со своим хозяином напиравшими и точно также и терявшими равновесие последующими рядами.

В итоге, в таких канавах гибли по несколько рядов нападавших, и там возникало месиво из костей, внутренностей медведей и хошбанов. Лишь своими телами поломав ряд заточенных брусьев, атакующая волна продвигалась дальше, встречая ту же преграду.

Наступление медленно, но верно захлебывалось, а неприятель уже дошел до линии эффективного артиллерийского огня. Часть пушек использовала цепные ядра и кнйптели. В основном их применяли на флоте для сноса мачт артиллерийским огнем, но в плотном построении противника — это был реальный шанс срубить одним выстрелом с десятков голов. Выглядело ядро обычным круглым шаром, но при выстреле разделялось на две половинки, удерживаемых короткой, в пару-тройку дециметров цепью. С характерным свистящим звуком, вращаясь, словно две планеты друг вокруг друга, снаряд летел в толпу, выкашивая свою жатву.

От звуков выстрелов животные, непривыкшие к бою артиллерии, взбеленились и принялись сбрасывать с себя всадников. Видимо чары, которыми хошбаны удерживали свободолюбивых косолапых были не способны справиться с первородным ужасом и

инстинктом самосохранения.

В то же время первый залп ста десяти пушек (шестьдесят из них я принудительно снял с кораблей флота вместе с командами для обеспечения максимальной артиллерийской мощи) превратил в месиво все ближнее пространство наступающей массы. Это еще более снизило скорость движения противника, но, в то же время, расчистило пространство для новых масс яростных хошбанов.

Орудийные расчеты спешно заряжали пушки, как вдруг с тыла атакующей орды разнесся перекастистый и мощный звук трубы. Некто очень умный, по сравнению с остальными дикарями, и, видимо, главный, осознав масштаб потерь, дал приказ к отступлению. Почти растерявшая свой темп и измученная препятствиями толпа нападавших медленно разворачивалась назад, подставляясь под огонь защитников ущелья.

Неприятно, но ожидаемо! Какими бы не были полудикими хошбаны, но не увидеть очевидный провал прямой атаки крайне сложно. Я пустил черную ракету — знак обстрела отходящих войск противника. Тут же по безопасным тропам, проложенным среди преград ринулись пехотинцы. С холмов загрохотали пушки и выстрелы засевших в редутах солдат. Кавалерия, почти с края отвесных стен возвышенностей, окружавших поле битвы стала палить из своих мушкетов.

Враг, из-за своей многочисленности и неорганизованности, крайне медленно ретировался к своим первоначальным позициям у лагеря. Выстрелы в спину заметно сокращали ряды суесящихся и стремящихся спрятаться от беспощадного врага хошбанов. Легкая жертва оглушительной атаки сотней ружей и десятков орудий. При этом выкашивалась самая боеспособная и крайне опасная часть войска противника — всадники.

То ли в панике, то ли от ярости, что пешие хошбаны столь неповоротливые остатки наездников косолапых стали ломиться сквозь неорганизованные порядки своих собратьев. Началась давка, где свои же топтали своих. Еще один залп — и снова масса смертей. Каждый книппель, влетая в людскую массу, оставляли свой кровавый след в виде нескольких сраженных тел и столько же воющих от ужасных повреждений раненых.

Но, видимо, осознав всю бесперспективность собрать отряды в более организованное построение, вождь или несколько вождей решили ломануться свежими силами, стоявшими в резерве, на холмы, где располагались мешавшие продвижению по низу редуты. Благо для неприятеля — вдалеке от построения войск баронства склоны приобретали некую пологость и вполне приемлемую для начала атаки.

Я послал синюю ракету в воздух, что означало сгруппироваться у занимаемых позиций. В тот же миг солдаты поспешно отошли от мест, где вели огонь по отходящим уродцам, на свои позиции в боевом порядке. Сразу же пришлось дать в усиление редутам справа и слева по роте стрелков, поскольку по центру враг атаковать больше не решался.

Плотный огонь уничтожал целые ряды мутантов на подступах к защитным сооружениям двух холмов, но масса хошбанов, словно обезумевшие, все перли и перли на укрепления, пытаясь дорваться до рукопашной.

Прогремел мощный взрыв! Это заложенная на подступах взрывчатка сработала от длинного запального шнура, подожженного неизвестным смельчаком из защитников левого редута. Таких установили несколько на каждом холме, чтобы проредить атакующую наши защитные конструкции волну варваров.

Затем уже на правом холме в толпе нападавших состоялся взрыв. Потом еще и еще. Дикари кидали копыя, камни, но они не долетали до крепких укреплений, вытянутых вперед,

по направлению к врагу и больше похожих на очертания корабля — вытянутый вперед по направлению к неприятелю и постепенно расширяющийся клин. В ответ им летел ружейный и пушечный огонь.

Продавив массой и потеряв много сотен погибших воинов, хошбаны почти вплотную приблизились к высоким сооружениям редута правого фланга. На левом пока еще держали расстояние выстрела. Противник начал рассредоточиваться для единовременного штурма, но встретил поток гранат, летящих в гущу атакующих. Шрапнель рвала в клочья мясо и кости, собирая смертельную жатву.

Через несколько минут и на левом фланге начался штурм редутов. Лавина хошбанов растекалась вдоль укреплений. Защитники запалили лежащие в огромных канавах вокруг укреплений горючие составы. Периметры обоих защитных конструкций стали невидимы за плотными стенами разгорающегося огня. Визжащие от нестерпимого жара хошбаны оглашали округу дикими воплями боли и ужаса. Они катались по земле пытались протиснуться назад, обжигая пламенем и жаром прущую массу остальных налетчиков. Выжегши приличную часть атакующей волны, огонь, потушенный ценой жизни десятков, если не сотен уродцев, все же затих. Начался новый, более яростный штурм редутов, ослепленной в животном бешенстве массы варваров.

— Действуй Эдран! — крикнул я, командиру кавалерии. Мы заранее разработали несколько оперативных планов, которые нужно было исполнить в зависимости от развития событий на поле битвы.

— Да, господин! — командир кавалерии резко взобрался на скакуна и собрав всю конницу, включая имевшую легкую артиллерию, поскакал на юг.

— Кардонт! Пришло и твое время, — сказал я, подъехав на лошади к мрачному, смуглому гиганту. По его взгляду было видно как он желает сейчас оказаться в гуще сечи и окунуться в поток всесокрушающего безумия яростной схватки. Под его командование перешел весь резерв и часть гвардейцев. Оставшись лишь с небольшой кучкой вспомогательных войск я стал ждать развития событий и надеяться, что мои офицеры не провалят запланированную операцию.

Эдран должен был начать атаку на лагерь хошбанов и тут же отойти, не вступая в схватку, затем Кардонт с тремя сотнями пехотинцев должен был завершить зачистку местности либо же прикрыть кавалерию. Удар в тыл должен создать сумятицу в построениях.

Несмотря на не везде погасший огонь, разъяренные хошбаны будто не замечая жара, рвались в атаку, бессмысленно жертвуя своими жизнями и заваливая укрепления своими телами. Они выглядели сейчас биомассой, с помощью которой кто-то хотел достигнуть своих темных замыслов.

Защитники укреплений пока справлялись, но рано или поздно, у них закончатся припасы, и тогда атака перейдет в рукопашную мясорубку. Противник уже полностью окружил и правый и левый редут массой яростных воинов, не терпевших забраться внутрь и устроить резню.

Часть нападавших, к счастью для меня меньшая, дойдя до конца вытянутого редута решила не присоединяться к штурмующим войскам, а отправилась дальше по холму.

Выйдя на оперативный простор несколько сотен хошбанов увидели у подножья холма почти пустой штабной пункт внизу лощины. Командиры без прикрытия это лакомая цель даже для дикого мутанта.

А вокруг меня было лишь пару сотен солдат, офицеров и далеких от войны специалистов служб обеспечения: медиков, интендантов, инженеров, ординарцев, поваров, писцов и прочих гражданских. Сверху, с почти крутого спуска, бросились с яростными криками к нашему штабу первые неприятели. Я уже было пожалел, что отправил Кардонта на подмогу кавалерии.

— Евмен, строй солдат и офицеров в защитный ордер, — приказал я главнокомандующему армией.

Тот не спрашивая ни слова, быстро поскакал к штабу. Два десятка гвардейцев моей личной охраны, окружив меня своими могучими телами, выстроились по направлению к хошбанам. Залп! И первые ряды атакующих были убиты. Абы кого я не набирал в личную гвардию. Только лучшие из лучших! Еще залп, и немногочисленные атакующие снова отправились к своим ужасным проотцам.

Закинув за спину ружья, конные гвардейцы достали пистолы, которыми я все-таки снарядил ближайшее окружение. Вот снова атакующий рев врага перерос в крики боли и отчаяния. Ну а затем началась рукопашная!

Я в первых рядах, дабы повысить боевой дух моих солдат, ринулся на врага. Уж сколько раз я в этом мире был на волоске от смерти, так что привык к тяжелым, даже смертельным испытаниям. А, осознавая, что за моей спиной те, кто на меня надеются, не имел права трусливо прятаться в организованной мной же экспедиции.

Хошбаны были сильны. Мускулистые, резкие, ловкие, они были идеальными войнами. Я даже начал завидовать такой генетике, сформировавшей нацию прирожденных воинов.

Сзади к нашему небольшому отряду тут же подошли подкрепления. Евмен протиснулся рядом со мной, стараясь прикрывать меня от ударов. Я увидел Мурсела Кадиса, начальника штаба армии, вместе с Кальвием Кареном, руководителем службы тыла, отчаянно вырубавших пеших хошбанов. Даже педантичный генерал-от-артиллерии Геркон Цардорн в своем пожилом возрасте по-молодецки рубился с врагами, с яростью вклинившись на своей лошади в порядки атакующих. Адмирал Аристокл с морскими офицерами блокировали подступающих с левого фланга уродцев. Оперативный и аналитический отдел штаба в полном составе яростно отбивал атаки на правом фланге. Инженеры, повара, медики и интенданты, взявшись за оружие единым фронтом теснили врага.

Меня пробило на слезу от такой верности штабных и, казалось бы, далеких от рукопашного боя людей. Теперь я был готов умереть за них. Но, атакующий поток потихоньку стихал, а защитники штаба экспедиционного корпуса добивают дезорганизованные кучки мутантов.

Виной падения интереса к стоящим у подошвы холма немногочисленным офицерам было обрушение одной из стен левого редута. Пожар из канавы перекинулся на бревна, укреплявшие защитное сооружение, и, когда они прогорели, возникла брешь.

Тут же, несмотря на огонь, в нее ворвались разъяренные враги. Но, командир обороны левого редута, Огнен, сын Саловлада, спешно укрепил позиции уже внутри самого укрепления, в котором засели не менее двухсот пехотинцев и артиллеристов.

Кромсая остатки хошбанов, прорвавшихся к штабу, я мысленно считал секунды. Если Эдран и Кардонт не поспешат, то возникнут серьезные потери у обороняющих редуты солдат. Я уже было начал материть отправленных офицеров, как увидел разгорающийся пожар над лагерем противника. В следующую секунду прогремел уже знакомый рев труб, огласивших округу сигналом об отступлении. И предназначался он для хошбанов.

Те моментально сняли осаду с обоих укреплений и ринулись на спасение своего лагеря. Я не преминул этим воспользоваться. Наша группа из солдат, офицеров и вооруженных гражданских протиснулась сквозь ловушки в ущелье. Усталые и подраненные защитники редутов тоже начали преследование отходящего противника, издали поражая неуклюжую толпу дикарей.

Только сейчас я понял, что мой план удался. Вот теперь нужно было максимально быстро додавить уродцев. Никакой пощады — только максимально полное и жесткое истребление противоестественной биомассы! В небо взмыли сигнальные ракеты, указывающие о всеобщей атаке. За несколько часов боя, судя по горам трупов, полегла львиная доля атакующих. Требовалось оперативно закрепить успех.

Штабные офицеры на конях приблизились к лагерю противника. Пеших, я оставил сформировать атакующий порядок из защитников правого и левого редутов. Да, я жертвовал стратегической инициативой, но неорганизованная атака могла привести к крупным жертвам среди наших войск. Отступающие от редутов по направлению к своему лагерю хошбаны находились по отношению к нам, максимально быстро прискакавшим на лошадях к вражескому штабу, со стороны тыла и все еще представляли собой серьезную угрозу. Нужно было связать их сражением и максимально быстро истребить огневым боем.

В самом лагере рубились конные и пешие войны Кардонта и Эдрана. Точнее сказать — было избиение немногочисленных оставшихся в лагере воинов. К своему неудовольствию среди трупов обнаружил большое количество своих солдат. Храбрые воины отдали свои жизни во спасение остальных. "Сам погибай, а товарища — выручай" — учил нас непобедимый Суворов.

В центре лагеря скопились прекрасно защищенные хошбаны, они рубились с такой яростью, будто им уже было некуда бежать. А за ними я разглядел шаманов, вызывающих дух их грязного владыки Бравомира.

Облако, которое появилось после их необычных обрядов, было больше и ярче того, которое я встречал во время пленения вместе с Пурьгорем в самом начале моего путешествия. Сфера, внутри которой блистали разряды молний все расширялась. Я мигом сообразил что делать.

— Все назад! Быстро! — крикнул я сопровождавшим меня. Достал из кармана тот самый кристалл улуна, почему-то предназначавшийся исключительно для меня, и услужливо переданный мне вождем секты отшельников-протаиков. Активировав кристалл улуна, с удивлением обнаружил что сфера приняла меня. То самое четвертое измерение или "Невидимый спектр" о котором рассказывали мудрецы. Именно в нем обитали разные невещественные сущности, демоны, духи и прочие бесплотные создания этого мира.

Все эти годы я по крупицам собирал разрозненные знания, по магическим и сверхъестественным аспектам, встречающимися мне на этой планете. В созданном мной произведении я особо не включал магическую составляющую, лишь допускал её существование. В итоге тот же Бравомир стал объектом моего исследования. И сейчас, похоже, мне придется встретиться с ним лично.

Глава 6. Усталый демон

...От белизны пространства резало глаза. Я тщетно старался ощутить свое тело. Посмотрел вниз и не увидел ног. Имелось что-то на подобии рук Прикоснувшись ими к животу и груди, почувствовал некую плотную структуру. Странные ощущения легкости и невесомости приятно щекотали вестибулярный аппарат. Видимо, иное измерение — иная структура материи — иные ощущения.

— Наглец, назови себя! — пронеслось откуда-то сбоку.

Мой взгляд переместился по направлению к источнику звука. Не знаю, повернул ли я голову, либо повернулся "телом", но факт того, что угол моего зрения сместился был очевидным.

Предо мной парило существо, похожее на облако, но с человеческим лицом.

— Бравомир? — растерянно, будто перед учителем, заставшим меня курящим в школьном туалете, произнес я.

— Кто ты, нечестивец? — властным голосом произнесло облако.

— Я... Михаил... — уже более твердо, но как-то скомкано произнес я.

— Михаил? — словно смакуя на вкус мое имя, сказал Бравомир. — Тогда я понимаю, зачем ты пришел.

Я даже несколько оторопел. Но облако продолжило.

— Видимо, ты тот самый... — голос демона стал не такой надменный, как поначалу. Можно даже сказать, он слегка сник. Бравомир попытался атаковать меня, направив заряд какой-то незнакомой энергии, но кристалл улуна, активированный мной, отразил атаку. Мне даже не пришлось ничего делать для этого. Демон попробовал еще какие-то манипуляции с пространством, но невидимый кокон отражал все попытки. Бравомир как-то даже ссутулился и примирительным тоном произнес:

— Честно говоря, я уже устал. Тысячи лет... Я не хочу жить как остальные. Не хочу действовать по чужим инструкциям и правилам. Умереть бы, но как это сделать?

Выслушав унылую тираду я ничего не понял. Бред какой-то! Еще недавно пытавшийся меня убить Бравомир, выглядел как-то жалко.

— Я пришел спасти своих людей! — я, наконец, обрел уверенность в себе и сказал самое главное. — Дай нам спокойно очистить землю карогов от этих отвратительных созданий преисподней.

— Да убивай хоть всех! — усталым голосом ответил Бравомир. — Что буду я сопротивляться, что нет — все равно у тебя кристалл улуна. Только дай мне спокойно уйти из этого места.

— Кто ты? — я смелел все больше.

— Я Бравомир Петрович, член команды ремонтного подразделения миссии "Последняя надежда".

Вот это да! Я, пораженный услышанным, складывал в пазлы имевшуюся информацию. ИскИн базы № 6 рассказывал, как после планового ремонта анабиокамер обслуживающего персонала, пришлось разбудить ремонтников. Те сначала утопили единственный спасательный корабль, а затем чуть не перебили друг друга, споря о разном подходе к времяпрепровождению после потери связи с Землей. Сторонники объятий Бахуса не справились с более дисциплинированными коллегами, и первых отправили в ссылку на

далекий необитаемый остров последние. Круг замыкался, а я, находясь в этом мире уже несколько лет, уже не удивлялся ничему. Особенно после того, как на Ктали-Матра был ошарашен от рассказов о будущем Земли остроумного искусственного интеллекта.

Так вот ты кто — нечестивый демон Бравомир! Но как? Ремонтники, судя по рассказам смотрящего за исследовательскими базами, являлись обычными людьми. Да, носителями культуры развитой цивилизации, но вполне себе смертными созданиями природы. Но начал я с другого.

— Что значит "тот самый"? — задал я вопрос усталому демону.

— Верховный Распорядитель в самом начале "пути", сказал, что рано или поздно появится некто, который по своей сущности является центром и условием создания этого мира. Кто придет сюда, чтобы стабилизировать мир, если мы перестанем соблюдать баланс добра и зла. Если честно, то я не очень хотел начинать этот "путь". Хватало еды, самогона, было множество женщин из аборигенов, воспринимающих нас как высших существей. Состарился бы и умер. Но Андрей Соколов, наш вожак, практически принудил меня и Томаса начать его.

Мне даже не приходилось его спрашивать. Видимо по жизни Бравомир был не очень сильным в психологическом плане человеком и плыл по течению. Возможно уже ожидал возмездия за свои поступки, регулярно мучимый совестью. Но что за "путь"? И кто такой Верховный Распорядитель?

Я уже ощущал себя хозяином положения. Первоначальная атака энергетическим сгустком ни к чему не привела, показав полное бессилье демона. Да и растерявшийся Бравомир сам признал, что не имеет способов спастись от кристалла улуна. Возможно все эти годы он только и делал, что ожидал возмездия, а сейчас у него с души спал камень ожидания.

— Расскажи подробнее про "путь" и Верховного Распорядителя, — сказал я, стараясь сохранить спокойный тон.

— Я подрядился в корпорации "Гармония" для участия в проекте "Последняя надежда" на планете GNIP-3267 ремонтником оборудования, — продолжил демон. — На Велесе планеты системы Корпус, созвездия Скорпиона, где я родился и вырос, накопил много долгов, знатно накосячил и подумал, что тысяча лет в анабиокамере исправят мою жизнь. Но теперь понимаю, что зря я согласился. Не в человеческой природе жить столько лет. Далее, когда нас разморозили через тысячу лет для планового ремонта анабиокамер...

— Я знаю эту историю — перебил я его. — Значит ты был с теми, кто предпочитал сутками пить дармовой спирт, созданный оборудованием из морской воды?

— Ну а представь, — виновато сказал демон. — Сидишь ты такой на базе. С Землей контакт потерял, как и со всеми известными тебе мирами. При этом уже тысячи лет. Перспектив отправиться в цивилизацию нет, поскольку корабль утоплен полудурками, не сумевшими договориться. Голова идет кругом от перспектив в замкнутом пространстве исследовательской базы. Год жили нормально. Пытались отсылать сигналы, сканировали все прежде заселённые планеты. Мутили эксперименты, ставили опыты, типа делали вид, что мы верны призванию исследователей дальних миров. Но когда поняли, что с привычным нам миром случилось нечто ужасное, в секунду погубившее всю человеческую цивилизацию, начали унывать. Нет целей, нет задач, нет перспектив. Еды — море. Склад до отказа был завален сухими пакетиками бессрочного срока годности. Кроме этого Дроны станции подстреливали птиц, поросят, коров, ловили рыбу. Женщин правда не было. Но комнаты

психологической разгрузки... помогали... почти как в жизни... Дармовой спирт рядом — нажми на кнопку и весь океан превратиться в него. Поначалу снимали стресс, а со временем все сильнее уходили в забытие. Фармакология и лечебные камеры очищали организм практически полностью от ядов, сводя на нет негативные эффекты употребления алкоголя. Поэтому возникла иллюзия, что можем бухать без последствий для организма и для личности. Но оказалось, что это заблуждение. Начали возникать споры с теми, кто категорически не принимал наш образ жизни. В один из них, нам пришлось покинуть базу не по собственной воле.

— Пьяниц выгнали? — вспомнил я рассказ ИскИна.

— Ну... да... Мы были в сильном подпитии. Решили взять бразды правления, но получили неожиданно жесткий отпор. В итоге оказались на острове. Достаточно крупном. Поначалу были в полной растерянности. Что? Куда? Нам оставили запас еды на месяц... И спирта... Тоже на месяц. Соорудили лагерь, начали самоорганизовываться уже сами. Ловили животных, сами готовили еду, начали гнать самогон — зависимость уже переросла во вторую стадию. Ну а там начали воровать женщин у племен по соседству. Сначала аборигены в ярости решили перебить чужаков, но перестреляв одно племя электронно-лучевой пушкой, туземцы стали сами приносить нам в жертву каждую неделю девушек. Мы для них были сошедшими с небес божествами. Вроде бы тропический рай — знай беззаботно живи. Но тут мы наткнулись на развалины древнего сооружения... Оно было очень старым, полуразрушенным, поросшим травой и мхом. Такое ощущение, что зданию было не менее пары десятков тысяч лет. Когда мы оказались в сложном лабиринте подвальных конструкций, здание будто ожило и к нам обратился Верховный Распорядитель. Он будто проснулся после многолетней спячки.

— Кто такой Верховный Распорядитель?

— Это... как бы тебе сказать... даже сложно подобрать описание с точки зрения человеческой логики. Он помогает встать на "путь"! Он не похож ни на что виденное людьми когда-либо. Его даже не с чем сравнить!

— Хорошо! А что такое "путь"?

— Это опять-таки сложно сравнивать с чем-то из человеческих аналогов. Если очень грубо и упрощенно — это оцифровка личности — полный переход в иную форму существования, перемещение в другие измерения и спектры. Мы потеряли наши телесные оболочки, но оказались в верхних структурах оболочки мироздания. Здесь мы столкнулись с настоящим ужасом и просто сверхчеловеческим неестественным злом, нас окружили такие страдания, которые за всю историю не испытало все человечество вместе взятое. От безумной боли и нечеловеческого ужаса сковывалась воля, разум и само наше существо.

— И что дальше? — спросил я, заинтересованный.

— Оказывается наше бедственное положение длилось всего-то микросекунду, но от тех жутких страданий даже время цепенело, замирало на месте. Верховный Распределитель вовремя вытащил нас в переходный мир между сущностями или "Невидимый спектр", где сейчас находимся и мы. Это своего рода предбанник, буферная зона для входа в миры, заселённые существами такого уровня, для которых мы в миллионы раз ничтожней амебы. По рассказам Верховного Распорядителя, там эволюционируют все успешные цивилизации, не угробившие себя взаимным истреблением в процессе развития и достигшие умопомрачительного технологического прогресса. То, как и чем они там занимаются неподвластно объяснению нашему скромному разуму. Это и есть "путь" и мы находимся в

его самом начале, максимально безопасном. Когда накопим силы, возможно нас впустят развиваться в более дальние области. Но я уже не хочу! Надоело! Тысячу раз пожалел что встал на "путь"! Так хочется опрокинуть рюмку самогона или пощупать грудастую туземку!

— И нет обратного хода? — спросил я, раскрывая тему бесплотных сущностей.

— Нет. Мы сделали свой выбор. Сокол, как мы называем нашего вождя, мотивирует всех максимально развиваться. Но я поэтому и на отшибе, что стал для них изгоем. Развлекаю мутантов спецэффектами, да изредка помогаю им в разных делах.

— И в сражениях тоже? — я подходил к главному вопросу, за которым, наверно, и пришел.

— До этого я еще не такой развитый. Очень сложно пока на прямую влиять на физический мир. Могу только опосредованно. Да и ты со своим кристаллом можешь влиять только на магических, таких как я, и полумагических существ, таких как жаба и разнообразные прислужники — насекомые. В физическом мире, от такого кристалла нет проку. Поэтому до сих пор Сокол не захватил власть над континентом — не хватает силы и влияния. Но движется он в правильном направлении и скоро совершит задуманное.

— То есть — это магия? — указал я на кристалл.

— Если бы перед Юлием Цезарем пролетел Миг-29, испепелив одной ракетой несколько центурий, или же Тяжелая огнемётная система (ТОС) "Буратино" атаковала средневековых рыцарей, то к чему бы представители более ранних времен отнесли все это? Когда разум не в силах понять, осознать и вместить в свое мировоззрение сложные вещи он наделяет их сверхъестественностью. Магией! Также и твой кристалл — лишь творение высоких технологий, которые ты не в силах осознать. И для тебя это сказка, волшебство, колдовство.

— Кто такие улуны? — задал я вопрос, давно мучивший меня. Мне показалось, или Бравомир слегка улыбнулся.

— Ты должен знать. Ты же избранный!

— Я знаю лишь, что это таинственные волшебники, снабжающие мир кристаллами и трансмутаторами, да периодически уничтожающие целые страны.

— Этот мир не так прост как кажется. Он очень, очень древний. На нем родилась и ушла в другие пространства не одна цивилизация. Поэтому нам пока доступен только один континент. Любые попытки жителей известной нам части мира отправиться за его пределы оканчивались полным исчезновением экспедиций. Возможно технические средства и парусные суда не позволяют покорить просторы океана, либо же вмешательство иных сил — мы не знаем. Планетарная миссия "Последняя надежда" прилетела на, казалось бы, девственный мир, запустив процесс эволюции на всех континентах. Что в итоге получилось известно лишь искусственному интеллекту базы. Вполне возможно, что там, за океанами, развитие складывалось по таким законам, перед которыми человеческая логика просто отстывает.

— Конкретней про улунов, — неторопливо спросил я, прервав полет мыслей усталого демона.

— Поначалу мы считали их потомками оставшихся на главной исследовательской базе наших коллег, недружелюбно относившихся к нашему хобби. Но доказательств этого нет, как и нет прямых следственных связей с целью их деятельности. Загадочные, странные непонятные, разрывающие всякие шаблоны, их не понимает весь физический мир, как не можем понять и мы.

— А что стало с вашими товарищами, оставшимися на центральной базе?

— Пока мы обитали на острове, гедонистически удовлетворяя все свои низменные инстинкты, отследить их деятельность мы не могли. Перейдя на "путь", обнаружить их тоже не получилось. Понимаешь, становясь бесплотным низших порядков, у тебя не так много возможностей. Ты глух, слеп, беспомощен. Даже сейчас за столько лет, я могу лишь показывать дешёвые спецэффекты, такие как даровать плодородие мерзлой почве, исцелить от болезни, спасти от пожара и все в таком духе.

— Как вы общаетесь с "коллегами", с теми кого выгнали на остров?

— Да редко. За последние десять лет, виделись лишь пару раз. Мне было дано задание расплодить хошбанов и очистить тундру от остальных племен. Для этого мне дали в помощь исчадий преисподней — жабу и её помощников. Мерзость какая! Сначала кароги, сейчас — номады, далее — остальные по списку. Затем, по сигналу, когда хошбанов будет миллионы особей — обрушиться на северные цивилизованные государства. Веришь — все это кровавое безумие стоит костью в горле. Не научило их то, что сто лет назад улуны стерли с лица земли проклятые земли Ульвии и Зола. А ведь это был процветающий край. Именно там начались эксперименты с хошбанами, которым дали жизнь с помощью кровавых ритуалов.

Поток разговарившегося "ремонтника" изливался рекой, поэтому я не спешил его останавливать, откладывая в памяти интересные моменты.

— Так вот, похоже, баланс добра и зла нарушился в пользу последнего. Об этом и предупреждал Верховный Распорядитель. В истории земли любое нарушение баланса заканчивалась войнами и восстановлением этого равновесия. Но здесь, не имея явных врагов, Сокол, похоже перешел невидимую черту и появился ты...

— Вы не знаете что происходит на других континентах?

— Наших возможностей не хватает, чтоб заглянуть за океаны. Но там есть цивилизации и похоже достаточно серьезные. Но для нас это недоступная земля, пока мы не улучшим свои способности.

— Если я тебя отпущу, ты обещаешь, что больше никогда не помешаешь мне?

— Михаил, я устал уже от своей ноши! Я бы хотел поселиться на необитаемом острове и больше не видеть всего этого кровопролития, насилия и вторжения тварей преисподней. Я так устал! Мне надоело все это! Миша, только не заключай меня в кристалл!

Бравомир совсем поник, сжался в крохотное облачко, которое слабо трепетало передо мной. Мне не в чем было его обвинять. Навязанная роль владыки мутировавших тварей явно была в тягость этому слабому при жизни человеку, ведомому и малодушному. К тому же, если взглянуть правде в глаза, я не знал как кристаллом умертвить или заключить в оковы Бравомира. Мне оставалось лишь только, соорудив гримасу милостивого победителя, согласиться с условиями демона.

Глава 7. Орда

Все же, кое что с Бравомира я поимел, прежде чем отпустить бедолагу на вольные хлеба. С помощью каких-то своих возможностей, Бравомир предстал перед каждым из своих мутантов. Объяснив, что они все исчадья ада и не должны жить, демон искренне пожелал этим упырям сдохнуть. Ему как-то сразу стало легче и он исчез в неизвестном направлении. Конечно, я не наивный дурачек и понимал, что избавившись от верного заточения в кристалл улунов, тот, лишь разыграв сцену сожженного совестью демона, мог запросто уйти к Соколу и рассказать о сделанном мной. Но терять мне было нечего, будь, что будет.

Боевой дух хошбанов моментально сник, после такого признания со стороны их потустороннего повелителя. Разгром отрядов охранения перевалов был полным и сокрушительным. Пленных не брали. Ну представьте себе что на вас напали волки, или другие животные, идет схватка не на жизнь, а на смерть. Будите вы брать волков в плен?

От хошбанов было мало толка. Будучи связанными они упорно молчали под любыми пытками. Работать не хотели, переставали есть и пить, медленно умирая в заключении.

Зачищали местность еще три часа, так что битва закончилась только к самой темноте. Усталые, но довольные победой солдаты и офицеры радовались первой серьезной военной виктории нашего молодого государства. Я разрешил выпить по кружке вина или зирики — не больше.

Мне пришлось довольно быстро стряхнуть с себя эйфорию, позволив предаться ей солдатам и офицерам. Слишком много мыслей возникло после встречи с Бравомиром. Бардак и сумбур в картине, созданного мной же мира, все увеличивался. Усложнялась структура, взаимоотношения, правила, уровень противоборствующих сторон. Появлялись новые пространства, новые игроки, новые континенты и потусторонние уровни развития для высокотехнологичных цивилизаций. Из простой книжки про похождения удачливого попаданца вырастала целая вселенная!

Но в данный момент, нужно было решать оперативно-тактические задачи, чтоб дать себе свободное время поломать голову над стратегическими. Нужно было как можно скорее зачистить всю тундру от поселений хошбанов, дабы оборвать бесконечный приток новых новобранцев. Во-вторых, требовалось укрепиться и подготовиться к возвращению основной массы дикарей с востока. И в-третьих, узнать об успехе миссии Артаса к номадам и принятие плана совместных действий. Без гордых сынов тундры оставаться один на один с сотней тысяч обезумевших головорезов — это билет на тот свет.

Конечно, бывало в земной истории, когда на порядок меньший по численности отряд бивал намного превосходящего противника. Но это было сочетание удачи, военного гения полководца, характеристик рельефа, дисциплины, боевого духа и организации войск. Еще десятки факторов, взятых на заметку талантливыми полководцами могли решить исход сражения. Но я отнюдь не причислял себя к ним, скромно говоря себе, что я лишь использую исторические сведения о тех или иных битвах и совершаемых действительно великими военачальниками маневрах. То есть тупо воровал и использовал авторские разработки других людей в военном искусстве.

Потеряли мы достаточно много солдат. 86 убитыми и 129 ранеными. 200 человек были частично или полностью выведены из строя. Пятая часть войска! Но при столкновении в 20 раз превосходящими силами, можно считать это лишь комариным укусом. Другое дело

превосходящий тебя в сто пятьдесят раз противник! Там уже без шансов для любого военного деятеля.

У меня было два плана на разные случаи развития ситуации. Первый — при взаимодействии с номадами заманить в ловушку, окружить и уничтожить основные силы. Второй — если с номадами ничего не получится — с помощью быстрого маневрирования уходить от сражений с основными силами и разбивать маленькие отряды. Вторым вариантом требовал ювелирной точности и максимально полного знания о перемещении войск противника. Но он был вполне осуществим.

Несмотря на эйфорию и царящее воодушевление установили новый лагерь, в штабной палатке которого почти всю ночь распределялись задания.

— Уважаемые господа! Поздравляю всех вас с победой! — начал я официальным тоном. — Анализ действий офицеров проведем по окончании экспедиции, как и награждение отличившихся. Сейчас же важно определиться с нашими действиями завтра. Итак, будет сформировано восемь ударных групп по сотне в каждой. Они будут общевойсковыми самостоятельными единицами. Будут поделены даже специалисты медслужбы, инженеры и снабженцы. Одной группе, которая останется здесь и будет ожидать известий с востока придаются все разведчики. Будет вестись мониторинг появления частей противника, либо же посланников от номадов. Остальные — в короткие сроки должны прочесать всю территорию тундры от западного океана, до реки Солоны, включая проклятую территорию Ульвии и Зола. Закрепимся на её берегу и будем ждать развития событий. Есть возражения?

Усталые офицеры лишь помотали головами, было видно как моральное и физическое истощение от прошедшего боя повлияло на их податливость в вопросах оперативного планирования.

— Тогда приступим к выборам маршрутов и раскройке карты для каждой ударной части...

...

Четыре дня ускоренного опустошения громадной территории тундры привел к тому что в условленный час к западному берегу реки Солоны, недалеко от памятного места засыпанного песчаной бурей замка Залдонов, пришло только три отряда. Все эти дни я оставался с группой, прочесывающих дальние подступы к нашему лагерю.

Дальние разведчики докладывают пугающие известия. Слышен гул, пока тихий, но очень отчетливый. Как будто где то за десятки километров несется на всех парах громадная армия. Явный признак спешного возвращения основных сил хошбанов.

Ближе к вечеру собрались все остальные ударные группы. Результатом четырехдневного похода стали почти тридцать вырезанных селений — живых конвейеров. В них, в разной степени готовности было более десяти тысяч будущих воинов — от новорожденных, до обрастающих мускулами подростков. Ускоренное развитие этих тварей доходило до того, что младенец, с помощью насыщенного питания за неделю превращался в боеготовую особь. То есть цифру в миллион солдат можно было достигнуть буквально за два года. Во время же я начал поход! Что бы было, если бы эта орава перемахнула через перевалы?

Теперь же, судя по сообщениям разведчиков ни одной живой лаборатории по созданию мутантов не было. Подкреплений хошбанам ждать неоткуда. Все мистические жабы-осеменители уничтожены. Но самое главное — Бравомир, похоже выполнил то, что обещал — полностью исчез. Без потустороннего покровительства снова организовать свое

воспроизводство уродцы, наверняка, не способны.

Были и потери. Восемнадцать убитых и тридцать два раненых. Не везде встречали наши войска хлебом-солью. Случались и ожесточенные схватки.

Спал небольшими урывками. Синие круги под глазами вызвали заботливое участие у штабных и боевых офицеров. В конце концов, Евмен уговорил меня выспаться, заметив, что командующий с чистой головой, принимает более взвешенные решения. Тем временем состоялась генеральная рекогносцировка позиций. Командующие родами войск осмотрели все возможные участки форсирования реки и выбрали наиболее перспективные для обороны. Свою лепту должны внести и опасные твари. Ууры, речные змеи, прожорливые донные черви наверняка только того и ждут, как бы полакомиться свежей хожбанятиной.

На шестой день нашей экспедиции состоялось генеральное совещание. Гул приближающейся орды был все отчетливее слышен на передовых разъездах разведчиков. Сдержат такую массу при форсировании реки была архисложной задачей и поэтому я все больше склонялся к стратегическому маневрированию — игре в прятки.

Мнения генералов разделились. В докладной записке аналитического отдела указывалось, что столь сильно растянутые коммуникации — почти на двадцать километров — сделает невозможным четкую координацию усилий по недопущению прорыва. А если враг завоюет хотя бы один плацдарм, то это уже будет началом конца. Соединиться вместе в единый кулак, войска уже не смогут.

За оборону активно выступали артиллерист Цардорн, нач. штаба экспедиционного корпуса Кадис и командующий пехотой Кардонт, доказывая перспективность действий от обороны. За маневренную войну вступал кавалерист Эдран и главнокомандующий Евмен и адмирал Аристокбал. Остальные высшие и старшие офицеры занимали кто одну, а кто противоположную позицию.

Предстояло принять обоснованное решение, ведь на кону жизнь почти тысячи моих верных солдат. Единственного войска баронства Пардалис.

— Вы вот спорите, каждый отстаивая свою позицию, — начал я чересчур спокойным для непримиримого диспута голосом. Сразу стихли все голоса и штаб уставился на меня, как на родного отца. — Почему бы не соединить оба способа в единый эффективный механизм.

— Как это? — ошарашено произнес Эдран. — Это ослабит любую оборону.

— Я предлагаю использовать кавалерию при насыщении участка живой силой. То есть использовать маневренность и скорость кавалерии при угрозе прорыва того или иного участка.

— То есть, все равно — останавливаемся на защите речной преграды? — спросил кучерявый командир конных подразделений.

— Да, но при этом используем преимущества кавалерии, — я вспомнил историческое описание битвы "Стояние на Угре". Растянувшийся на много километров фронт. Локализация вылазок неприятеля. Оперативное стягивание резервов.

— С кораблей флота начисто выгребут все пушки с орудийными расчетами и порохом. Колоссальное преимущество в артиллерии нам поможет. У нас будет около двухсот пушек. По десять на километр обороны. Но будут они не стационарными. С помощью инженерных частей проложим по всему берегу две колеи из железа. На них поставим пушки, установленные на специальном лафете свободно катающемся на этих двух железных опорах по берегу. При стрельбе укрепляем сошками в землю, для жесткости конструкции.

— Вы гений, мой государь! — просиял лицом Цардорн. — Это действительно может

помочь. Многие умы военной стратегии ломают голову над обеспечением оперативной мобильности артиллерийских подразделений. Bravo!

— Думаю, может такая оборона и выдюжит, — задумчиво произнес Эдран.

— С помощью лошадей мы не только будем доставлять стрелков к проблемному месту, но и на конной тяге перемещать по берегу пушки.

— По сути весь двадцатикилометровый участок представляет собой почти отвесные склоны, лишь в нескольких местах превращающийся в удобный пологий для форсирования реки берег. Только эти места и нужно укрепить. Севернее — господствуют непроходимые топи и болота — хошбаны туда не сунуться. На юге Солона упирается в гору Омнису, с которой и несет свои воды. В принципе за несколько оставшихся дней, мы можем превратить этот участок в неприступную крепость.

Через два дня дальние дозоры разведчиков стали возвращаться в войска. Не было смысла сидеть в тылу врага. Стойбища врагов уже было видно с предгорий. Пришедшие первым командиры хошбанов дожидались когда на их место придет следующий отряд, и только тогда выступали вперед. Такой пошаговый способ перемещения позволял экономить время на строительстве походных стойбищ, что сохраняло высокий темп перемещения.

К вечеру на всем пространстве за рекой Солоны стояло марево от десятков тысяч кострищ. Крики, вопли, вой доносился из стойбищ. Лишенные утех своего демона Бравомира, хошбаны были нечеловечески злы и крайне агрессивны. Во время погружения в транс, когда облако гипнотического демона курилось над кострами, у монстров происходила половая разрядка. Именно этим объяснялось отсутствие женщин в племенах.

Сейчас же, сжигаемые животными инстинктами размножения, уродцы метались в поисках покоя. Издали казалось, будто рядом поселился филиал ада. Не находя выхода своей энергии они резали, насиловали, убивали друг друга. Дикий рев командиров не мог утихомирить хаос в лагерях. Отсутствие боевого духа и организации радовало. Но ярость, с которой завтра ринуться в атаку мутанты, пугала гораздо больше.

— Все ли готово, — спросил я Евмена.

— К утру точно все успеют, — ответил тот, рядом со мной разглядывая врага с вершины гигантского холма, где располагалась смотровая возвышенность.

Меня немного потрясывало перед началом новой битвы, но отступить некуда. Так закаляется характер будущих победителей... или проигравших.

— Необходимо усилить посты на краях оборонительных сооружений. Вдруг решат не атаковать в лоб, а обойти по флангам.

— У них сейчас острый приступ ярости, они готовы уничтожить все и вся, им не до тактических премудростей. Управлять такой массой неорганизованного сброда очень трудно.

Ночь я провел практически без сна, уставясь в одну точку, думал о событиях, которые вот-вот должны произойти. В сто пятьдесят раз превосходящие по численности войска! Уму непостижимо сто — сто пятьдесят тысяч прирожденных воинов! Надежда только на огневую мощь и ловушки, приготовленные нашими инженерами. Бонусом широкая река с быстрым течением, в которой обитают приснопамятные твари.

Сам проснулся, только затеплился рассвет. Высшие и старшие офицеры были на своих постах. Дымы огней огромного количества лагерей хошбанов были потушены. Враг легко определил, что за рекой их ждет противник. По одному и группами, они в ночной тени рыскали по берегу. Но я приказал своим не стрелять, дабы не показывать оружия, которого

эти дикари тундры никогда не видели.

Со смотровой площадки, самой высокой точки вблизи побережья реки, где располагался наш штаб открылась мрачная картина. Насколько хватало глаз лесотундру заволочли плотные массы передвигающихся хошбанов. Зрелище, от которого кровь стыла в жилах. Десятки тысяч, при этом основная масса скрывалась за горизонтом справа и слева. Эпичная картина снова заставила меня пожалеть о придуманном плане. Но лишь на секунду. Я несу ответственность за моих людей! Даже если я сложу голову, нужно предотвратить распространение этой заразы. В бою показать, что я был готов защищать наше дело ценой своей жизни.

С рассветом орда нападающих ринулась в воду. Но заранее прикормленные с ночи умелыми рыбаками группы ууров с радостью встретили нападавших. Хлесткими ударами многометровых щупалец они ложили будущую добычу еще на берегу. Толпа слегка отпрянула отрезвленная происходящим в реке.

Но затем в воду полетели камни, острые пики, стрелы и прочее. Толпа стала давить могучих ууров плотной стеной смертоносных приспособлений и орудий убийства. Тысячи рук без устали швыряли все, что можно в гигантских чудищ, превращая ууров в ежей. За пятнадцать минут орада расправилась с грандиозными кальмарами. Видимо хошбаны были опытные в плане форсирования рек с крайне недружелюбной флорой и фауной. Самые храбрые уже начали плескаться в её быстро текущих водах.

И тут же, один за другим, стали исчезать в глубоких мережах прибрежных заводей. Кровожадные донные черви по одному вылавливали смельчаков и отправляли себе в утробу. Чуть позднее, почуяв запах крови показались десятки голов водных змей, изучающе взирая на обстановку. Часть из них принялась добывать смертельно раненых ууров, часть собралась для атаки более доступной и свежей добычи — хошбанов.

Я не утерпел и решил проехаться по побережью. Примерно так же развивалась ситуация в остальных районах. Пять относительно пологих склонов на наш берег Солоны надежно прикрывались мощными группировками стрелков. Но и отвесные берега не остались без охраны, в случае чего, призывая мобильные подкрепления с помощью нескольких длинных веревок с колокольчиками. Не самая эффективная система связи, зато самая быстрая в наше время.

Как и ожидалось, многотысячная орава растеклась по всему восточному берегу Солоны. Десятки тысяч скрежещущих зубами генетических дегенератов рвались быстрее накормить свою алчущую крови и убийств душу. Такую массу народа я видел впервые.

Тем временем с речными тварями было отчасти покончено. Накормив змей и червей самыми отчаянными и уничтожив ууров метательным оружием, толпа дикарей ринулась в воду, форсируя реку. Теперь уже нужно было как можно сильно дать жару.

Изначально я распределил главных за конкретным участком. Именно они должны были координировать места скопления огневой и физической силы. Только лишь надежда на компетентность офицерского состава помогала сохранять холоднокровие.

— Господа, офицеры! Теперь все зависит только от нас с вами! — напутствовал я членов штаба перед решающей схваткой.

Глава 8. На грани уничтожения

Из-за невозможности видеть все двадцать километров фронта, я сосредоточился на центральном, главном и наиболее серьезном участке. Пологий берег, удобный для форсирования хошбанами реки здесь имелся только один, и я плотно укрепил его артиллерией, ловушками и заграждениями.

Только лишь плывущие в беспорядке враги достигли дистанции эффективного поражения артиллерией мощный залп из всех береговых пушек обрушился на головы нападающих. Быстрое течение сносило их на север, но преодолевая потоки, хошбаны плыли по диагонали, чем увеличивали свой путь сквозь водную преграду.

Первый залп шрапнели, ударивший, как говорят артиллеристы "по площадям", обагрил реку красными потоками свежей крови. Отовсюду на запах свежей плоти стекались змеи и ууры, набивая халявной едой свои ненасытные утробы. Но хошбанов было так много, что своими телами они буквально устлали дорогу для последующих рядов нападавших.

Снова залп — и снова кровавая жатва. Стали раздаваться и ружейные выстрелы пехотинцев, пристреливающих к особо ретивым и удачливым экземплярам. Орудийные расчеты спешили как можно быстрее зарядить свои пушки, так, что со временем единые залпы превратились в нестройный хор грохочущей артиллерии.

Пока, что удавалось с хорошим запасом выкашивать, плывущих в ожесточенной злобе мутантов, но я понимал, что порох, шрапнель и ядра не бесконечные. Даже моя извечная предусмотрительность ограничивалась физическим наличием припасов. А между тем походные арсеналы пустели с пугающей быстротой.

Уже через полтора часа массового геноцида ситуация стала меняться не в нашу сторону. Во-первых, речные кровожадные твари, видимо, основательно насытившись, либо испугавшись смерти от неведомого оружия, быстро потеряли интерес к потокам халявной пищи. Во-вторых, снизился темп стрельбы ввиду естественной усталости оружейных расчетов, поначалу действовавших с максимальной отдачей. В-третьих, к воде подошла основная группировка сил — всадники на медведях. Те крайне споро плыли на встречу желанной добычи.

Наступил опасный момент боя, и, если срочно чего то не предпринять, уже в ближайшие часы эти выносливые исчадия преисподней выйдут на берег. А в рукопашной схватке нам ловить было нечего.

Прискакал ординарец, огорошивший меня новостью. Снесенные течением трупы образовали брод на северном направлении обороны. Карабкаясь по своим собратьям хошбаны уже почти вышли к берегу. Подкрепления кавалерии и стянутые пушки не могут изменить ситуацию. То есть то, что он доложил произошло по хронометражу минут двадцать назад. Как сейчас изменилась ситуация узнать не представляется возможным.

Я ощутил, что теряю нити управления сражением. Предусмотренные инженерами ловушки в виде подводных кольев и шипов надолго эту массу не удержат. Требовалось нечто радикальное.

Я приказал подтянуть помпы, взятые из кораблей. Те что качают воду при затоплении судна. Большие чаны с горючей жидкостью стояли наготове. Вариант "греческого огня" должен был стать еще одной преградой для атакующей волны.

Пловцы, и так сильно ослабленные стремительным течением реки, ближе к берегу не

смогут маневрировать. Другое дело, что вся затея могла обернуться против нас, если подавать горючую жидкость под низким давлением. Шланги стали бы гореть, а возможно и занялись огнем и приготовленные емкости. Поэтому на концах шлангов установили металлические конуса, сужающие пространство подачи жидкости вплоть до узенького отверстия. У отверстия давление должно быть максимальным. Качать помпу доверил самым сильным, сменявшим друг друга проверенным бойцам. По знаку, когда хошбаны уже должны были начать выходить на берег, следовало применить эти устройства, предварительно спуская с истоков Солоны плоты с сухим горючим веществом.

Ординарцу приказал максимально укрепить северный фланг обороны и держать его так, насколько хватает сил. В случае опасности полного разгрома — уходить в болота, которые противник не любит и там держать оборону.

Еще полчаса я с замиранием сердца наблюдал, как пространство Солоны, занятое плывущими хошбанами увеличивается. Уже давно пехотинцы вели непрерывный огонь по противнику. Кто-то кидал зажигательные гранаты.

По-прежнему урон для мутантов был просто колоссальный. По моим прикидкам, только на нашем участке обороны полегло не менее десятка тысяч нападавших. Но те перли, словно обезумевшие, желая поскорее удовлетворить жажду крови.

Струдившись всеми силами на подступах к пологому берегу, я дал команду войскам остановить ружейный и пушечный огонь. Враг уже был в десяти метрах от суши. Вставая на ноги, хошбаны попадали на огромное количество ранящих шипов от металлических ежей и, корчась от боли, продолжали движение. Звериная выносливость!

За дело принялся "греческий огонь". Помпы стали подавать на шланги потоки горючей жижи, воспламеняемой факелами. Поток пламени окутал первые ряды нападавших, мгновенно испепеляя своим липким пламенем ряды атакующих. В панике те бросались назад, но подпираемые выползающими на сушу и заметно обессилившими соплеменниками, лишь усиливали сумятицу. Стена огня увеличилась, когда сверху по течению стали выплывать плоты с горючей смесью. Кострища на них разгорались, обжигая дыхание еле перебирающих руками хошбанов и лишая округу столь нужного кислорода.

Паника разгоралась. Теперь, спасаясь от огня, почти все ряды атакующих рванули назад, встречаясь с потоками плывущих на встречу, топя друг друга. Смешавшаяся масса медленно уплывала по течению на север. Теперь в реке находилась основная часть войска неприятеля.

Я срочно дал команду ординарцу послать подкрепление на север. Течение и так скопило там большую часть войска, и я понимал, как тяжело сейчас оборонявшимся там. Последние резервы были брошены на спасение северных рубежей.

Примчался ординарец от Кардонта, уже вступившего в рукопашную схватку чуть севернее меня. Положение все больше усугублялось — лавина мутантов уже выбралась на оперативный простор и захватила второй с севера пологий склон. Сейчас все держалось лишь на том, что огонь пехотинцев и артиллерии не дает взобраться повыше. Но это лишь вопрос времени. Стали поступать сообщения о нехватке пороха. Солдаты разбирали личные гранаты, чтобы заполнить орудия столь необходимым веществом. Кое-где, из-за нехватки солдат, хошбаны пробрались через почти отвесные скалы и завязалась мясорубка.

Положение стало почти критическим. Фокус с "греческим огнем", как оказалось сработал не на всех участках. Некоторые выливали горючую жидкость прямо в реку и поджигали перед выходящими на берег мутантами. Сейчас положение экспедиционного корпуса могло спасти только чудо.

И оно случилась! Сигнальная ракета с восточного берега Солоны, где только недавно начинали свою атаку хошбаны, была просто подарком для наших войск. Никто иной как Артас, мог послать его. Товарищ возвращался. Но возвращался ли он с подмогой?

Лишь увидев столб пыли, растекавшийся за спиной у друга, я с удовлетворением заметил — номады приняли мой план и выслали подмогу. Тысячи, десятки тысяч, укутанных в черные одежды, некогда наводивших страх на весь цивилизованный мир всадников, скакали позади Артоса.

Это было удивительное спасение. Не спешиваясь, союзники нырнули в бурные потоки Солоны. Пришлось спешно собирать все выставленные ловушки. Очистив небольшое пространство от металлических ежей, я знаками дал команду выходить на берег только обозначенным маршрутом.

— Артос, друг, ты как никогда вовремя! Дорога каждая секунда. Веди союзников на севере в максимально быстром темпе.

Тот, не став терять не секунды, объяснил все суровому номадскому командиру, видимо главному в присланном подкреплении. Кавалерийская степная лава, не жалея коней помчалась по берегу, везде встречаемая одобрительными криками усталых солдат. Те кидали в верх шапки, кричали "Ура", хлопали в ладоши. Долгожданная помощь все-таки пришла. Вывели Артоса на штаб лагеря специально расставленные в тундре секреты наших разведчиков.

Не менее сорока тысяч конных всадников, форсировав Солону, устремились за своим командиром прямо на север. Отдав командование участком Артемису, начальнику оперативного отдела, я поскакал за ними, когда последний всадник, благополучно не наткнувшись на наши ловушки преодолел реку.

На севере всю теснили наши войска. Организованный отход в заранее подготовленные позиции снижал потери, но не исключал их. Огонь велся уже из последних запасов, когда в толпу нападавших бешеным клином ворвались всадники тундры. Молчаливо, но от этого еще более солидно.

Стрельба сразу же прекратилась. Нацепив штыки и перегруппировавшись, почти уже обречённые защитники кинулись в атаку помогать союзникам.

Между тем клин расширился до того, что разделил на две части войско неприятеля. Планомерно вырезая хошбанов, смертельных врагов как карогов, так и номадов, натерпевшиеся от мутантов народы изливали свою ярость от предыдущих унижений. Яростная рубка перетекла в грандиозное сражение на широкой поляне, которую успели захватить уродцы. Теперь уже большинство солдат нашего экспедиционного корпуса были сосредоточены здесь. На более южных участках обороны осуществлялись лишь локальные стычки, и до сих пор огнем пушек и импровизированных огнеметов подавлялось сопротивление относительно небольших отрядов противника.

Несмотря на подкрепление, хошбанов оставалось еще достаточно, чтобы опрокинуть наше многократно усилившееся войско. Сейчас силы были примерно равны. Но стратегическая инициатива была за нами. Разрезав группировку мутантов, одну часть мы плотно прижали к воде, которая превратилась в кровавую жижу. Другую же, окружив, потихоньку уничтожали.

Через час такой мясорубки, хошбаны дрогнули и решили отступать обратно через реку. Вслед понеслась стрельба почти полностью сконцентрировавшихся на этом участке битвы орудий и пехоты. Но главный сюрприз на восточном берегу готовили номады. Еще один

отряд подоспел чуть позднее, но довершил дело уничтожения мутантов. Нам лишь издали удалось разглядеть эпичное истребление нечести.

Солдаты радовались, братались с хмурыми степными кочевниками, которые тоже были в приподнятом настроении. Над их родиной весела смертельная опасность быть раздавленными с двух сторон. И теперь, благодаря новым союзникам опасность с запада практически уничтожена. Снова эйфория окутало войско.

— Лачинбур Горбадон, — представился мне командующий силами союзников. — Двоюродный брат Балутрак Уртагая. Очень приятно, что вы проявили смелость и, в итоге, практически в одиночку истребили племя хошбанов.

— Михаил Пардалис, барон баронства Пардалис, — ответил я по положенному дипломатическому этикету. — Ваш вклад был решающим! Мы стояли на грани гибели! Так что лавры победителей хошбанов можно уверенно делить между нашими народами.

Суровое лицо слегка ускоглазого и смуглого собеседника растеклось в дружелюбной улыбке. Он заметно расслабился и даже откинулся в кресле нашего штабного шатра, в котором мы устроили чествование высокого гостя. Теперь за неимением прямой опасности и крайне приподнятой атмосферой после грандиозной победы, все, включая меня, находились в благодушном состоянии.

— Балутрак Уртагай крайне благодарен вам, — продолжил собеседник. — Вы единственный откликнулись и, практически сразу, приступили к конкретным действиям. Господин Артас произвел очень хорошее впечатление на моего владыку и убедил согласиться с вашим планом действий. Мой двоюродный брат, повелитель тундры, очень ценит помощь в практически безнадежной для него ситуации. Именно поэтому шестьдесят тысяч всадников были отправлены в помощь нашим новым союзникам!

— Я надеюсь, что наш союз будет вечным и мы вместе будем решать стоящие перед нами задачи!

— Точно так же думает и наш повелитель. Друг оказавший поддержку в трудную минуту — друг навсегда.

— Тогда за это стоит выпить... И скрепить наши союзнические обязательства договором, — я, улыбаясь от столь удачного дня, буквально старался выловить весь хвост свалившейся мне на голову птице-удаче.

— Я думаю, скоро Балутрак Уртагай встретиться с вами. Но лишь тогда, когда позволит война с новыми злыми силами на востоке.

Обмен любезностями и неспешная беседа продолжались еще несколько часов, пока совместными силами не состоялась окончательная зачистка территории. Только ближе к утру можно было со всей уверенностью сказать, что с хошбанами, как с реальной силой, покончено. Возможно мелкие отряды или даже ватаги хошбанов еще продолжают существование, но без централизованного руководства, без своего Бравомира, который держал на поводке их низменные инстинкты, а самое главное без размножения, они вымрут в течении десятилетия.

Мы с Лачинбуром обменялись подарками, оставили своих военных атташе и договорились о том, что в течении двух недель состоится моя встреча с Балутрак Уртагаем.

Празднование победы над заклятыми врагами, проходило весь день. Я уже мысленно представлял, как триумфально въеду в Пардалис, благодарил верных мне офицеров и изучал итоги битвы. Потери были серьезные — сто восемьдесят убитых и сто сорок четыре раненых. За два сражения войско было ополовинено. Хорошо, что почти шестьдесят

процентов раненых в первой битве смогли вернуться в строй. Остальные либо стали инвалидами либо находились в тяжелом состоянии, либо скончались за прошедшее время.

Итого, у меня осталось 562 человека личного состава. Больше всего досталось пехоте. Я мог рассчитывать лишь на одну роту солдат — 189 человек. Кавалерийских частей, включая межвидовую конную артиллерию, осталось 164 человека. Остальные составляли штаб, вспомогательные части, моряки и заметно поредевшие оружейные расчеты. Почти половина пушек осталась без obsługi. Пирровы победы! В будущем, по прогнозу мед службы, я мог рассчитывать на выздоровление еще шестидесяти — восьмидесяти человек. А уж сколько финансовых ресурсов потребовала экспедиция — даже представить было сложно.

Войска потянулись к близким перевалам, через которые можно проникнуть в баронство. Колонна растянулась более чем на километр из за того, что имеющиеся лошади тащили пушки, и добытые в схватке трофеи: золотые украшения главнокомандующих, изваяния в благородном металле изображения Бравомира и прочие ценности в изрядном изобилии водившиеся у самых высших чинов хошбанов. Вернемся в тундру, когда залижем раны, заложим новые города, соорудим рудники в богатых месторождениях северной стороны Градии.

— Ты не чувствуешь укоров совести, — спросил веселый и слегка усталый Евмен. Он ехал рядом со мной и группой высших офицеров в середине колонны. Было видно что он шутит, но я воспринял вопрос серьезно.

— А что ты чувствуешь убивая крысу в своем доме? — сказал я твердым голосом. — Чувствуешь только облегчение и удовлетворение, что грозящая тебе и твоей семье опасность, ликвидирована. Можно только лишь радоваться, что север теперь наш. Одно дело люди. Обычные нормальные люди. Которые растут и развиваются естественным образом. Другое дело зачатые в столь изуверских условиях, рожденные невольницами, насилуемыми отвратительной тварью. Ты сам видел, что хошбаны — исчадья зла, только и созданные для того, чтобы истреблять и убивать все живое.

— Наш народ кочующий тысячелетиями по тундре, воспринял их появление как предвестник апокалипсиса, — став вслед за мной более серьезным, ответил Евмен. — Изначально они были крайне агрессивны, не шли ни на контакт, ни на торговлю. Было видно, что это искусственные порождения, машины для убийства. Улуны век назад, истребили за создание этих тварей князей проклятых земель Ульвии и Зола, нечестивых Залдонов, сровняв с землей все их владения. Умерли десятки тысяч человек. Стена песка обрушилась на пастибища, погребая под собой человеческие жилища, замки и дворцы аристократии. С тех пор эти места считаются проклятыми. Но хошбаны, словно тараканы, сумели выжить и расплодиться. Вытеснили нас из тундры. Еще бы год и они хлынули бы через перевалы, избавившись от своих главных соперников — номадов. Ты великий полководец и стратег! Я горжусь, что могу служить тебе!

— Хватит, хватит, — перебил я Евмена, который становился все более красноречивее. — Я руководствовался целесообразностью и выгодностью момента. Те же хошбаны всего лишь звенья огромной и сложной игры, затеянной Орденом Верных для главенства над миром. Небольшое промедление и наши шансы выжить сильно бы уменьшились. Но, поверь, впереди нас ждут значительно более сложные испытания.

Глава 9. Удар в спину

Гримаса ярости исказило мое лицо. Запыхавшийся, весь израненный гонец огорошил меня своими словами. Случилось именно то, чего я опасался больше всего. Надеялся, что оперативная и быстрая атака на хошбанов не даст времени раскататься другим врагам для атаки на баронство Пардалис.

А случилось вот что: в моем баронстве зрел заговор. Люди Антонира не могли успевать следить за таким большим потоком приезжавших поселенцев. За два месяца хорошо организованная и тщательно законспирированная сеть разведчиков и диверсантов Драманской империи и княжества Шаронди, просочившись в наши приделы, составила план захвата власти. А я, оказывается, только упростил им задачу.

Я не барон, я баран! Недооценил противника. Подумал, что пуп земли, человек из цифровой эры, в конце концов, придумавший этот мир. А вокруг безобидные князьки, графы с графинами, да холопы, скрежещущие зубами от бессилья помешать мне. Вот и расплата за самоуверенность!

Хуже всего то, что очень оперативно нагрянул князь Келлос с двумя тысячами всадников. Видимо, пешее войско находится на марше. Они оцепили перевалы и вокруг столицы баронства создали защитную зону, чтобы ни одна мышь, а тем более гонец на восточное побережье или на север, ко мне, не проскочила. Когда начался бунт в городе закипело сражение. Всадники Келлоса ворвались в город и захватили ключевые здания. Сражение продолжалось всю ночь и весь следующий день. Занялись пожары. Были разрушены некоторые постройки. Защитникам пришлось оставить город с невообразимыми потерями.

Келлос издал указ об отмене вассального договора и прекращении самостоятельности баронства, а меня и вовсе объявил вне закона. Все те достижения, производственный, научный и культурный потенциал, что я пестовал, холил и лелеял перешел к нему. Хитрец, Келлос!

Зарун, Антонир и Ирис ушли к Пурьгорю в Аликет. Теперь семья, а самое главное, моя невеста, укроются в защитных крепостях Аликета. Часть элиты присягнула на верность князю. Часть решила спасаться на западном побережье, куда еще не дотянулись загребущие руки князя.

Созвал совет. Унылое настроение от известий полностью растворило радость победы. Все надеялись на триумфальный въезд в город, а теперь ситуация становилась просто безвыходной. У многих в Пардалисе остались семьи, друзья и родственники. Какова их судьба?

— Господа, — начал я собрание офицеров. — Прежде всего, хотел бы поблагодарить каждого за верность баронству. Но теперь, все же, настал ваш выбор. Я слагаю с вас присягу верности баронству. Вы можете сознательно перейти на службу Келлосу. Ни одного из сделавших такой выбор, я не буду осуждать. Вы полностью выполнили свой долг перед баронством. Со мной останутся только добровольцы, кто планирует продолжать сопротивление. Есть ли желающие остаться до конца верным Пардалису? Поднимите руки.

Вверх, как и ожидалось, без раздумий потянулись все.

— Государь, — взял слово Аристокбал. — Я думаю, что выскажу общее мнение. Если бы мы хотели служить Келлосу, мы давно это сделали. Но, я всем доволен на твоей службе! Я

никогда не встречал столь благородного правителя, настолько по-отечески заботящегося о своих людях. Причем, пекущегося о всех подданных, а не только знатных и умелых. Лично я отдам за тебя жизнь, если потребуется!

В шатре прокатился гул одобрения, а мои глаза увлажнились от такой поддержки.

— Мы все будем с тобой до конца! — сказал Эдран.

— Если мы разбили полчища хошбанов, можем справиться и с этой напастью, — торжественно произнес Кадис.

— У нас нет другой отчизны кроме Пардалиса, и мы должны её защитить, — громоподобно сказал Кардонт. Слова поддержки от других офицеров возродили в душе угасшую, было, надежду.

— Я всегда верил в вас! — произнес я, чуть дрогнувшим голосом. — Теперь нужно перейти к практическому обсуждению действий.

За четыре часа споров, был утвержден, с некоторыми доработками, мой план. Артас как можно быстрее поскачет за помощью к номадам. Кадис, Кардонт, Аристокл и Цардорн поведут пехоту и большую часть артиллерии на побережье, дабы максимально быстро переправить её флотом к Аликету и организовать там оборону городов Западного побережья. А я, Евмен и Эдран с остатками кавалерии, конной артиллерии и инженерного взвода, посаженного на резервных лошадях совершим рейд в логово врага — в Седалис.

С огромной вероятностью Келлос ждет, что мы решим отбить столицу баронства. Поход же на жемчужину князя — Седалис с точки зрения любого толкового стратега невозможен, без пересечения перевалов, сейчас охраняемых людьми Келлоса и прохода близ захваченного неприятелем Пардалиса. Непроходимые вершины Градии, тянущиеся на сотню километров к востоку, густые лесные массивы и болота защищали столицу Шаронди с севера лучше любых войск. Но смелость города берет! Действуй нестандартно и сим победиши!

Два часа на необходимые приготовления и потом, и без того крохотное войско, разделилось на две неравные части. Артас, в сопровождении конвоя, ускакал догонять Лачинбура. Испытания предстояли действительно серьезные, но я наделся на боевой дух моих солдат и жажду мщения!

Солону пересекли без проблем. Поголовье местных тварей было сильно прорежено, а остатки занимались поеданием десятков тонн павшей хошбанятины. Далее, быстрым галопом проскочили предгорья. Кароги, жившие здесь тысячелетия, прекрасные знатоки тайных троп и более или менее сносных проходов в непроходимых кручах. К тому же стояла поздняя весна и снег ушел далеко в горы.

Двигаясь на юго-восток, преодолели два десятка километров, пока не оказались у почти отвесной стены.

— Когда-то, будучи детьми, — с легкой грустью вспомнил Евмен. — Мы здесь соревновались в скалолазании. Получали ссадины и синяки, кто-то даже руку мог сломать. Но на высоте двадцати метров здесь имеется, невидимое издали, небольшое плато. Всего метров пять в ширину. От неё ведёт тропа к узкому проходу в ущелье, пройдя которое, попадаешь в карстовую пещеру. Выход из нее приведет к водопаду на другой стороне горного хребта. Там конечно будет крутой спуск, но думаю, если спешимся, можем уверенно пробраться.

Сначала взобрались самые ловкие. Затем, установив страховочные канаты, залез инженерный взвод. Далее, закрепив на краях балочные рычаги, пошел долгий и монотонный процесс поднятия лошадей и орудий. Кони ржали, широко раскрыв глаза от испуга, но

терпеливо вынесли подъем на высоту. Солдаты влезали по страховочным канатам вслед за своим конем. Работа продолжалась до полуночи, а все пополняющийся отряд уже не влезал на небольшое плато на верху. Так что, по мере подъема все новых и новых солдат, войско перемещалось в небольшое ущелье.

Заночевали в карстовой пещере. Надо было дать отдых уставшим бойцам, а коням — подкрепиться обильно растущими в ущелье травой и кустарниками.

Я, по обыкновению, каждый раз ужинал с каким-нибудь взводом солдат, не чураясь их жесткого быта. Кавалеристы, хоть и были элитным подразделением, но сплошь представляли из себя простых работяг или кочевников, молодых, сильных и выносливых парней. Они шутили шутки, спрашивали меня о планах, рассказывали свои жизненные истории, байки и небылицы. Так я проникался настроениями своего войска, их мыслями и чаяниями, а они, в свою очередь, пребывали в воодушевлении, что сам государь не прочь отведать крепкой мясной похлебки в кругу воинов. К тому же, так, я потихоньку запоминал их имена, узнавал поближе каждого солдата и мог сделать вывод о его авторитете, надежности в кругу бойцов и потенциале, как командира. Именно так я нашел Кардонта и поставил его во главе пехоты.

Утром, немного отдохнувши, мы отправились дальше вглубь пещеры. Не доверять словам Евмена я не мог и верил ему как себе. Достаточно просторная и влажная, пещера тянулась вглубь горы. Сверху свисали сталактиты, а снизу, навстречу им, тянулись ввысь сталагмиты. То и дело приходилось перетаскивать пушки через скопления горных образований. Факелы, горевшие у нас по периметру лагеря обмотали новыми тряпками с горючей жидкостью, которые окунули в емкости, те, что несли на своих боках вместе с провиантом сорок две резервные лошади, оставшиеся после битвы с хашбанами.

Перламутровое озеро из кристально чистой воды мы обогнули по краям. Так и хотелось искупаться после долгой дороги, но не было времени, да и вода была очень низкой температуры. Мне еще заболевших солдат не хватало! Горные ручейки несли сюда чистую, холодную минеральную воду. И пить её было одно удовольствие — слегка соленая, она прекрасно утоляла жажду.

Вскоре мы вышли к проходу из пещеры. Для людей она была как раз, но вот лошадям и артиллерии втиснуться не позволяла. Инженеры принялись за дело, и через полчаса проход был расширен до необходимых размеров.

Мы оказались на довольно узком ущелье, которое оканчивалось резким склоном. Очень осторожно, стараясь не свалиться и не полететь по крутому склону, первые солдаты с мотками веревок спустились вниз. Натянув их в качестве опор для перемещения и страховочных тросов, солдаты, цепляясь крючьями, стали медленно спускаться вниз. Самые неуклюжие порой теряли равновесие и норовили улететь с крутого склона, но страховочные канаты надежно удерживали их от кувырка в пропасть. Потоки камней под ногами осыпались и создавали эффект лавины, так что скоро стали обнажаться скальные породы.

Почти двести человек, триста лошадей, сорок пушек. Все это громоздкое хозяйство вместе с обозом и инженерными приспособлениями мы перетаскивали через горные хребты Градии, чуть ли не в ручную, почти полтора дня. Как сейчас развивалась ситуация в баронстве? Как там Ирис? Что делают Зарун, Антонир, Пурьгорь, отправленные им и подмогу войска и ставшие братьями старшие офицеры. Вся надежда только на их профессионализм и смекалку.

Спустившись в густой лес южных предгорий Градии, мы устроили привал — пусть

отдохнут и поспят изрядно вымотанные солдаты. На самом рассвете двинемся в путь. Отборный мат офицеров, поломанные конечности у людей и лошадей, разбитые лафеты пушек, рассыпавшиеся в ходе транспортировки припасы — далеко не полный список приключений при считавшейся не возможной для стратегов княжества операции. Но в душе горел пожар мести, который перерывался уже созревшим в моей голове новым планом действий. Поставить шах и мат Келлосу. Авантюрный план все более детализировался в моей голове. Выбрав двух проверенных людей, я, не давая им отдыха, послал в ночную темноту, предварительно дав инструкции.

Снова тревожный сон. Так недолго и "съехать с катушек". Уж очень сложная была ситуация. Я буквально ходил по лезвию ножа.

Еще затемно я собрал офицеров. Требовалось как можно быстрее начать движение. Инженеры и разведка, не имея отдыха, еще вечером стали прокладывать пути движения нашего отряда. В лесной чаще ставились метки наиболее комфортного пути. А предстояло преодолеть целых 30 километров лесов, болот и холмов. Я хотел уже сегодня решить все проблемы со столицей Шаронди.

Передвигались медленно из-за пересеченной местности и обилия топей. Уже к утру мы нагнали инженеров, воздвигающих переправу через особо вредное болото. Дальше разведчики показали маршруты, где можно более-менее безопасно провести войско.

В отряде царило воодушевление. Несмотря на малочисленность, мы имели сорок орудий — просто гигантское соотношение к живой силе. Превосходство в артиллерии было колоссальным! Кроме этого лошади добавляли мобильности, и это тоже было хорошим плюсом. К тому же, основная армия Келлоса, наверняка потрепанная в боях за Драманскую империю, практически полностью находилась в Пардалисе. Шанс растоптать нежный цветок Келлоса — Седалис, тщательно облагороженный и рачительно охаживаемый был достаточно силен.

Ближе к вечеру мы оказались возле предместий Седалиса. Из-за высокого шанса встретить крестьян и прочий люд, заготавливающий дрова или собирающий грибы, а то и охотящийся за дичью, мы пошли еще одним болотом, которое почти примыкает к стенам замка.

Защитные сооружения Седалиса были почти в четыре метра высотой и имели прочные стены. Узкие бойницы были утыканы по всему периметру. Штурм такой крепости занял бы не одну неделю. Но у меня был хороший, как мне представлялось, план.

Начало темнеть. Ко мне подошел организовывавший атакующее построение Евмен, с которым я предварительно согласовал свой план.

— Есть ли весточки от посланников? — спросил он.

— Пока нет, но ждем, — произнес я задумчиво, и нахмурил брови. — Сейчас там, за стеной, требуются большие усилия наших агентов. Как артиллерия?

— Я отвел её на позиции. Пару раз, чуть не попались на глаза крестьянам. Но, ближе к ночи, активность населения за стенами утихнет, и можно будет занять более лучшее расположение.

— Кавалерия как?

— Все в полной готовности.

— Тогда ступай, как договорились, во вторую ударную группу.

Евмен кивнул, и отправился в глубину леса. Разведчики настороженно всматривались в даль. Примерно через час, когда стало совсем темно, на стене появилось какое-то движение.

Ничего толком разглядеть было невозможно, но это точно не караульные.

Затем началось светопреставление! Именно его мы и ожидали в качестве сигнала к атаке. Находящиеся в сотне метров сбоку от наших позиций малые северные ворота превратились в труху из-за мощного взрыва. Взрывчаткой разрушило часть стены, так, что образовалась настоящая брешь. И ровно в ту же секунду вся масса нашего отряда ринулась к воротам. Лавина всадников в несколько мгновений промчалась по посадкам крестьян, перепрыгивая маленькие заборы и не дожидаясь, пока уляжется дым исчезла в неизвестности городских окраин.

Ровно в ту же секунду наша артиллерия дала залп справа и слева от наших позиций. Орудия были расставлены максимально широко, чтобы создать вид полноценной осады и посеять панику. Защитники города были в явном замешательстве, поскольку весь наш прорыв происходил даже без намека на сопротивление.

Ведя за собой первый ударный отряд, я стремился как можно скорее попасть во дворец. В городе потихоньку нарастала паника. Зажигательные снаряды смогли вызвать пожары в разных частях города.

Второй ударный отряд под предводительством Евмена поскакал блокировать арсенал и корпуса городской стражи, отдыхающая смена которой, скоро может прийти на выручку действующим защитникам города.

Надежда была на сеть наших агентов и подключенных ренегатов из числа купленной местной знати, которых активировали двое моих людей, ускользавших из войска сразу после горного перехода. На улице собралась городская беднота и сомнительные криминальные элементы, которых собрали наши агенты, заплатив золотом за их поддержку. Надежды на них немного, но для массовки вполне сгодятся. Все они шли ко дворцу, выкрикивая антиправительственные лозунги.

Во дворце уже кипел бой. Люди Антонира, перебив внешнюю охрану, приступили к захвату здания. Нужно было избежать того, чтобы Батист и придворные смогли уйти. Они нужны были мне живыми. Поэтому инженеры подготовили жерди и лестницы.

Окружив здание, солдаты с помощью жердей, разгоняемых сзади несколькими людьми, буквально пробегали по стене, опираясь на прочный инструмент своим телом спереди, и вваливались за стену дворца. Я последовал их примеру и чуть не сломал себе ногу, упав в рукотворный ручей. Тут же, не обследовав обстановку солдаты, в том числе и я, устремились в широкие и роскошные веранды, двери и дверцы. Вместе с тремя бойцами, которых, кажется, помнил по именам, мы углубились через коридор в просторный холл, ведущий на княжескую кухню. Навстречу мне вылетел толстый бугай с огромным ножом, но был тут же застрелен из пистоли.

Из двери, ведущей, видимо, в жильё кухонных служащих донесся боевой клич. Не дожидаясь, пока сюда ворвутся обитатели этой части дворца, я кинул самодельную гранату с очень коротким шнуром и юркнул далее в проход служебных помещений. Взрыв выбил стекла во всех соседних витражах и погасил яростные предсмертные возгласы нескольких человек.

В панике металась женская часть прислуги: горничные, прачки, мойщицы посуды, кастелянши, стараясь схорониться по углам помещений. Пробежав помещение с чанами для стирки белья, мы выбежали в ответвление с тремя проходами.

— Нужно туда, — коротко бросил Карсей, плечистый лысый мужик с обезображенным шрамом во все лицо. — Там веет холодом, наверно подвал.

Мы бросились в правый проход и действительно через несколько метров обнаружился пологий тоннель вниз. Мы зажгли факелы, до этого болтавшиеся на привязи на наших поясах. В глубине его была видна мощная дверь.

— Её недавно открывали! — сказал Гартон, молодой жилистый парень, с огненно рыжими волосами. — Кругом пыль, а на ручке свежие отпечатки.

Но дверь не поддавалась нашему напору, и стало очевидно, что она закрыта изнутри.

Глава 10. Зуб за зуб

Сзади послышался топот солдат, догонявших нас. Трое могучих здоровяков из моей личной охраны и два пехотинца. Вместе мы выдавили внутренний упор и обнаружили огромный зал, в котором горели тысячи свечей. Несколько стражников замка кинулись в нашу сторону, но ударившие пистолы мгновенно срубили сразу же троих нападавших. Довершила разгром сопротивления рукопашная схватка.

В кругу из свечей стоял на коленях наследник Батист, его наставник — старый сморщенный администратор Грений Гросс и еще трое стариков, видимо ближайшее окружение. Не обращая внимания на ворвавшихся, те напряженно всматривались в густеющую дальше по коридору темноту.

— Кродишь, услышь нас! — выкрикнул Гросс. — Покарай неверных, накажи неведующих, искорени не знающих тебя!

Медленно из тьмы стали прорисовываться два глаза. Два бесстрастных, больших глаза! Они были огромными и настолько притягивающие и манящие к себе...

Я очнулся. Резко мотнул головой, скидывая наваждение.

— Не смотреть в глаза! Хватаем Батиста и бежать наверх.

Я сам, прорубая дорогу между вцепившихся в меня придворных слуг, ухватился за ворот плаща Батиста и потащил его к двери. В мою руку с жутким визгом вцепился зубами Гросс, но тут же был застрелен охраной.

Очертания жуткого лица в темноте становились все отчетливее. Монстр медленно, но верно материализовывался, обрастая плотью.

— Быстро, все за дверь! — скомандовал я и волоча Батиста юркнул за огромную дверь. Железный засов прочно сковал массивный запор, а внутри послышались вопли ужаса — Кродишь поедал призвавших его. Так вот о ком упоминал странный карлик Эдмир Залдон. Батист осунулся, расслабился, будто резко лишился веса и перестал сопротивляться.

Дворец был захвачен. В тронном зале связанный Батист был под присмотром охраны. Очаги сопротивления придворных и слуг погасили быстро. Теперь нужно было что-то делать с дворянами и аристократией, которые могут быстро организовать.

— Эдран, обратись к толпе снаружи, пусть идут громить аристократию. Скажи, что это они виноваты в несчастье простого народа, — отдал я короткое распоряжение.

Кварталы аристократии, располагались в центре города, недалеко от дворца князя. Здесь же были все государственные учреждения, биржа, гостиницы, собор, парки и скверы. Нужно было сбить атакующий порыв у местной элиты, заставив озаботиться защитой нажитого непосильным трудом. Молодой офицер послушно откланялся.

Между тем бой у городского арсенала заканчивался в нашу пользу. Евмен неожиданно ударил, по спешно вооружавшимся городским охранникам. Разбуженные и растерявшиеся, они не смогли дать достойный отпор. Из порохового погреба пополнили собственные запасы, а остальное подорвали с помощью длинного шнура. Мощный взрыв сотряс округу так, что все стекла в городских зданиях были выбиты, опоясывающая Седалис стена пошла трещинами, соседние дома и строения были полностью уничтожены, а на месте арсенала осталась воронка глубиной пять метров. Чем больше паники, тем лучше.

Но, кое где уже стало образовываться сопротивление. На юго-западе Седалиса отставной генерал Саду Граве, стал сколачивать ополчение из местных жителей.

Полицейский участок восточного района стал оплотом местных сил сопротивления. Пришлось спешно отправлять туда все имеющиеся ресурсы, дабы подавить в зародыше, зреющее восстание. Время сейчас было самым главным ресурсом.

В город вошла конная артиллерия. Она отправилась в усиление двум группам, ушедшим на подавление ополчения. Неприятные новости исходили из Платинума — центра города. Аристократы дали отпор черни. Неорганизованная толпа разорив несколько домов встретила баррикады в последующих. Знатные офицеры княжества Шаронди, часть которых располагала здесь особняками, стала организовать защитные порядки. В бирже засел отряд защитников крепости, охранять которую теперь не было смысла.

На площадь стекались люди не зная, что вообще происходит и кто ворвался в город. Нужно было как-то расположить их. Я вышел на балкон дворца.

— Уважаемые граждане славного города Седалис, — внизу послышался неодобрительный свист.

— Где Батист?

— Что происходит?

— Ты кто такой?

— Много лет вас притесняли дворяне, чиновники и аристократы. За счет вас они отстроили свои замки! Я принесу вам свободу! Я простой человек, такой же как и вы! Я за равноправие всех людей! — я решил использовать бесприкрытую формулу, которая безукоризненно действовала на умы простого народа, в угоду революционерам всех времен. — Свобода! Равенство! Братство! Земля — крестьянам. Мануфактуры — рабочим! Долой кровопийц-аристократов.

Я так распалился, что мой голос было слышно во всех концах площади. Масса неодобрительных выкриков стала снижаться. Теперь даже раздавались возгласы поддержки.

— Вы хозяева города! Вся власть — народу! Вам решать, как должно делиться все производимое княжеством! Оглянитесь! Вас душат налогами, заставляют трудиться на барщине, обдирают как липку! Вы не можете прокормить детей! А у них, — я показал пальцем на горящие дома Палатинума. — Есть все! Они купаются в золоте, едят изысканную пищу, роскошествуют в неге и спокойствии, сытости и удовольствии. Сейчас ваши братья сражаются за ваше будущее с узурпаторами!

Началось перешептывание в толпе.

— Мой брат Рурк, там! — крикнул кто-то. — Ушел затемно. Я пойду помогать ему.

— Я тоже! Может принесу жене платье из дворянских запасов.

— Там ведь еды не меряно!

— Ага, и золота!

Потихоньку толпа стала перемещаться к Палатинуму.

— Бейтесь за свои права! — крикнул я им вслед.

Отдышавшись я уселся в кресло. Пыл толпы немного ослабит оборону аристократов. Все таки простой народ пошел не за идеей равенства, а за банальным грабежом. Зачем строить идеальное общество завтра, когда можно урвать жирный кусок сегодня. Общественная сознательность человека одинакова во все времена.

Батисту открыли рот, дабы дать попить.

— Ты сдохнешь! — яростно бросил мне наследник. — Отец уничтожит тебя.

— Ты станешь моим счастливым билетиком. Закройте ему рот, не хочу слушать слова его высокомерного величества.

— Государь, там пришел к вам человек. Говорит, его зовут Маклон Риди, — произнес гвардеец, стоявший у входа в зал.

— Впусти.

В тронный зал зашел старый знакомый. Купец Маклон Риди.

— Ну и устроил ты переполох!

— Зуб за зуб, как говорить. Ты не пострадал?

— Нет. Сезонные товары все ушли, а прочие я храню в лабазах в пригороде.

— Говори, что случилось.

— Тут такое дело! Мы давно уже дружим. Я вижу как хорошо вести торговлю у вас в баронстве и как сложно здесь. Высокие пошлины, налоги, военные выплаты с каждого торговца разоряют нас. Мы с нашей гильдией купцов хотели бы поменять порядки, но местная элита вцепилась во власть и не дает нам развиваться. Может хоть с твоим появлением станет лучше. В общем, я предлагаю нашу поддержку.

— Условия?

— Принять в свое подданство княжество Шаронди, и ввести те же правила торговли, как в ваших землях!

Я присвистнул. В мои планы не входила аннексия княжества, но сейчас эта мысль вдруг зажглась огоньком. Если удержим город, то вполне возможно и укрепиться на этих землях.

— Какие ресурсы ты сможешь предоставить? — спросил я, сохраняя видимую невозмутимость, даже строгость в голосе.

— Мои работники и работники купцов гильдии будут в полном вашем распоряжении. Только у меня в наличии тридцать пять человек. Всего же можно организовать до пятисот крепких мужиков.

— Тогда не теряйте времени. Жду всех здесь, во дворце. И как можно скорее. Со всем возможным оружием.

Батист все это время испепелял ренегата молниями взглядов. Маклон заметил это и сказал наследнику:

— Любая ветка, если её сильно гнуть, рано или поздно распрямляется. И это бывает больно.

Уже светлело, как ко дворцу потянулись шеренги крепко сбитых торговых работников. Все они имели на руках зелёные повязки, дабы их не трогали наши солдаты. Почти сразу же их посылали в усиление подавлявшим сопротивление войскам.

Палатинуме всюду кипел грабеж и убийства. Толпа врвалась в дома знати, набивала карманы драгоценностями, а желудок — едой и вином. Закрепившаяся в бирже стража крепости пришла на выручку оборонявшимся аристократам, но все равно те сдавали особняк за особняком напуганной толпе черни.

Оружейная и пушечная стрельба слышалась с разных концов города. Крики и паника, предсмертные вопли и ржание коней оглашали городские кварталы вплоть до самого утра.

Ближе к обеду прискакал усталый Евмен.

— На юго-западе и востоке сопротивление погашено. По улицам дежурят сводные отряды наших и этих... с зелёными ленточками на руках.

— Потери.

— Много! Больше половины всадников и четверть конной артиллерии.

Я недоволен потерей лоб. Получается, что сейчас Маклон Риди и его товарищи хозяева положения. Вздумай он "кинуть" меня и взять власть в свои руки — тогда даже сделать

ничего не получится.

— Нужно огласить на всех площадях и улицах манифест о даровании прав и свобод, как у нас в баронстве. Сейчас накидаю.

Через полчаса мой воспаленный усталостью мозг все же выдал весьма привлекательный для слуха простого жителя текст, в котором описывались обычные порядки нашего баронства. Здесь не нужно было подготавливать почву. Слухи о хорошей жизни в соседнем баронстве давно гуляли по Седалису и многие срывались со своих мест в поисках лучшей жизни в наших землях. Так что, как и ожидалось, восприняли новую власть простые трудяги вполне одобрительно. Патриотизм здесь не очень был распространен, так как разношерстная публика княжества состояла из множества народов. Национальные "скрепы" или целенаправленное патриотическое воспитание отсутствовало как таковое. В принципе, как и в средневековой Европе, где города охотно и часто меняли подданство той или иной короне. Особенно, если язык был одинаковый.

Матерых защитников и организаторов обороны города схватили и посадили в тюрьму. Убивать их я не планировал, но вот выселить на окраины для дальнейшей ассимиляции — вполне возможно.

Город был под моей властью. Присягнувшие в верности зачислялись в списки горожан. Из казны княжества каждому выдавались подъемные, дабы мотивировать на верность новому правителю. Новоорганизованные ремонтные бригады и строительные артели принялись устранять последствия ночного боя и затыкать прорехи в стене — со дня надень сюда прибудет взбешенный Келлос.

Всем, кто недоволен новым правителем давалось двадцать четыре часа на возможность уехать из города со своими пожитками. Кое-где все же продолжали происходить стычки и даже боестолкновения, но носили они локальный характер и не требовали серьезных сил. Отряды "зелёных полосок" шерстили кварталы в поисках организованных групп сопротивления. Мои же войска, сильно обескровленные, расположились во дворце и ближайших особняках Палатинума. Осталось от лихих кавалеристов баронства всего восемьдесят два человека, включая конную артиллерию и лишь семь человек из взвода инженеров. Как я буду смотреть в глаза их женам и детям? А сколько испытаний ждёт впереди.

Первым делом послал оставшихся под моим началом разведчиков — восемь человек — обходными тропами добраться до Аликета и сообщить Пурьгорю о текущем положении вещей и план совместных действий. Привыкшие к скрытному перемещению следопыты, уверен, смогут незаметно пройти оборонительные кордоны Келлоса.

Образовал городской совет, чьим председателем назначил Маклона Риди. Дабы не обидеть оставшуюся в живых, но настроенную враждебно, аристократию в совет ввел и несколько их представителей. Кроме этого были представлены городская беднота, крестьяне, ремесленники, духовенство и офицеры.

Прежде всего каждый присягнул на верность новому правителю и расписался в соответствующем документе. Затем сформировали отряды ополчения. В них охотно шли крепкие мужики, поскольку условия службы были такими же, как в Пардалисе. В итоге записалось почти тысяча двести человек. Все мои солдаты стали кто взводными, кто ротными командирами под командованием Евмена и его заместителя Эдрана. За короткий срок эту разномастную толпу не сделать армией, но навести порядок в городе можно было.

Провели ревизию. Толпы пьяной, нахапавшей кучи драгоценностей в имениях

аристократов городской черни, слегка урезали в добыче, разрешив взять с собой все, что могло поместиться в карманы штанов — не более килограмма ценностей.

В богатом Седалисе в итоге набралось более двух тонн золота, серебра и драгоценностей. В пересчете на денежную систему Пардалиса что-то около миллиона золотых рублей! Гигантская сумма. Что и говорить — аристократия и князь деньги гребли лопатой.

Городской совет утвердил законы баронства и ввел правоприменительную практику Пардалиса. Были унифицированы стандарты всех сторон жизни общества и сфер экономической деятельности. Весь день непрерывно заседали — я вносил указ на голосование, совет поднимал руки. Словно конвейер, мы за один день поменяли весь уклад жизни княжества. Конечно, пока только на бумаге. Трое дворян, самых сговорчивых из оставшихся в живых, иногда голосовали против, но их голоса не могли повлиять на решения.

Сняли везде, где увидели геральдические знаки княжества и аристократии. Ввели в обращение золотой рубль и серебряную копейку. Изменили название некоторых улиц. Ввели общую юрисдикцию биржевой торговли.

Не спав двое суток, я под конец дня настолько устал, что решил дать мозгам и телу отдых. "Большое дело сделали!" — пронеслось в мыслях. Еще бы, разгромить хошбанов, отхватить северные земли, а затем резким наскоком захватить с кучкой всадников огромный Седалис! И все это за неполные две недели! В какой же сейчас ярости прибывает Келлос. Наверно уже мчит на всех парах в свой город-жемчужину. Но ждать его появления можно только утром.

В пять часов я уже был на ногах. За ночь ничего особенного не произошло. Все устали от стремительного развития событий и даже, если сейчас где-нибудь в тайне ведутся заговоры, оппозиция новым захватчикам обескровлена, обезглавлена и зажата в глубокое подполье предусмотрительными мерами.

На площади уже собиралось ополчение, чтобы провести новый день в тренировках. Крестьяне шли за стену в свои поля и скотные дворы, ремонтные бригады получали указания от прорабов, торговцы тащили товары на рынок. В общем обычная городская суета.

— Евмен, как ночь прошла.

— В городе тихо. В окрестностях шла пальба. Зачистили один пригород, где было около трех десятков вооруженных людей. По дороге к Пардалису выставили цепь секретов. Будут подходить части Келлоса — дадут знать. Какой у тебя план? Будем обороняться.

— И да и нет. По моим прикидкам, у князя не больше трех-четырёх тысяч солдат. Но это дисциплинированные и матерые солдаты, прошедшие горнило Аранайской войны. Это тебе не хошбаны — пушечное мясо. Да и надежды на городских обитателей перед приближением их хозяина нет никакой — а ну, ударят в спину.

— Что же тогда? Пушек только пятнадцать осталось. Ружья есть только у наших, еще сотня — собрали с павших воинов, да две сотни мушкетов Драманской конструкции, недальнобойных и ненадежных, здесь наскребли. Ополчение — просто толпа мужиков.

— У нас есть Батист!

— Ты думаешь Келлоса это остановит?

— Я думаю, мы сможем выиграть время. Посланцы уже на пути к Аликету. Там уже должны быть наши войска. Кадис, Пурьгорь, Кардонт сотоварищи поймут предложенный мой план и сделают все в точности.

— Будем сидеть и ждать?

— Нет. У меня есть пару задумок, которые я давно хотел воплотить в жизнь. Нужно подготовить рубежи к встрече. Подумать, как использовать местность, как лояльнее расположить местную элиту, как замотивировать бойцов.

Глава 11. Тотальная война

Прежде чем обдумывать план жаркого приема гостей, нужно было обезопасить тылы. Пертос, подчиненный Антонира и глава агентурной сети в Седалисе, стал главой Службы безопасности города. Прожив здесь около года, он знал всех, кто мог бы выступить против новых хозяев. Начались аресты и задержания. Прочно укрепили охрану тюрьмы. В городе вводился комендантский час и военное положение. Так, что любой встреченный с наступлением темноты на улице мог быть уничтожен патрулями.

Второй мерой для наведения контроля за городом стало разделение его на административные зоны. Жители, того или иного района выбирали старосту, а со стороны городского совета предоставлялся магистрат. Вдвоем они решали насущные проблемы квартала. Если занять население делами, то, по крайней мере пока, можно было рассчитывать, что их мысли будут оккупированы практическими вопросами.

Целый день ремонтировали и модернизировали ружья и пистолы. В итоге их оказалось триста восемьдесят рабочих единиц. Огневая мощь в предстоящем сражении могла бы стать решающим фактором. На широком поле возле дороги уже второй день отрабатывали тактико-технические приемы и маневры взаимодействия подразделений. Удручающая картина бестолковой возни некоторых новобранцев просто приводила в уныние.

Еще вчера отправил парламентариев к Келлосу, с посланием о переговорах. Нужно было выиграть время. Из более-менее притких ополченцев, в основном местных охотников и следопытов, набрал новый разведывательный взвод.

С помощью детальной карты местности я прикидывал возможности, как их использовать. Триста километров основная армия Келлоса сможет пройти за неделю. А вот конные солдаты на марше могут преодолеть это расстояние за пару суток. Но все же Келлос не решится на авантюру с внезапным наскоком. Я был почти уверен в этом.

Как можно победить более превосходящую в численности, умении, дисциплине, боевом духе и организации армию? Надо порыться в памяти и освежить познания военной истории! Точно! Тотальная партизанская война! Нечего отсиживаться за стенами! Надо гнать солдат в бой! Мысль созрела настолько неожиданно, что я даже стал сомневаться, а не потерял ли я время даром.

Это же идеальная мишень для засад и ловушек — армия на марше. Долгий изнуряющий путь может стать дорогой смерти. Вспомнить англо-бурскую войну, Великую отечественную, там враг нес потери в тылу едва ли не больше чем на фронте.

План потихоньку стал вырисовываться в голове. Оставив Евмена и Маклона Риди старшими в городе, я первым делом вывез всю казну и изъятые у дворян драгоценности в аванпост, который требовалось построить в глухих болотистых лесах к северо-западу от Седалиса. Туда же под мощной охраной отправили и Батиста.

Имеющиеся войска поделил на стрелковые и штурмовые группы. Ввел взводную структуру при выполнении операций, то есть взвод становился самостоятельной и самодостаточной боевой единицей со всеми вытекающими последствиями. Состоял он из стрелкового и штурмового отделений. Первые шли в рукопашную, вторые — прикрывали.

Теперь требовалось грамотно насытить путь прохождения войск Келлоса такими вот диверсионными группами. Но самой большой проблемой становилась связь, чтобы организовать нормальное взаимодействие. Решить её известным способом не получалось.

Пришлось довериться профессионализму моих солдат, быстро переквалифицировавшихся из рядовых кавалеристов в командиры взводов.

Самое главное на войне — это снабжение. Пришлось на каждого бойца вешать ранец с запасом провизии, а для стрелков — еще и пороха с пулями.

— Эдран, на тебе общее руководство взаимодействием групп, — сказал я своему офицеру. И, похлопав по плечу, продолжил. — Действуй не стандартно, рискуй в пределах разумного, отщипывай по кусочку. Я верю в тебя, дружище.

Эдран пристально посмотрел своими темными и очень умными глазами на меня. Даже ярко слепившее весеннее солнце не заставило его сощуриться.

— Я не подведу вас, государь, — сказал он настолько вдохновенно, что я понял — он сделает свое дело.

— Ну, ступайте! Дорога каждая минута.

Шестьсот воинов, отправились на указанные каждому точки дислокации по дороге из Пардалиса. Это была главная надежда. Каждый командир получил инструкции. Каждый знал свой маневр. Но как поведут себя необученные новобранцы, еще недавно грузившие мешки на купеческих складах и тискавших томных жен в уютных опочивальнях? Войны в этом краю давно не знали, поэтому о боевых качествах свеженабранного состава оставалось только догадываться.

Сам же я руководил процессом постройки секретного лагеря в болотной местности. Пятьсот восемьдесят солдат под мои началом расчищали местность, валили деревья, подготавливали крепежные материалы.

Работа шла споро и уже к вечеру мощный частокол скрыл рабочих, возводящих внутренние защитные сооружения. Задумка была такая — Эдран, своими партизанскими действиями, больно жаля в самые уязвимые места, должен был максимально задержать продвижение Келлоса. Последний, будучи достаточно грамотным полководцем, наверняка прорубится к своей столице. Организовав полноценную осаду, он получит у себя в тылу крупное войсковое соединение.

И здесь уже два варианта развития событий: если он не будет знать о тайном укреплении, то можно в время штурма Седалиса войсками Келлоса неожиданно ударить по его позициям, вызвав панику на одном из направлений, что неизбежно приведет к всеобщей сумятице. Либо же, если все таки информация просочится к князю, он не рискнет начинать штурм, пока не ликвидирует опасность удара в тыл. Но болотистая местность вокруг станет просто адом для атакующих.

Но самое главное — это выждать время. Наши войска, плюс ополчение Западного побережья, получив информацию от отправленных гонцов, должны через оставленный Келлосом Пардалис пройти вплоть до столицы княжества Шаронди. И вот тогда уже начнется заруба!

Все же я не питал излишних надежд на то, что в Сидалисе не найдутся верные князю войска и не откроют ворота. Но даже захват Седалиса входил в мои планы, правда и сильно усложнял задачу.

Ночь прошла в тревожном ожидании вестей от Эдрана. Он наверняка уже на позиции, и даже, возможно, больно жалит растянувшееся на марше войско Келлоса.

Все еще стучали топоры и скрежетали пилы. Первая смена спала, чтоб на утро сменить своих товарищей. Трехметровая стена состояла из бревен. Посредине шел утрамбованный слой грунта, который заканчивался такой же массивной деревянной стеной. Пятнадцать

оставшихся пушек смотрели во все стороны из бойниц. Небольшой островок, где находилась импровизированная крепость со всех сторон окружали топи. За стройматериалом солдаты ходили по положенным на более-менее неопасные участки местности бревнам до ближайшего лесного массива. Эта естественная преграда не позволит с наскока начать боевые действия.

На следующий день под стенами Седалиса появился первый конный разъезд авангарда армии Келлоса. Об этом сообщили разведчики. Со стен оборонительной крепости их встретили огнем мушкетов и болтами арбалетов. Они почти тут же скрылись обратно. Неплохо! Надо было показать Келлосу, в чьих руках город.

Пришли первые вести от Эдрана. Все прошло не совсем гладко, но очень эффективно. Одна диверсионная группа совершала молниеносный набег и тут же уходила в лес. За ней, естественно бросались крупные силы неприятеля. Но в условиях ограниченной видимости четыре других группы, по двадцать человек в каждой, хладнокровно вырезали бросившихся за небольшой кучкой партизан войсками. Тридцать взводов были поделены на шесть отрядов, которые планомерно собирали свою жатву на всем протяжении пути княжеского войска.

Без потерь не обошлось — один такой отряд был окружен сам, когда хитрый Келлос после первых потерь понял тактику партизан. В яростной битве полегли почти все сто солдат. При этом соседний отряд не смог прийти на выручку, поскольку занимался обескровливанием обоза. Эдран вообще все основное внимание уделил припасам — старался уничтожить съестное и порох, в чем изрядно преуспел. Смастерив в лесу огромные рогатки (натянул между двумя деревьями упругие связки бычьих жил), он сначала, до появления сил неприятеля, пристрелялся камнями. А когда показались обозные повозки, стал закидывать дорогу гранатами с подожженными фитилями. Удавалось пнуть лишь пару-тройку гранат, как за партизанами устремлялся караул охраны.

Импровизация этого парня радовала, так что в будущем мы могли бы получить хорошего главу оперативного отдела или даже всего штаба! Если выживем конечно!

Ближе к вечеру второго дня "стояния на болотах" разведчики доложили о том, что пехота Келлоса разворачивается в боевые порядки, а сам князь организовывает осаду. Армейские подразделения маневрируют, занимая свое место в окрестностях оборонительных сооружений города. Подсчеты разведчиков примерно сходились с моими выкладками — от трех до четырех тысяч, включая около семи сот всадников и всего лишь десять пушек. Видимо изрядно потрепала князя Аранейская кампания!

Оставалось надеяться, что Евмен и Маклон Риди успели за эти два дня организовать оборону города и погасить пламень сопротивления. Уходя, я дал им все нужные инструкции, в том числе и пропагандистского характера. Наверняка, глашатаи с помощью избранных старост районов сейчас "промывают мозги" горожан в пользу новой власти, "несущей добро, справедливость и сытый желудок". Во все времена революционеры использовали низменные инстинкты толпы, чтобы добиться своих целей!

Зная Евмена и Риди, я не сомневался, что "зеленые полосы" — символический знак лояльности к новому правительству — сейчас красуются у многих горожан на плече. Соответственно, если начнется час штурма, можно работать как по атакующим порядкам снаружи, так и людям не имеющим таковых внутри. Жестокие времена требуют жестких решений!

Единственное, что меня сейчас волновало, это то обстоятельство, что группу посланных

разведчиков не перехватили бы по пути. Конечно абсолютно профессиональным в плане долга разведчикам я доверял, ибо они выполняли самые сложные задачи и считались элитой войск, но все таки... А если наткнулись на превосходящий отряд или еще какая напасть?

Но я гнал эти мысли в сторону концентрируясь на предстоящей игре "в шахматы" с Келлосом. Кто кого перехитрит, передумает, перепланирует. Может я сейчас готовлю шах и мат, а он уже своего ферзя при поддержке коня уже готовится перебросить через всю доску! Мы всего лишь люди и гениальные победы величайших полководцев в большей степени зависят от удачливости и стечения обстоятельств. Тот же Александр Македонский в нескольких битвах оказывался на волоске от разгрома, но бешенная удача даровала ему лавры Величайшего полководца.

Но именно поэтому современная армия отличается от своих более древних аналогов. Ключевое значение для войск 21 века приобретает "Информация". Она основа и мать всех побед. А в средние века очень часто гнушались информаторами, разведкой, источниками сведений. Все полагались на количество и качество войск. Ну, а как взаимодействие? Ну, а как общая координация действий? Будь у русских князей на Калке чуть больше межкняжеских ординарцев хотя бы, разбили бы эти два тумена передовых монгольских войск. Глядишь — и не было бы всей этой Орды, не решились бы потомки Чингисхана воевать со столь организованной ратью. Стала бы Русь одной большой державой, более развитой, чем её европейские соседи!

Ситуация обострялась! Шли доклады о том, что Келлос приступил к обстрелу главных ворот. Весь трагизм ситуации состоял в том, что эти ворота мы форсировали буквально за несколько минут, правда, используя агентурную сеть для диверсии изнутри. Чтобы пробить снаружи массивные и восстановленные ворота необходимо, конечно, больше времени, учитывая огонь защитников, но все же это дело часов, а не дней. Нужно было решаться!

Первые отряды Эдрана стали приходить еще днем, когда княжеское войско заняло посевные и луговые предместья города. Вечером подошел к болотной крепости и сам, проявивший незаурядные способности, молодой полководец баронства. Потрепанный и весь в остатках растительности леса, которые прихватил пробираясь к временной ставке, он сиял. Ну еще бы, по его отчету можно было судить, что он уничтожил не менее 600–800 солдат, а самое главное — около тридцати телег с провиантом, порохом и пулями. Теперь от скорейшего взятия Седалиса зависел желудок всей армии князя. Нужно было использовать именно этот фактор и бороться за осаду всеми средствами и методами.

От шестисот человек Эдрана осталось четыреста с хвостиком. В итоге получалась тысяча человек с небольшим. Новобранцы показали себя достаточно профессионально: конечно, путались в перестроениях, не всегда слушали команды, имели слабую дисциплину и организацию, но обладали необходимым боевым духом, яростью и силой. Вот именно её сейчас и требовалось направить на Келлоса.

Ночь вступила в свои права, и я повел группу атакующих! Выбравшись на окрестные городу поля и пастбища, войска замерли в ожидании. Стену города методично долбили пушки в районе главных ворот. Самих ворот не было, поскольку бревна превратились в труху, но мужественные защитники еще при начале штурма завалили двери мощной горой булыжников, выковырянных из мостовой и взятых с разобранных соседних домов. В итоге гора постоянно увеличивалась силами оборонявшихся, а атакующие столкнулись с необходимостью пробития стен.

Нужно было немедленно спасти положение. Войско, пригибаясь бежало сквозь поля

пшеницы по направлению к осаждающим. На расстоянии выстрела стрелки в две линии изготовились для стрельбы. В темноте и грохоте штурмующие крепость даже не заметили неприятеля.

Оглушительный залп двухсот мушкетов произвел в княжеских войсках замешательство. Самые слабонервные бросились бежать, но таких было, к сожалению, очень мало.

Штурмовики с мечами и топорами уже разделялись с орудийным расчетом всех десяти пушек, ударными темпами пытавшихся взломать главные ворота. Защитники крепости, видя подошедшее подкрепление, еще яростнее стали отбивать лестницы ползущих в темноте на стену захватчиков.

У главных ворот была основная группа атакующих количеством примерно в тысячу солдат. Ею командовал Келлос. Первоначальный шок от удара в тыл схлынул буквально через пол минуты. Раздался звук трубы, собиравший войска князя вместе. Нужно было как-то не допустить соединения всего войска.

Десять вражеских пушек по моему приказу утащили в болотную крепость, пока солдаты расстреливали неорганизованно мечущуюся толпу. Но офицеры старались их как можно скорее построить в боевые порядки. Уже буквально через три минуты были составлены две терции по четыреста человек в каждой. Княжеское войско теперь даже не думало о нападении на город, теперь оно решило уничтожить новую напасть.

— Не выдюжим! — сказал Эдран. — Сил очень мало!

— Ты прав! — с досадой произнес я, видя как сбегаются на трубный зов с дальних концов городской стены осаждающие. Трех-четырёх кратное преимущество! Плюс на стороне князя опытные войны. — Организованной уходим с прикрытием!

Я показал командирам четыре пальца, в качестве условного знака, означавшего номер заученного маневра. Те передали приказы своим подразделениям. Каждый второй стрелок сейчас отбегал на двести метров, заряжал ружье и прикрывал отход следующего, который потом бежал также двести вглубь от прикрывающего. Остальные же войны, не вооруженные огнестрелом, луками или арбалетами бежали в максимально быстром темпе до болотного укрепления.

Оставшиеся офицеры, со мной в том числе, прикрывали отход. Келлос, осознав что потерял всю свою артиллерию, был взбешен и гнал своих людей в бой. Но кромешная тьма не позволяла терциям двигаться быстрее. К тому же стрелки князя не могли на ходу перезаряжать свои мушкеты. Ну а наши солдаты залпами прикрывающих, охлаждали пыл уставших после многодневного марша солдат. В итоге расстояние все больше увеличивалось.

Через пять километров от города начиналось болото. Враг значительно отстал, а мы растаскивали бревна, по которым шли к укреплению.

Стало уже совсем светло, когда, укрывшись в "болотной крепости", мы осознали что можем почувствовать себя в относительной безопасности. Тысяча человек сгрудилась сейчас на достаточно небольшой площади укрепления. Пушки Келлоса втащили на верх укрепления, оборудовав дополнительные огневые точки.

Все партизанившие солдаты отправились на ужин и отдых. Заслужили! Остальные пока сидели в дозорах и секретах, а также на крепостной стене в ожидании подхода неприятеля. Хотя, я был почти уверен, что не взяв с наскака Седалис, Келлос возьмет паузу для отдыха, перегруппировки и поиска нового плана действий. Ведь он даже не знает, где его сын Батист. Перерыв был нужен всем противоборствующим сторонам.

Глава 12. Её величество — инициатива

Ночью произошла проверка боем, из которой мы вышли победителями. Даже осторожная поступь солдат Келлоса по топям не помогла скрыть крадущегося неприятеля. Солдаты намеренно подпустили врага поближе и залпом нанесли очередной серьезный урон неприятелю. Возможно даже пара сотен солдат ранены или убиты.

Утром пришли парламентарии Келлоса. Он возвращал мне назад баронство, соглашался пропустить меня к Пардалису. Взамен предлагал передать ему Сидалис и наследника Батиста. Видимо, каким-то образом князю все же удалось узнать о пленении цесаревича. Келлос, очевидно, испытывал трудности, а время играло против него.

Но беды случились и на нашей стороне. Часть солдат от плохой болотной воды заразилась дизентерией и теперь мучилась с животами в отхожем месте. Срочно изолировали всех, имевших подобные симптомы, а воду стали тщательнее кипятить и разбавлять крепким вином. Стал заканчиваться порох и ядра. Отчетливо встала картина, что долго так нам не продержаться.

Патовая ситуация соблазняла меня принять условия князя, чуть подработав их в свою пользу. Но я гнал от себя эти предательские мысли. Перетерпеть! Нужно всего лишь перетерпеть некоторое время. Журавль в руках лучше чем синица в небе.

Два дня мы играли с Келлосом в кошки-мышки. Он, кажется, понял, что все мои просьбы подумать и обсудить с советниками — не более чем ширма. Он организовал внезапный налет на Седалис, но тут же получил от меня удар в спину. На следующий день Келлос принялся осаждать наше болотное укрепление, но все было также тщетно. Я понял, что стою на правильном пути. Келлос начал паниковать или находится близко к этому состоянию.

На четвертый день разведчики обнаружили что войско князя снялось с лагеря и исчезло. Ещё неопытные разведчики не удосужились поискать следы, но важнее всего была причина исчезновения.

— Ну не может он так просто уйти от своей столицы! — размышлял я вслух при Эдрани.

— Я думаю, что кончилась провизия и он решил пополнить её в своих южных землях, — отвечал мне черноволосый генерал.

— Тут три варианта: либо дело в припасах, либо Келлос ушел за помощью в Драманскую империю, либо придумал какую-либо гениальную пакость.

Я замер, обрабатывая появившуюся мысль. Она обрастала ужасающими выводами и последствиями.

— Он знает... — начал говорить я.

— ... о подходе подкрепления, — закончил за меня Эдран.

— И решил не дать нам соединиться, а разбить поодиночке, — я вскочил с насоро сбитого стула. — Надо не дать ему это сделать.

— А если Келлос просто выманивает нас? — спросил Эдран.

— И это тоже исключать нельзя. Но если сидеть сложа руки, то конец будет печальный. Разделяться нам нельзя — хитрый Келлос всех порубает по одному.

Ситуация усугублялась тем, что единственный выход из нашего укрепления имелся только в сторону Седалиса. Идти дальше в топи в любую из сторон является самоубийством. Да, инженеры смогут наладить приемлемую для передвижения дорогу, но это займет очень

много времени, а сейчас дорога каждая минута.

Посылать группы или как-то разделяться тоже не выход. Остается только одно — всем скопом собираться и отправляться на встречу своей судьбе. А вдруг Пурьгорь еще далеко или вообще не получил моих указаний? И мы сейчас попадем на крючок хитроумного князя. Но другого выхода нет.

Конница с трудом пролезла по узким, невидимым для неприятеля бревнам, утопленным в мутную жижу болота. Там где стало более сухо, кавалеристы спешили и заняли оборону в ожидании долго плетущихся пехотинцев, на себе перетаскивавших разные припасы, пушки, порох и ядра. Вереница усталых и ободранных людей, измученных диареей и нехваткой сна, тяжелым трудом строителей и пронизывающей все вокруг сыростью была бы сейчас легкой мишенью, засядь враг в топях неподалеку. Несколько километров марша по узкому проходу, специально сделанному для того, чтобы уменьшить фронт атаки были самым тактически опасным маршрутом. Но засесть в засаду в топях и ждать полдня неприятеля — это откровенно насиловать своих людей. Я думаю, Келлос рассматривал и такой вариант, но скорее всего, отмел как ненужный.

До Седалиса оставалось еще десять километров, как почва под ногами стала сухой. Авангард кавалерии занимал передовые позиции, осторожно осматривая местность. Теперь уже с трех сторон вокруг нашего войска располагался лес, и вот здесь-то уже можно ожидать засаду.

— Строимся в "ежа"! — крикнул я пехотинцам. Малоопытные бывшие крестьяне и ремесленники, торгаши и грузчики стали потихоньку разбредаться по сторонам, строясь квадратом и оцетиниваясь ружьями и пиками в во все стороны. В середине были повозки с припасами и пушки, две из которых в ходе переноски лишились лафетов и представляли собой бесполезную груды металла. Лошади, в качестве тягловых животных, вывозили всю эту массу добра через колючие кусты, пни и корни деревьев, уменьшая и без того крайне низкую скорость передвижения. Рядом с пушками всегда находились их команды, чтобы в случае чего, вылезть из-под пехоты и выстрелить в любую сторону.

На одной из телег ехал связанный по рукам и ногам, с завязанными глазами, молодой наследник Батист. Он давно уже перестал разговаривать, клясть и материть меня и всех вокруг. Парень просто устал и вымотался, поэтому сидел спокойно в углу кибитки под неусыпным надзором двух моих гвардейцев.

Разведчики, отправленные мной с утра, вернулись с докладом. Они обшарили все окрестности Седалиса, но следов армии не обнаружили. Либо грамотная засада, либо действительно Келлос решил расправиться к мчащемуся к нам подкреплению.

Я нервно седел и крутился в седле. Хотелось броситься по дорожному тракту на Пардалис навстречу Пурьгорю и его войску. Но такая безголовая ошибка может стоить успехом всей кампании. В посаде, где располагались посеы жителей города, крестьянские хозяйства, постройки ремесленников и торговые склады было безлюдно. Евмен и Риди наверняка согнали всё население на защиту города. Жалко, что пропадают посеы без регулярной обработки, мычат не доеные коровы и козы. Быстрее бы расправиться с этим Келлосом, да восстановить нормальную жизнь! Хотя, кто еще с кем может расправиться? Я мысленно ударил себя по губам за излишнюю самоуверенность, которая никогда не доводит до добра.

При нашем приближении на главных воротах города появился Евмен.

— Келлоси все войско резко сорвалось с лагеря и ушло по тракту на Пардалис, —

подтвердил мою догадку военный министр баронства. — Похоже кого-то засекали!

— У вас есть кавалерия или свободные лошади, — крикнул я в ответ, весь издергавшись от той мысли, что сейчас, возможно, уже идет бой Келлоса со стремящимися мне на подмогу войсками. Лишь бы только наши двигались по военной науке — с разъездами, разведкой, в полной боевой готовности. Застанет внезапно, да еще и на лагере, то разгром будет неминуем.

— Три взвода конной стражи, да полсотни реквизированных лошадок. Есть еще ветераны и офицеры, присягнувшие нам — ответил Евмен.

— Давай сюда и весь свободный народ выпускай на поля. Поставь по тракту разведчиков, чтобы сразу дали знать крестьянам о наличии угрозы. Похоже Пурьгорь мчится на всех порах, а Келлос решил разбить нас по одиночке.

В итоге, оставив пехоту медленно плестись по тракту на Пардалис, я, вместе с тремя сотнями свежесформированных кавалеристов и полусотней конной артиллерии, рванулся на помощь Пурьгорю. Теперь я не сомневался, что именно он послужил причиной отхода Келлоса от своей столицы.

Через пару десятков километров отчетливо были слышны звуки боя. Мушкетные выстрелы, лязг металла, отчаянные крики мужских глоток и стенания раненых, ржание коней и взрывы снарядов. Вернулись посланные мной разведчики. Келлос начал окружение войск Пурьгоря. Растянувшееся на марше, оно стало легкой мишенью для опытного стратега. Князь, словно анаконда, медленно заглатывал в свою удавку мчащихся мне на помощь солдат. Отсутствие артиллерии он компенсировал мобильностью войск и внезапностью атаки.

— Артиллерия — по краям, остальные — в атаку! — крикнул я и резво бросился на задние ряды. Обозные повозки и лазарет с ранеными, шедшие обычно последними стали препятствием для нашего быстрого продвижения. Артиллеристы разошлись вправо и влево от дороги, сводя вероятность попадания в своих же к минимуму.

Задние ряды солдат Келлоса почти сразу же легли под выстрелами пистолей моих телохранителей. Набравшие ход кони с оглушительным треском ломаемых костей и пробитых черепов врезались в арьергард княжеских войск. Не ожидавшие удара в спину солдаты противника запаниковали. Потеря организации и боевого духа в таком случае просто обеспеченна.

Палаша и пики делали свою кровавую работу. Мясорубка лишала жизни все новых и новых солдат, мечущихся в желании спастись из под конских копыт.

Но вскоре враг пришел в себя и начались первые потери. Какой-то смышленный офицер развернул свою терцию на сто восемьдесят градусов и она встретила нашу атакующую волну во всеоружии. Полыхнули мушкеты. Свалился от попадания в самое горло один из моих телохранителей, браваый рубака Аскольд. Ворвавшись в порядки терции, мясорубка перешла в поединки. Княжеские войска, опытные войны, рубили ноги лошадям, добывая всадников. Куча-мала из разъяренных баталией и опьяневших от крови бойцов тонула в многоголосом реве сражающихся, а лязг стали заглушал предсмертные крики.

Справа раздался залп артиллерии. Это наши смогли найти удобную позицию. Вскорости и левый фланг трянуло. Бить по скученным вместе солдатам шрапнелью и кнппелями — это просто оружие массового поражения.

Полчаса мы врубались в арьергард Келлоса. Я был жив лишь благодаря моим телохранителям, которых больше занимал вопрос моего выживания, чем рубка врагов. Уже

четвертый отдал свою жизнь закрывая меня своим телом. Я вас никогда не забуду, богатыри! Ваши дети и вдовы получают достойное воздаяние!

Прорубив еще один ряд заметно поредевшей терции, я лицом к лицу столкнулся с... Пурьгорем. Тот словно лев, разъяренный в горячке боя, кромсал врагов в безудержном приступе ярости. Он было замахнулся на представшую перед ним лошадь, как впал в ступор при виде меня. Буквально мгновение мы смотрели друг на друга как два дурочка, затем я крикнул:

— Пурьгорь, справа!

Я кинул свою пику прямо в пытавшегося саблей отрубить голову моему названному брату. Спрыгнув с коня, мы, спина к спине, стали в промышленных масштаб производить фарш. Палаш и топор собирали свою кровавую жатву, а время как будто остановилось, превратившись вязкую субстанцию.

Как-то незаметно мы с Пурьгорем и окружавшие нас бойцы расширили коридор, и теперь теснили врагов на края дороги. Получается мы полностью разделили все войско Келлоса на две половинки и сейчас отжимаем каждую из них к лесу. Что же, хорошо! Это уже стратегический успех. Но враг все еще силен, и наверняка гораздо многочисленнее. А уж опытнее — это точно.

В толпе я увидел Антонира. Он быстро кивнул мне, ибо сейчас не время для объятий, и дальше погрузился в рукопашную. Тут и там мелькали знакомые лица, так, что на сердце стало тепло и радостно. Залпы артиллерии раздавались не только с позиций моих пушкарей. Видимо, в войсках Пурьгоря тоже имелись пушечные команды.

За два часа напряженной рубки, плавно перетёкшей в лесополосу инициатива все еще не была ни на чьей стороне. Она стояла в сторонке и выбирала, кому отдать свою благожелательность.

Со стороны Седалиса послышался рев бегущей толпы — это подошедшая пехота врубилась в порядки княжеских войск. И вот только тогда, я почувствовал, что инициатива мне подмигнула.

— Давим, давим! — в радостном безумии крикнул я, разламывая топором очередной шлем на бравом противнике. Дело пошло споро. Почувствовав слабеющего врага наши солдаты еще оживленнее стали вклиниваться во вражеские порядки.

В лесу было невозможно определить размах битвы, но отчетливо ощущается, что строгого фронта уже не существовало. Группы и группки воинов, рассредоточившись по обширному пространству яростно лупили друг друга всем, что попадалось под руку.

Прозвучала труба княжеского войска, подавшая знак отхода. Нужно было уничтожать или брать в плен всех врагов, иначе даже сильно обескровленные они станут занозой в заднице на долгое время.

Но солдаты Келлоса медленно пятились пока напирал на них лава наших, уже объединившихся войск, выползла на просторную поляну. Там находились жалкие остатки княжеского войска с Келлосом во главе. Было интересно, как наши войска сейчас действуют против второй части разрубленного пополам войска. Если же не так успешно как мы, то можно ожидать удара в спину.

Кольцо вокруг штаба, на небольшом холме сжималось. Сам Келлос и его офицеры уже рубились рукопашную.

— Брать живым князя, — крикнул я войску. Но, похоже, Келлос решил уже свою судьбу. Он отчаянно дрался, вклинивался в поединки, стремясь найти свою смерть. Такого позора,

как поражение своей армии старый стратег вынести не мог. Но вот его оглушили и выдернули из строя оборонявшихся.

Почти сразу же офицеры, а затем и солдаты врага, стали кидать оружие на землю, поднимая руки вверх. Победа! Четырехтысячное войско князя разбито полностью и окончательно. Пару сотен пленных — это конечно ничтожно мало. Мощный крик радости от победы огласил округу. Солдаты обнимали друг друга. Слезы радости заблестели на их потных и усталых лицах

Я подошел к Пурьгору и Антониру. Мы наконец-то смогли обняться. Все изгвазданные в крови и грязи, рваные и уставшие, мы были несказанно рады встрече, особенно в таких обстоятельствах.

— Брат! Ты как? — спросил Пурьгорь, тяжело дыша. — Мы летели изо всех сил, как только получили известие. Даже в Пардалисе не задержались.

— Ой, Пурьгорь, тут столько всего было! Мы посидим, как только доделаем все дела, и я расскажу историю наших злоключений. Сейчас нужно узнать, что с той половиной войска, собрать оружие у пленных, да и их самих нужно определить.

Группа по правую сторону дороги сопротивлялась эффективнее. Да и Мурсел Кадис, взявший на себя командование воинским соединением, имел гораздо меньше воинов. Он зажал противника в ущелье. Несколько сот княжеских воинов храбро отражали натиск наших воинов.

— Сдавайтесь! Келлос пленен! Ваши братья сложили оружие! Нет смысла сопротивляться, — крикнул громкий бас Пурьгоря. — Мы гарантируем вам жизнь!

— Пусть тусы сдаются! — крикнул офицер и с яростью бросился в бой. Но, видимо, его подчиненные не совсем разделяли взгляды командира. Как только тот был посажен на копья наших солдат, остатки княжеского войска сложило оружие.

Итоги битвы были ужасны. Пурьгорь собрал по всему баронству в поход на мою выручку около двух с половиной тысяч человек. Снял даже корабельные команды, крепостную стражу и народную дружину во всех городах. Вместе с остатками похода против хошбанов получилась небольшая, но достаточно обученная армия. Ускоренным маршем он чуть больше чем за неделю почти достиг Седалиса. Но скорость мешала организованности перемещения. Поэтому растянувшееся на марше войско быстро и успешно атаковали. Только лишь прибытие нашего отряда и сил защитников крепости помогло справиться с Келлосом.

Из почти четырех тысяч дравшихся (считая все силы баронства, учувствовавших в баталии) было убито две тысячи триста человек. Ожесточение, с которым две армии истребляли друг друга и открытая схватка привели к таким жертвам. У Келлоса и вовсе из четырех тысяч в живых осталось четыреста восемьдесят два солдата. Равная битва, в которой чаша весов могла склониться в любую сторону. Если бы мы не подоспели, то судьба армии Пурьгоря была бы сочтена, ведь даже преимущества в артиллерии (которая вступила в бой уже в середине битвы) у них не было.

Вечером в Седалисе закатали пир для всех жителей. Я выкупил все запасы вина и провизии у купцов и на радостях организовал общегородской праздник. Жители всех концов вытаскивали столы на улицу, готовили на гигантских вертелах поросят, телят и барашков. Хмельное лилось рекой.

— Я так рад вас всех видеть! — обнимал я офицеров, членов совета и правительства, знакомых солдат, да и не знакомых тоже. После стольких испытаний можно было вздохнуть полной грудью. А ведь скоро подходит дата свадьбы с Ирис. Хотелось сорваться и ускакать

на коне в Аликет, где ожидала его самая лучшая девушка на свете. Мысль о ней согревала и наполняла радостью, как и окружавшие его сейчас за столом друзья.

Глава 13. Пиррова победа

Триумф победителей, традицию внедренную еще императорами Рима, я организовал не с целью потешить свое самолюбие, но исключительно ради того, чтобы армия, солдаты и офицеры почувствовали, что их сверхчеловеческие усилия не были напрасны. Я действительно был благодарен всем, кто был рядом, кто сражался за свою землю и особенно оставшимся на полях битв. Хрупкая сила идеалов новой родины, полуторагодовалого проекта баронства показала, что люди верили в нее, раз самозабвенно шли за ней. Да и пышные торжества вдохновят неизбалованных зрелищами жителей активнее содействовать развитию молодого государства.

Процессия должна была пройти сквозь местами разрушенный Пардалис из Восточных ворот в Западные. Пленные генералы и офицеры во главе с Келлосом и Батистом шли впереди под улюлюканье толпы, с ними же шагали местные предатели, схваченные людьми Антонира после ухода войск князя из столицы баронства. Далее везли золото и драгоценности, реквизированные в Седалисе. Затем браво маршировали морские части во главе с адмиралом Аристокбалом. Потом шла пехота, которой предводительствовал Кардонт, за ними величаво гарцевали кавалеристы с Эдраном на белом скакуне. Начищенные до блеска пушки артиллеристов Цардорна сверкали на солнце бликами при их проходе по улицам. И в конце, под радостные вопли толпы, шел генералитет вместе со мной. Торжественно развивались флаги баронства над нашими головами, а оркестр играл слезоточивую мелодию.

Триумф удался. Пришлось и местным жителям устроить праздник с вином и угощением, что также больно ударило по казне, дефицит которой еще требовалось подсчитать.

До свадьбы с Ирис оставалось еще две недели, а я, несмотря на плотную массу произошедших событий, очень скучал по моей нежной красавице. Даже несмотря на все обстоятельства, нам по-прежнему разрешали видится лишь пятнадцать минут, которые были для меня самыми счастливыми минутами.

— Итак, — сказал Билегор, казначей баронства со слегка увлажнившимися глазами роясь в бумагах. Он, как почти весь двор, вынужден был бежать в Аликет и сейчас радовался больше всех, что вернулся к своему любимому делу. — После проведенной ревизии и расчетов с армией и флотом по итогам прошедшей кампании в казне осталось лишь тысяча двести золотых рублей, сорок тысяч серебряных и почти сотня тысяч медных копеек.

Вот так новость! Но я примерно понимал во что мне обойдется эта война. И жалеть денег для поощрения своих солдат я был не намерен. Не будешь кормить свою армию — придется кормить армию врага. Компенсации семьям погибших, расчеты с солдатами за боевые заслуги, выплата по военным закупкам, оплата реквизируемого у населения имущества съела почти все, припрятанные в горах Градии запасы казны. В итоге, я был в предбанкротном состоянии.

Поступления в бюджет в виде налогов ожидаются еще не скоро, поскольку промышленники и торговцы частью были убиты, частью бежали на юг, а частью просто не имеют оборотных средств для начал цикла производства. Пострадали и основные фонды — здания, станки, инструменты. Разрушенные войной цепочки поставок, кооперация и связи еще долго будут восстанавливаться в предвоенное состояние. Список мануфактур, цехов и предприятий, потерявших хозяев, говорил, что без решительных мер экономика не начнет

оживать.

Пострадали практически все отрасли жизни баронства — образование, здравоохранение, транспорт, торговля, культура, добыча полезных ископаемых, пищевая промышленность, переработка сырья, строительство, деревообработка, железозделание, оружейные фабрики. Находились без ухода посевы и пашни, домашний скот и птица. Были разрушены или повреждены ряд ключевых объектов Пардалиса. Не хватало квалифицированных рабочих рук, да обычных то не было. По самым скромным подсчетам война унесла жизни трех-четырёх тысяч человек. Вся эта сложная ситуация требовала решительных мер, только вот казна была хронически пуста.

Для выхода из намечающегося кризиса пришлось воспользоваться идеей выпуска государственных ассигнаций со сроком погашения в три-пять лет. По сути, я занимал у своих граждан деньги. Ими можно было расплачиваться в равной мере, что и монетами. По моей задумке, через пять лет нужно было вывести их все из оборота, поскольку это был очень опасный эксперимент, который может разогнать невиданную гиперинфляцию. Но в качестве неотложных мер по спасению экономики в краткосрочной перспективе очень даже мог бы помочь. В добровольно-принудительном порядке я стал выплачивать ассигнациями зарплаты чиновникам, военным и рабочим государственных мастерских и мануфактур. Многие ворчали и трепыхались, но установленные пять процентов дохода в год от ассигнаций немного успокаивали население.

Параллельно с этим руководитель всего горнодобывающего и геологоразведывательного хозяйства баронства энергичный и предприимчивый Виктон Пулс начал шустро осваивать богатейшие залежи северных склонов Градии, ранее занимаемыми хошбанами. Стране требовалось золото. Много золота!

С присоединением княжества Шаронди, мы слопали кусок, больший чем вся территория баронства примерно в четыре раза. Дабы избежать восстаний или освободительных движений, требовалось максимально аккуратно аннексировать край. Сейчас баронство не в том состоянии, чтобы подавлять сепаратистов. Был проведен съезд глав городов и выборных старост от крестьянства, дворянства, купечества и офицерства. По обкатанной технологии с помощью специально подосланных людей стали, применяя "эффект толпы", выкрикивать одобрительные возгласы в пользу принятия подданства всеми группами населения и введение достаточно мягких законов баронства.

Княжество состояло не только из Седалиса, но еще из шести городов и почти сотни деревень. Так просто поменять уклад жизни, хозяина и правила достаточно сложно для думающего человека. Но моя ставка была как раз таки на необразованное крестьянство. Мягкость налоговой, торговой и уголовной политики баронства считалась в соседних землях просто раем на земле и способствовало притоку беженцев. Теперь же низшие слои общества радовались, что и к ним пришли такие же порядки.

К тому же, меня поддерживала большая часть торговцев и зарождавшихся как класс промышленников. Единственная проблема — аристократия. Но с некоторыми лидерами мнений в этой среде были проведены профилактические беседы. Особо упорных пришлось силком переселять в осваиваемые северные территории. Подковёрная борьба разных кланов за влияние, происходившая в княжестве до его завоевания, в итоге, была мне на руку. Заручившись поддержкой одних, я помог ликвидировать других.

Собрание представителей в итоге почти единодушно присягнуло мне на верность. В местной ратуше состоялся древний ритуал возведения меня в князи. Теперь я был Михаил,

князь Шаронди, барон Пардалис. Только так и никак не иначе.

Конечно, недовольных много, может даже очень много. Но они пока не организовались и сохраняют внешнюю лояльность новому хозяину. Поэтому требуется тонкая и ювелирная работа службы Антонира по вычленению подполья, физическому устранению лидеров и определению протестных настроений.

Одновременно велась работа по объединению хозяйственной деятельности двух территорий. Титанический труд по стандартизации, унификации, выстраиванию логистических связей и производственных цепочек взвалила на себя комиссия под руководством Кредата Марципа, моего бывшего референта. Молодой парень проявлял задатки блестящего администратора и хозяйственника. И порученное дело пока делал хорошо.

Маклону Риди как самому лояльному мне человеку в княжестве я доверил Седалис. Его помощь была неоценима в прошедшей войне, поэтому я не скупился на награды стоявшим за меня в трудную минуту людей. Все солдаты и офицеры получили от меня щедрые подарки, несмотря на скудность бюджета.

Почти сразу же после Триумфа в Пардалисе я начал думать над реформированием экономики. Догадывался, что бюджет будет с сильной дырой и требуется его максимально быстро заполнить.

Во-первых, это уже указанные выше ассигнации. В оборот вышли долговые обязательства на пятьдесят тысяч золотых рублей. Это немного смягчило денежный голод в экономике.

Во-вторых, проводилась перепись населения и административно-территориальное деление княжества, в составе которого (формально) находилось баронство. При разделении на округа и районы учитывалась логистика, количество проживающих, ценность территории, специализация, наличие ресурсов и производств. Получилось одиннадцать округов, состоящих из пятидесяти шести районов.

В каждом из самых маленьких административно-территориальных единиц избирались старосты от абсолютно всего населения района (включая крестьянских женщин и стариков, что в патриархальном мире этой планеты было прорывом), а глава округа высылал магистрата. Вместе они вели все хозяйственные и общественные дела. Формально магистрат подчинялся старосте, но по сути они имели одинаковые права.

Окружной староста выбирался старостами районов. В придачу ему от правительства приставляли своего человека — главу округа. И по такой же схеме, как и в районах, велось самоуправление.

В-третьих, мягкость налогов компенсировалась жестким администрированием их сборов. Отдельное ведомство имело свои конторы в каждом районе и не подчинялось никому, кроме правительства в столице. Это уменьшало возможности прикарманить столь нужные стране финансы.

В-четвертых, если в баронстве с промышленным производством было более или менее, то в княжестве оно было в зачаточном состоянии (впрочем, как и везде на материке). Парочка кожевенных мастерских, столько же гончарных и одна мануфактура по изготовлению сельхоз инструментов. В баронстве государство строило производство, затем продавало его наиболее достойному хозяину. Сейчас же денег на постройку и введение в эксплуатацию подобных объектов у меня не было. Поэтому я ввел систему государственных гарантий. Почти тоже самое, что и ассигнации, только использовались они исключительно

целевым образом.

Например, к окружному главе подходит человек, решивший открыть медеплавильную мануфактуру. Глава подает запрос в правительство, и то, изучив возможности, цели и задачи предприятия выписывает официальную бумагу, что предьявителю сей грамоты можно взять у купцов или производителей столько-то дерева, столько-то инструмента, столько-то кирпича, столько-то сырья и т. д. Купцы и производители записывают чек на сумму взятого, номер гарантии и хранят его три года. Предприниматель строит свою мастерскую, продает первые изделия и оплачивает взятое по госгарантии материалы добрым людям.

В-пятых, для стимулирования производства и торговли были созданы в Пардалисе курсы для перспективных кандидатов. Их отбор производили районные магистраты, заметив умного и хозяйственного человека. Их обучали грамоте, основам экономики и купеческого дела, бухгалтерскому учету и международной торговле. Создавался пресловутый "социальный лифт", который помогал крестьянскому сыну с задатками стать высококлассным менеджером. Курсы планировалось организовать на два года и вести жестокий отбор кандидатов.

В-шестых, Торговая компания Пардалиса, централизованный орган по продаже всего произведенного в баронстве, организовывало три ярмарочных места на побережье возле городов Аликета, Фаруса и Черного замка. Своего рода особые экономические зоны с низкими пошлинами и хорошо развитой инфраструктурой. Гостиницы, таверны, торговые места, развитые портовые сооружения и прочие удобства позволяют привлечь предприимчивых купцов из разных стран за покупками наших товаров и продаже своих.

В-седьмых, стартовали проекты по развитию рыболовства, железоделания, строительству школ и технических училищ, созданию медицинских учреждений если не в каждом районе, то хотя бы в округе. Кроме этого, планировалось открыть театр в Седалисе, по примеру действовавшего в Аликете и Пардалисе.

В-восьмых, стартовали проекты по поощрению в иммиграции населения в нашу страну. Требовались рабочие руки и колонисты, для заселения севера. Во всех соседних странах агентами Антонира стали распускаться слухи о райской жизни и благоденствии граждан, что, в принципе, было недалеко от истины. Поселенцам на севере государство бесплатно предоставляло ресурсы для постройки дома.

Были и еще задумки для воплощения, но пока решили остановиться на имеющихся. Если хотя бы часть из направлений удастся воплотить в жизнь, восстановление экономики пойдет гораздо быстрее.

Самой важной проблемой, над которой я ломал голову после Триумфа была реакция соседнего государства на захват княжества. Драманская Империя это десятки миллионов населения, сотня тысяч отборных солдат, сложившаяся веками структура династической власти, один из сильнейших игроков на карте континента. Централизованное деспотичное государство с легкостью сметающее все препятствия для своего владычества. Десятки вассалов и марок регулярно платили свою дань в казну и выставляли войска по первому требованию сюзерена.

Эпичные сражения на войне с Аранейской конфедерацией показали военные возможности Империи. Лишь феодальный уклад экономики, косность развития государственных и общественных институтов, узаконенное рабство не давали развиваться этому государству. Но на спинах десятков миллионов подданных Империя могла сокрушить любого противника. Что уж говорить о крохотном княжестве, которое было лишь маленьким

прыщем на теле гигантского чудовища.

Узнав сколько выплачивает ежегодно Келлос своему сюзерену, я решил продолжить эту традицию, дабы раньше времени не растеребить логово шершней. Империя неповоротлива, но, наверняка, уже знает о событиях на севере. Но где взять двадцать тысяч золотых безантов на подать Императору? Для решения этой проблемы было еще два месяца.

Восточные приделы княжества граничили с Галтийским государством. Небольшая страна, тоже вассал Империи, она вела достаточно изоляционистскую политику. Сама не вмешивалась в дела других и строго следила, чтобы не лезли в её жизнь. Множество тайн окружало эту загадочную страну. Драманская империя, хоть считалась сюзереном, но старалась не лишней раз не беспокоить своего северного соседа. Ходили легенды, что галтийцы привечают у себя разные темные силы, совершают тайные ритуалы и обряды, практикуют леденящие кровь мистерии. В столицу государства Гардушкерд, часто совершали паломничества различные секты.

Но кроме чисто оккультных знаний Галтийское государство славилось и своими учеными. Изучая потусторонний мир, мудрецы из соседней страны много знали и о материальном мире. Я решил для себя запланировать поездку к соседям, так сказать для налаживания добрососедских отношений. Возможно удастся переманить пару-тройку умников для строящегося в Пардалисе университета. Но состоится вояж только тогда, когда княжество прочно "встанет на ноги".

А пока я погрузился в хозяйственные хлопоты. На складах, в арсеналах и крепостях не хватало пороха и ядер, поэтому в первую очередь усилия были направлены на активацию производства боеприпасов. Неожиданное нападение имперцев на в конец обескровленного выскочку в данный момент выглядит крайне успешным мероприятием.

Только наступило лето, поэтому еще можно было спасти пахотный сезон. Не хватало еще чтобы к проблеме с нехваткой денег, остро встал вопрос с продовольствием. Принялись распахивать новые земли. Создали несколько племенных питомников для скота и птицы, чтоб каждое крестьянское хозяйство могло свободно покупать наиболее лучших особей. Ведь чем богаче крестьяне, тем больше налогов они платят, тем больше тратят денег внутри страны.

Ну и конечно же остро стоял вопрос с армией. Из тех, с кем я уходил на север едва ли пару сотен наберется. Ополчение, которое организовалось в Седалисе, было распущено. Пришлось объявить новый набор в армию на таких же, весьма привлекательных условиях. Ветераны и отличившиеся получили чины младших офицеров, после сдачи экзаменов по тактике, техническим нормативам и управлению коллективом. Почти всех я знал лично, и мог отобрать наиболее достойные кандидатуры. Время сейчас самый важный ресурс. Качественно подготовить армию за короткий срок было сложно. А есть ли у меня этот срок?

Глава 14. Набирая силу

— Ты поддонок! — Келлос злобно прошипел, потирая развязанные руки. — Зря я тогда не придушил тебя!

— Ты достойный соперник! — сказал я, наливая два бокала вина. — Я уважаю хороших воинов. Но удар в спину был очень подлым.

— Какая спина? Я месяц шел с войны со своими войнами специально, что уничтожить всю вашу богадельню... Пригрел змею...

— А я что, не соблюдал наш вассальный договор?

— Я ушел воевать с лучшими войнами княжества, а ты тем временем потихоньку переманивал людей в свои владения. Как только я узнал, что лучшие умы и руки моей страны идут к тебе на службу, то сразу же захотел разобраться с тобой! Так ты платишь за мою щедрость?

— У нас не было прямого договора не нанимать твоих людей! Выпей, Келлос. И успокойся, — я протянул бокал мою недавнему противнику.

— Что тебе от меня надо? — с недоверием посмотрел на меня старик. — Будь проклят тот день, когда я впервые увидел тебя! Драмане скоро накажут тебя за самоуправство. Император не станет терпеть под боком наглое выскочку.

— Я знаю, — максимально спокойно произнес я, стараясь утихомирить собеседника. — Именно для этой цели ты мне и нужен.

— Ну ты наглец! — Келлос сощурил глаза, пристально поглядывая на меня. — У меня просто нет слов!

— У тебя нет выбора, — продолжил я спокойным тоном разговор. — Батист, к твоему сожалению, вырос не в тебя. Он более мягкий и податливый. И уже согласился сотрудничать с нами. Он привык к сытой и комфортной жизни, а вот к тому, что приходится часто просыпаться ночью от укусов тюремных крыс — еще нет. Он согласен на все, ради кусочка сыра в дополнении к жидкой похлебке.

— Ты свинья! Не тронь моего сына! — Келлос хотел было дернуться, но гвардеец, стоявший рядом его остановил.

— С ним обращаются более чем достойно. С его головы не упал не один волос. Но вот в камерах для заключенных действительно жуткая антисанитария и очень неумелые повара, — я конечно блефовал про согласие Батиста на сотрудничество, поскольку решил начать именно с Келлоса, но фактор сына может очень хорошо подыграть мне. Князь немного успокоился, даже осунулся и посмотрел отстраненно в никуда.

Было жаль старика столько лет отстраивавшего свое княжество и пекущегося о своих подданных. Я бы, наверно, никогда бы не решился начать против него войну, не напади он сам. Человек он, в принципе, неплохой, но так распорядилась судьба.

— Батист вполне может объявить о твоей смерти и взойти, пусть и фиктивно, на престол княжества. Он, вместо тебя и сделает всю работу.

— Что ты хочешь? — все также глядя безжизненным взором в сторону, тихо спросил Келлос.

— Я хочу чтоб ты поехал к Императору с данью от княжества.

— Ты либо очень глуп, либо очень нагл и изворотлив. Мне ничего не стоит вернуться с помощью от Императора. На копьях и щитах возвратить себе моё княжество.

— Ты так не сделаешь. Келлос, ты очень хорошо понимаешь, что без Батиста, сына и наследника смысл твоей жизни потеряется. А он точно умрет, как только первые рыцари переступят границы княжества. Во-вторых, ты также хорошо осознаешь, что если сюда придет Император, то он уже никуда не уйдет. Ты потеряешь свое княжество и станешь максимум чиновником в этих землях. А это то, чего ты боишься даже больше, чем потери Батиста. Тебе нужно ТВОЁ княжество, личное, где ты полновластный хозяин и вершитель судеб.

Келлос затих и немного ссутулился. Затем отхлебнул вина.

— У меня было время для того, чтобы осознать всю горечь поражения, смириться перед произошедшим, понять и принять свою будущую судьбу. Старуха смерть ждет меня чуть раньше, чем я рассчитывал. Но я хочу оставить после себя частичку своего я. Батист это единственное богатство, которое у меня осталось. Не трогайте его!

Старик посмотрел на меня пронзительным взглядом. Было видно что он давно смирился с поражением, осунулся. Погас его решительный взор, с которым он встретил давным-давно лже-брата Ордена Верных при осаде только что возникшего Пардалиса.

— Я устал от войны с Аранеями. Имперские войска в гущу событий прежде всего кидали своих вассалов и марок. Я так хотел вернуться и дожить остаток своих дней в тихом месте, наслаждаясь покоем.

— Мое тебе слово, что он у тебя будет! — сказал я, подливая Келлосу вина. — Я обещаю, что подарю тебе комфортную и тихую жизнь вместе со своим сыном. Только помоги мне.

— Как?

— Ты поедешь к Императору с ежегодной данью. Там ты расскажешь, что все произошедшие события — не более чем попытка государственного переворота. Ты с помощью верных людей разгромил предателей, а баронство Пардалис удалось утихомирить.

— Император не глупый человек. Он повесит меня за ложь. У него тут множество агентов.

— Все агенты либо ликвидированы, либо перекуплены. Да и я стараюсь не показываться на улице. Так что обыграть случившееся как гражданскую войну и дворцовый переворот, а затем среди иностранцев рассказать, что победил Келлос. Наши торговцы стараются не иметь дел с Драманцами. Правду, в виде слухов о реальном положении дел, можно будет узнать только через третьи страны. Но слухи — на то и слухи, что им веры нет. Кому Император поверит — живому Келлосу, или басням торговцев? К тому же мне нужно усыпить бдительность Императора не навсегда, а хотя бы на несколько месяцев. В идеале — год! В любом случае, если тебя схватят и казнят я отпущу Батиста. Мое слово- кремень!

— Условия?

— Если ты выполнишь нашу сделку. Я назначу тебя главой округа Ульвии и Зола очищенного на севере от хошбанов. Ты превосходный администратор, хороший организатор и прирожденный строитель. Ты будешь заниматься своим любимым делом — созидать! Я уверен, что ты справишься.

Такой человек на службе — просто бриллиант. Тем более после обмана Императора, ему ничего не останется, кроме как верно служить мне без возможности эмиграции.

Некоторое время на лице Келлоса можно было прочесть смешанные чувства. С одной стороны, он уже готов был к смерти, с другой — еще недавно был князем, с третьей — усталость и моральная надломленность отчетливо давила на него.

— Мне надо подумать. Завтра я скажу свое решение.

— Отлично. А я, в знак доброй воли, перемещу тебя и Батиста из тюремных камер в апартаменты для посольских гостей. Но пока, видеться с сыном ты не сможешь.

За две недели мне удалось насобирать двадцать тысяч безантов. В основном за счет продажи сокровищ, драгоценностей и предметов искусства дворца Шаронди, а также займами у богатых торговцев и промышленников. Теперь мне требовался лишь Келлос (ну или Батист), чтобы пустить пыль в глаза Императору, что на северных границах его державы все спокойно. Хотя бы на время нужно было избавиться от возможной опасности.

Балутрак Уртагай встретил меня со всеми почестями. Я вместе с дарами, тоже реквизированными из сокровищницы дворца Шаронди, посетил его стойбище. Блуждая по бескрайним просторам северной тундры со всем своим кочевым двором, он заехал на границу между нашими владениями, установленную в договоренностях с Артасом. Я не преминул воспользоваться приглашением встретиться и обсудить совместные дела.

— Сыны тундры благодарны тебе за помощь в уничтожении хошбанов! — низким баритоном, вселяющим почтение и страх у подданных, сказал Балутрак.

— Воздаю почтение хозяину тундры и его верным помощникам! — я в ответ почтительно поклонился. Мощный и статный Балутрак был очень большим. Даже габаритный Пурьгорь на его фоне казался мальчиком. Развитая мускулатура, высокий рост, пышный тестетероном внешний вид великана способен любого ввести в трепет. Густая черная борода с усами, чуть раскосые глаза, смугловатая кожа придавали ему еще большую харизму.

Роскошный шатер, диаметром метров в двадцать, держался на могучих стропилах и подпорках выполненных из искусно обработанных бивней мамонтов. Ковры с вплетениями золотых и серебряных ниток, самоцветов и драгоценных камней переливались всеми цветами радуги.

— Проходи, дорогой друг, — Балутрак повел рукой за низкий, но чрезвычайно широкий стол, заставленный разнообразными яствами. Номады, как впрочем и кароги, обедали сидя на подушках. Стулья в предметах мебели у них не числились, поэтому в хижинах Пардалиса можно было встретить подобную манеру принятия пищи.

— Честь тундры восстановлена нашими усилиями, — густым баритоном сказал Балутрак. — Можешь рассчитывать на мою помощь в любой момент.

— Я тоже хотел бы скрепить нашу дружбу союзническими обязательствами, — улыбнувшись, сказал я. Аромат вареной оленины, запеченной в глиняных кувшинах птицы, пряных трав тундры, жареной рыбы настраивал на добрую беседу. — Конечно, людей у меня мало, но вот техническими новшествами, оружием артиллерией я могу серьезно помочь вам справиться с новыми ордами, напирющими на ваши стойбища с востока.

— Это очень щедро с твоей стороны и мы с радостью примем союзный договор связывающий наши братские народы, — Балутрак широко улыбнулся.

— Присылай своих самых толковых воинов к нам на обучение. Тех, кого видишь командирами своих бесчисленных войск. Мы научим их тактике и технике огнестрельного боя, а также обращению с пушками.

— По рукам! — Балутрак протянул свою мощную длань обильно измазанную в оленьем жире, и я с радостью пожал её. — Чем же я могу тебе помочь, брат?

— Если тебе будет несложно, держи одну орду в кочевьях рядом с нашей границей. Я понимаю, насколько сейчас тебе необходим каждый воин, но Драманская империя может

ударить по нам в любой момент.

— Могу и две орды! После уничтожения хошбанов, у меня развязались руки. Кроме этого, если твои... пушки и ружья настолько эффективны, то в скором времени мы задавим нечестивых восточных выскочек. Выпьем же, брат, за союз двух братских народов, — Балутрак поднял золотой кубок, украшенный драгоценными камнями, и я с охотой выпил хмельной напиток зирики, изготовленный из ароматных трав тундры.

Мы еще долго общались с владыкой тундры. Несмотря на то, что слухи о его кровожадной жестокости окружали фигуру этого вождя аурой ужаса и страха, со мной он вел себя на равных, естественно и просто. Я увидел в Балутраке глубокий ум и рассудительность. Без этого никакая физическая сила не способна подчинить себе кланы и орды номадов, организовать их в один кулак.

Обсудили торговые отношения. Договорились что будем покупать у них все то, что они могут предложить по хорошим ценам. А номады могли предоставить неисчислимы объемы мяса, рыбы, птицы, кож, хороших скакунов, дары тундры и прочего. У меня сразу же возникла мысль о постройке консервных заводов на границе с номадами. Переработанные и законсервированные в бочки, съестные припасы могут стать хорошим подспорьем в голодные годы или же за них можно выручить неплохие деньжата за границей.

Я остался доволен встречей. Как и предполагал, Балутрак не забывает добрых дел, а иметь такого союзника придает уверенность в своих силах.

До главного события в моей жизни — свадьбы с Ирис оставалось совсем немного и я хотел подойти к этому событию с чистой головой и спокойной душой. Поэтому с утроенной энергией занимался делами. Организовывать пышную свадьбу я не хотел, поскольку это событие может дойти и до Императора и вызвать сомнение в поведении Келлоса.

Возобновились дальние морские торговые экспедиции, приносящие солидную часть пополнений в бюджет. Реквизированные на время войны суда были починены за счет бюджета и теперь могли перевозить многочисленные грузы.

Южные государства очень радовались нашей продукции. Так как промышленной революцией в этом мире еще не пахло, металлоизделия здесь были на вес золота. Различные сельскохозяйственные, шанцевые и обрабатывающие инструменты, машины и оборудование, оружие, как холодное, так и огнестрельное, трубы, прокат, листовое железо и прочее и прочее.

Особо ценилась оружейная сталь клинков баронства. Пришлось применить в её изготовлении современные способы улучшения стали. Первоначально клинки закалялись. После этого сталь подвергали высокому отпуску. И только потом проводили процесс поверхностного легирования и нитроцементации. На выходе получалась сталь высочайшего качества — прочная, износостойкая, твердая и пластичная одновременно. Для соблюдения секрета обработки стали все операции производились разными людьми на разных государственных мастерских. Оружие из "Пардалисской стали" как её именовали иностранцы вызывало бешеный интерес у иностранцев. Любой аристократ желал заполучить его. И платили за неё только золотом.

Именно для того, чтобы использовать свои технологические преимущества, мы старались максимально больше произвести и продать. Старались не вести дела с Драманской Империей, поскольку зависть может спровоцировать желание отобрать силой столь прибыльные производства.

Лига Свободных Торговцев, мощнейшая и влиятельнейшая организация

транснациональных купеческих гильдий все так же считала нас конкурентами и вставляла палки в колеса. Но только лишь эксклюзивность наших товаров помогала избежать административного пресса официальных властей.

Кроме всего металлического особо славилась солёная селёдка, бочками привозимая во все порты южных государств. Ею не брезговали полакомится даже в царских дворцах и замках аристократии. А еще ценили предметы роскоши, кольца, перстни, цепочки, браслеты и прочие ювелирные изделия, изготавливаемые нашими умельцами. Одежда, в основном высокой ценовой категории тоже была нарасхват. В общем, нам было что предложить всему миру. А далее, ушлые барыги перепродавали все купленное у нас с бешеной наценкой. Так, что на восточных окраинах континента Пардалис считали полумифической страной изобилия и высоких цен.

Поощрение производства и привлечение инвестиций помогло оживить промышленность. Теперь по закону каждый владелец фабрики, мануфактуры или мастерской обязан был вкладывать не менее 50 % чистой прибыли в модернизацию или расширение производства. Наличие множества ручьев, стекающих с горной системы Градии позволяло иметь неисчерпаемый источник энергии. Водяные мельницы создавали крутящий момент, который системой зубчатых колес преобразовывался в силовой движитель оборудования и машин. Эти же ручьи служили транспортными магистралями для сырья и готовой продукции.

Орден Верных проявился на второй неделе после Триумфа. Разгромленная в Седалисе ячейка могущественной оккультной организации, влияющей и манипулирующей практически всеми владыками континента, стала большим ударом по её престижу. Через аристократов Седалиса было передано послание о желании встретиться с мастером Ордена, проскриптором Севера, Юнсаком Каттисо.

Вкрадчивый голос, мягкие манеры добродушного на вид старичка маленького роста вызвали симпатию. Я был загримирован под гвардейца, когда Келлос принимал этого хитроумного интригана, имевшего поистине византийское коварство. Встреча происходила во дворце Шаронди в Седалисе. Весь этот маскарад был сделан исключительно для Императора, который очень сильно прислушивается к мнению членов Ордена.

Келлос согласился сотрудничать. Просчитав все за и против, он все же выбрал вариант не рисковать сыном и своей жизнью.

— Магнус Доминус Андрэ Фалко, наш великий руководитель шлет привет тебе, о князь, — Юнсак склонился в благоговейном поклоне. Его слегка светящаяся накидка — основное отличие важных персон Ордена — казалась раза в два больше по размеру, чем сам человек.

— И вашему братству привет от меня и моего народа! — Келлос старался казаться невозмутимым.

— Все ли у вас в порядке. Подавили ли вы восстание выскочки с севера? — неуловимая тень недоверия пробежала в глазах проскриптора. Если у него есть прокаченные магические способности, что встречаются среди руководителей Ордена, то он легко может определить правду. Но со мной находился кристалл улуна, который, помимо всего прочего, мог гасить магическую энергию Верных.

— Все нормально, мастер, — Келлос улыбнулся и кивнул на витраж, показывающий вид за окном. — Вороны уже успели обезобразить тело этого наглеца.

Несчастный мертвец, умерший от пьянки сегодня в трактире неподалеку стал хорошим

реквизитом для этого представления. Обезображенного, его было невозможно опознать даже собственной матерью.

— Тогда ничего не мешает снова установить в Седалисе Око Сокола! — скорее утвердительно, чем интересуясь сказал Юнсак. Келлос и раньше не одобрял все эти игры с оккультизмом и магией. Но только лишь внешнее давление заставляло его церемониться с Орденом. Око Сокола представляло собой слегка переливающийся камень непонятной породы. Он был своего рода локатором и радаром, проецирующим энергию Ордена Верных на территорию для контроля и осуществления своих магических ритуалов и тайных практик. Такое око стояло во многих дворцах и замках почти всех стран континента

— Мы с радостью примем милость Ордена, — почтительно ответил Келлос, внутренне скривившись от раздражения.

Глава 15. Из князи в грязи

Свадьба с Ирис была организована тайно. Самые близкие мне люди, члены правительства и родственники приехали на исконные земли карогов, на которых они кочевали тысячелетиями. Они находились к востоку от проклятых земель Ульвии и Зола, недалеко от условных границ с кочевьями номадов. Сам Балутрак не смог посетить торжество но прислал своего брата Галдантура.

По старинному обычаю карогов церемония бракосочетания началась с омовения мною ног родителей, в моем случае отца невесты — Заруна. Затем он, в знак принятия меня в семью, порезал мне и себе ладони и нацедил в золотую чашку. Нарочито торжественно перемешивая содержимое, Зарун объявил, что теперь берет меня в свою семью. Кровь после этого окропила древнюю землю карогов.

Далее, опять таки по традициям племени, Зарун передал мне семейную реликвию — золотой медальон, на котором изображен барс в знак того, что теперь Ирис принадлежит мне. Чарку с зирики отпили каждый из семьи по глотку. Затем состоялось праздничное застолье, где друзья и товарищи говорили задравные тосты, дарили подарки, шутили и танцевали. На самом закате гости продолжили праздновать, а я, усадив Ирис на своего коня, должен был провести первую брачную ночь в пустынной тундре, опять-таки по древним традициям племени.

Что и говорить, как мы с любимой просто трепетали от восторга. Красный от волнения и обжигающего сердце пламенного счастья, я совершал обряды на чистом автомате. Самый радостный день в моей жизни прошел словно в тумане, слова гостей расплывались в сознании, было трудно дышать, а события застолья мелькали как кадры киноплёнки. Мы всё торжество крепко сжимали ладони друг друга, будто пытались слиться воедино руками.

Первая брачная ночь была великолепна! Океан эмоций, водопады нежности, буря чувств. Мы уснули на лоне природы, после изумительного праздника любви.

Но вот пробуждение было очень болезненным. Ныла голова, которая явно приняла на себя удар чьих-то сапог. На голову был накинута грубый мешок из-под зерна. Вокруг было сыро и темно. Казалось, еще недавно запах волос Ирис ласкал мои ноздри, а сейчас смрад чего-то гнилого вызывал приступы тошноты. Ирис! Я еще приходил в себя, а мысль о любимой болезненным нервом пробила сквозь тело.

Я попытался встать, но руки и ноги были связаны. Стал кричать, но изо рта лишь вырвался жалкий стон. Мгновение назад Ирис была рядом, а теперь...

Страх, что что-то случилось с любимой обожгло лавой сознание. Когда нет никаких отношений, нет ответственности за любимую, за семью, не страшно за себя. Влезаешь в драки, в разные приключения, решаешься на авантюры. А когда обзаводишься семьей уже появляется страх за нее. Именно поэтому авантюристы, рубаха-парни, уличные бойцы и бандиты, отпетые и бесстрашные войны становятся более осторожными.

Чувство бессильной злобы сотрясало организм. Я находился неизвестно где, и не знал, что же стало с моей Ирис. Ярость, отчаяние, гнев, злоба буквально распирали меня. Еще эта боль по всему телу, а в голове вообще как будто штопор вкрутили.

Пардалис. Что же сейчас там творится? То, что я кропотливо выстраивал рушилось. Как поведут без меня Зарун, Антонир и Пурьгорь, как будут вести себя мои друзья и приближенные, что предпримет армия, дворцовая знать, поместные аристократы, жители и

умоправители новоприсоединенных территорий, темные и деструктивные силы внутри, что желают развала и разрушения баронства, внешние злопыхатели для которых я наглый раздражающий прыщ. Возможно имело место предательство со стороны кого-то близкого. Столько мыслей! Они воронами кружили в моей голове, через облака боли пикируя на пульсирующую поверхность мозга.

Но, вероятно, именно внешние силы, скорее всего и стали бенефициарами похищения меня и Ирис. Ирис! В первую очередь надо было успокоиться, взять себя в руки и подумать. Выхода нет только когда не бьется сердце, а пока оно стучит в груди выход есть из любой ситуации.

Я аккумулировал доступную информацию от органов чувств. Воняло дико смрадно. Это говорило что я находился в месте, где вокруг все гниет. Я лежал, даже через крупноячеистый мешок было видно, что царил полный мрак. Сырость отчетливо чувствовалась в воздухе. Уши доносили, скорее всего, мерную работу металлургических мехов, разгоняющих огромные массы воздуха.

Пошарив связанными руками, ничего не обнаружил в пределах досягаемости. Медленно двигаясь назад, обшаривал пространство поверхности, на которой лежал, в поисках чего либо подручного, чтоб помогло снять узы. Таким образом наткнулся на что-то мягкое и мокрое.

От ужаса все волоски на моем теле привстали. Это было окровавленное женское тело. Оно не подавало признаков жизни. Я чуть сознание не потерял от нахлынувших чувств. Ирис!

Я начал её энергично ощупывать в поисках признаков жизни. Их не было. Тело было полностью бездыханным. Еще более ужасным было то, что на нем полностью отсутствовала одежда. Поиздевались перед смертью, гады! Поток чувств был водопадом горя.

Но, продолжая ощупывать девушку обнаружил некоторые несоответствия по фигуре, форме головы и строению частей тела. Мы хоть были близки всего одну ночь, но уж глазам, а особенно мечтам я давал волю. Зародившаяся надежда, что это не Ирис, подтверждалась более густыми длинными волосами, характерными для более южных народов.

Там же в волосах я нашел заколку. Изрядно повозившись с крепким узлом, мне удалось распутать путы на руках, на ногах и снять мешок с головы.

То, что я увидел мне очень сильно не понравилось. Хотя вокруг царил полный мрак, можно было различать очертания предметов. Ни потолка ни стен у помещения не видно. Скорее всего это либо большая пещера, либо огромный зал. Сколько хватало глаз на поверхности валялись трупы голых женщин. Они были разной степени разложения. Но самое главное, части тел были кем то откушены. Это наводило на нехорошие мысли.

Где-то высоко открылся люк и внутрь помещения полился свет. Следом с высоты полетело еще одно женское тело. Странно, что все девушки были молоды и красивы. Как только тело плюхнулось, металлургические мехи, или то, что ими мне казалось приостановили работу.

Я понял, что нечто живое, притом очень огромное находится сейчас где-то там, в темноте. Перекушенные пополам тела девушек недвусмысленно говорили о размерах пасти чудовища. Медленно и осторожно я вполз в кучу смрадных тел, пытаюсь спрятаться как можно глубже. Тошнота душила спазмами, но ощущение неминуемой смертельной опасности витало в воздухе.

Затаившись я разглядел в полумраке нечто страшное. Морда ужасного создания была не

похожа ни на что. Складки кожного покрова усеивали все пространство около рта. На этих складках росли отвратительные прыщи или бородавки, над ртом виднелся один глаз. Большой, горящий злобой, он как сканером пронизывал округу в поисках прервавшего его сон объекта.

Еще между отвратительных складок над ртом работал целый гейзер слизи. Видимо, заросшие слоями кожи дыхательные отверстия пробивались с большим трудом. Эта фантазмагорическая харя жадно втягивала воздух, после орошения всего вокруг своей слизью.

Но страшнее всего шея. Длинная, уходящая в темноту шея. Тела я так и не увидел и всматривался, пока не обнаружил еще одну харю. На грани видимости увидел её сбоку. Вполне вероятно, что существует и еще несколько таких. Вполне возможно, что я имею дело с своеобразным змеем-горынычем, головы которого растут из одного тела.

Нужно было срочно каким-то образом выбираться. Вариантов — не густо. Помещение было скорее гигантским подвалом гигантского сооружения. Что то типа пещеры. Сколько не вглядывался, ничего типа лестницы не увидел.

Тем временем харя на длинной массивной шее приблизилась к куче, в которую удалось заползти мне. Я задержал дыхание, хотя назойливые жирные мухи облепили меня, а гниющие кишки вызывали рвоту. Орошая все вокруг своими соплями харя принялась, но пролетела мимо. Наткнувшись на недавно скинутое тело, принялось смачно чавкать.

"Свеженькое любит, падла" — подумал я.

Вторая харя также подлетела и тоже принялась грузно сопеть. Показалась и третья, но видя, что пир в самом разгаре ретировалась.

Я стал пробираться в противоположном направлении от места скопления отвратительных тварей, надеясь, что их количество ограничивается видимыми тремя. Очень старался не шуметь, но прощупывал головы жертв в поисках заколок.

Пробираясь сквозь завалы уже сгнивших тел, я все-таки добрался до стены. Мои похитители, кто бы они не были, надеялись на мою быструю смерть в пасти ужасных чудовищ, но видимо хари не отреагировали должным образом на падение моего тела. Либо сильно спали, либо были сыты, либо привыкли к женским телам. Я упорно гнал от себя мысли, что Ирис скинули со мной. Идеальным вариантом было бы то, что ей удалось спастись ночью там, в степи.

Стена оказалась скалистой породой. Я стал ползти вдоль нее, надеясь отыскать выход, пока не уперся в что-то мягкое. Посмотрев вверх, я обомлел. Огромный бочкообразный организм, был телом этих голов. Он буквально был частью стены выдаваясь в помещение метров на пять в длину и высоту. И шей торчало четыре. Значит где-то бродит еще одна харя.

От ужаса я немного опешил. Вот сейчас все четыре головы этого змея-горыныча могут раздавить "блоху" решившую нагло подобраться к телу монстра.

Было слышно как куски пищи двигаются по горлу, как стучит сердце. Стоп, сердце! Можно убить это чудовище? Не в этот раз. Из содержимого моих карманов были только женские заколки.

Зато при осмотре туловища чудовища была обнаружена странная конструкция, что типа клетки, куда был посажен монстр. Притом "приручили" его очень давно, когда он был маленький. Атрофированные и отмершие лапы торчали из-под грузного тела, а клетка из правильной прямоугольной формы превратилась в обтягивающую майку.

Чтобы головы чудовища не могли попасть в люк в потолке, рядом были расположены

параллельные полу прутья, от края до края, не позволявшие шеям разгибаться до определенного градуса. Именно по ним и предстояло мне совершать чудеса эквилибристики, чтобы попасть в этот самый люк.

Очень осторожно, нежно как к маленькому ребенку, я дотронулся до клетки, превратившуюся в майку для чудовища. Практически на носочках я стал подниматься по стальным прутьям, стараясь не задеть тела. Хари отобедав несколькими телами (видимо "свежачка" им оказалось недостаточно) улеглись снова спать, и я снова услышал как работают "металлургические мехи".

На грани потери равновесия я все же добрался по прутьям до заветного люка в потолке. Сегодня удача была на моей стороне, так что я не побеспокоил уродливое создание. Теперь оставался вопрос. А что там за этим люком? Есть ли охрана? Не выпнут ли меня обратно на корм этой твари?

Оказалось что люк закрыт снаружи, причем очень крепко. Мощные дубовые доски были усилены металлической обивкой. Все мои усилия приподнять люк, ни на миллиметр не приподнимали его.

Оставалась ждать, когда его откроют, скидывая очередную жертву, чтобы как-то попытаться выбраться. Судя по свежести жертв, делается это как минимум несколько раз в день. Что за извращенный садист это делает, очень хотелось выяснить. Ведь девушки были в самом расцвете сил, красивые и статные. Ну точно какой-то упивающийся властью маньяк, коих хватало в истории Земли.

Хари до него не доставали из-за ограниченного движения шей, но позиция была крайне неудобна для ожидания. Полувися, я чувствовал как затекали ноги, доставая только носочками до опор. Но делать было нечего, нужно было терпеть до открытия люка.

Я прождал очень долго, не менее пары часов. От неудобства половину тела кололо тысячами иголок, но безвыходная ситуация заставляла терпеть. Мирно посапывали хари в ожидании очередной кормежки свежатиной.

Я чуть было не пропустил внезапно раскрывшийся люк. По звукам двое волокли к краю очередное тело. Когда появились первые обнаженные части мертвой девушки я резко просунул руку в отверстие, метаясь в область руки девушки. Обычно именно за них берутся, когда волокут тело.

Так и есть! Ухватившись за массивное волосатое запястье, я что есть силы рванул его вниз. Тело мертвой девушки повисло вниз головой удерживаемое вторым носильщиком, а моя жертва, поскользнувшись, распростерлось в проеме люка, цепляясь рукой и ногами за спасительные края.

— Самир, вот ты неуклюжий мешок с дерьмом. Опять поскользнулся, — заворчал коллега упавшего. — Может стоит скинуть тебя, дабы мне поставили в напарники более ловкого?

Но Самир уже не смог ответить. Расчетливым ударом в трахею я сначала лишил его голоса, а затем и вырубил его заколкой в висок. Женское тело все же полетело вниз. А напарник решил помочь Самиру и попытался его поднять. И тут же два мясника полетели следом за ней, на пиршество харь.

С трудом ворочая затекшими суставами, я выбрался из люка. Лишь бы никого там не было, потому что борьба с Самиром и его напарником отняла последние силы. Закрыв люк, я первым делом осмотрелся. Я находился в широком коридоре, вырубленном в скале. На стенах горели свечи, отбрасывая мрачные тени на своды коридора.

Коридор был сквозной и метров через тридцать разветвлялся направо и налево. Я ощутил дуновение ветра, значит недалеко выход или окно, что давало надежду на скорое освобождение.

Я осторожно пробирался по кровавому следу, оставленной волочимым телом. Высохшие следы, ошметками усеивавшие пол, говорили, что проторенной дорогой здесь пронесли десятки тел. Подтверждая мысли ранее, создавалось впечатление, что это подвал гигантского здания, что-то типа дворца или замка.

Кровавые следы вели за массивную дверь в конце коридора. Через щель лился свет и слышны были звуки разговоров. Мило болтали четыре воина, которые стояли возле большой квадратной железной коробки в стене, гранью не меньше двух метров. Она напоминала строительный или медицинский лифт, только без дверей.

Солдаты были одеты в какую-то странную форму. Кирасы синего цвета с тремя вишенками на груди. Прямо как на шкафчиках в детском саду. Плотные кожаные рубахи под кирасой служили дополнительной защитой. Шлемы защищали не только голову, но и шею от колюще-рубящих ударов. Кожаные штаны больше походили на шаровары, чем на облегающие брюки. Умно. Не только спасали от жары, создавая воздушные карманы, но обеспечивали дополнительные складки при рубящих ударах. Плотная обувь выглядела очень надежно для дальних походов. Из оружия были два мушкета, которые висели на массивном поясе, кинжал и меч, больше похожий на саблю. В общем воины создавали впечатление элитных бойцов, хорошо экипированных и вооруженных.

Но идентификация принадлежности к какой либо стране пока не представлялась возможной. Единственное, что можно было сказать, что эти парни были представителями южных народов. Драманская империя, Альмиурская деспотия, Аранейская конфедерация или другие державы?

— Ну где эти два олуха? — один из солдат повернулся к двери, сквозь щель которой смотрел я. Проклятье! Они ждали этих мясников и точно хватятся их отсутствию.

— Да наверно любят друг друга, пользуясь свободной минуткой, — заезженная шутка нашла отклик в недалеком солдатском уме, и в помещении раздался басовитый смех.

Я быстро нырнул в тень, заметив что отсмеявшиеся солдаты все же выдвинулись к двери. Судорожно высматривая выход я наткнулся на низкий лаз, видимо служивший вентиляцией. Быстро заползая туда, я за спиной услышал:

— Фатим, Самир! Эй вы двое, голых девок рассматривать некогда, мы уже должны быть наверху.

Отверстие действительно было вентиляционным. Оно выходило в вертикальную трубу, которая поднималась на десятки метров вверх. Увидев вдалеке голубое небо, пусть и весьма далеко, я воспрянул духом. Ползти вверх по гладкой, покрытой мелкими капельками конденсата трубе нечего было бы и думать.

Глава 16. Цитадель

Позади поднялся нехилый кипиш. Солдаты — не дураки, смогли прикинуть дважды два, а именно — исчезновение сразу двух носильщиков в яме с чудовищем, куда ранее забросили пленника, притом живого. Надеялись, что от ужаса он будет страдать и обливаться слезами. А он взял и вылез, убив сразу двух человек. Вентиляция будет первым местом, где может прятаться преступник, поэтому ни капли недооценивая умственные способности солдат, я бросился со всей прытью по коммуникациям этой замысловатой системы. Диаметр отверстия как то без всякой логики расширился или сужался, так, что мне светила угроза застрять в одном из них.

Я передвигался навстречу потоку воздуха, разумно надеясь оказаться у источника его появления. Но разветвления ставили меня в тупик при выборе пути дальнейшего движения.

Сзади слышалась отдалённая возня. Не надо быть семь пядей во лбу, чтобы понять — преследователи, зная строение здания и его вентиляционные ходы, запросто заблокируют все выходы. А то и сделают еще хуже — пустят какую-нибудь отраву.

Запахло едой, и я решил ползти на этот запах. Через кухню почему-то мне казалось легче было покинуть здание. На самом деле мне понравилась определенность точки куда я смогу попасть, а не блуждание по лабиринтам непонятной системы.

Через примерно бесчисленное количество разветвлений я попал на кухню. Через отверстие в стене возле потолка, которое одновременно служило и тайником и полкой для приправ я увидел огромное помещение усеянное столами, жаровнями, казанами, печами, корзинами и шкафами. Бегали смуглые и потные повара и поварихи. Стояла умопомрачительная жара и весь горячий воздух шел в отверстия вентиляции. Запах стоял чуть лучше, чем в обиталище ужасных харь. Сами по себе может блюда и пахли приятно, но смесь этого амбре из жареной рыбы, печеного мяса, маринованных овощей, разделанного ягненка, вареных яиц, нарезанного сыра, очищенного чеснока и прочего непонятно чего, многократно усиленная горячим воздухом была, мягко говоря, отталкивающей.

Если бы я вывалился сейчас, то поднялся бы крик, и со всей округи набежала бы стража. Нужно было как-то отвлечь эту потную братию. Причем побыстрее, пока я не сварился и мясо не отделилось от костей.

Среди предметов тайника-полки был небольшой сосуд с растительным маслом. Я незаметно подкинул его в одну и печей поблизости, где рядом не было никого. Для этого пришлось сильно извернуться, но я все же попал.

Вспыхнуло пламя, перекинувшись на соседний стол. Завизжало-заорало-заохало многоголосье обслуживающего кухню персонала. Все внимание было теперь приковано к горячей печи, и я, пользуясь паникой, вылез из убежища. Затерявшись в куче корзин, небрежно наваленных у стены, и стал думать как поступить далее.

— Эй, ты чего там прячешься! Ну-ка быстро тушить пожар, — крикнул зычный бас со спины. Я, боясь разоблачения, быстро измазал лицо сажей из контейнера, куда складывали результаты очистки труб.

— Где твой фартук, бездельник! — грубо отчитал меня усатый толстяк средних лет с волевым лицом. — Ты видимо решил прилечь, пока все работают!

Я смиренно принял все оскорбления, видимо, местного шеф-повара и даже постарался подыграть сделав виноватое лицо. То, что он не знает всех своих подручных в лицо говорит

либо о высокой текучке кадров, либо о серьезно большом штате кухни. Я бросился бороться с огнем, который сам же и разжег.

Бадью с каким то супом, стоящим неподалёку, я вылил на стол, чем вызвал недоумение у бегавших в панике кухарок. Толкотня не позволяла добраться до воды, а пожар только усиливался. Бесполезные причитания персонала лишь усугубляли сумятицу.

Одним действием я потушил пожар на столе, вторым — закрыл заслонку печки и прекратив доступ воздуха к пламени. В два счета покончив с проблемой, я вызвал столь ненужное внимание коллектива.

— Ты что, новенький. Я тебя раньше не видел, — сказал толстяк. — Ты из новой партии с Кордоны?

— Да, — утвердительно кивнул я, радуясь, что ничего выдумывать не надо.

— Ловко ты с огнем... — усатый толстяк сделал одобрителный знак и развернулся к столпившемуся кухонному воинству. — Ну что рты по раскрывали! А ну за работу!

Я еще тщательнее измазал лицо сажей, но сделал это как бы невзначай.

— А ты что стоишь!? Тебя не касается!? — обратился уже ко мне усатый шеф-повар.

Я бросился к столу собирать разлитый суп и орудя тряпкой показывал не дюжинную старательность под взглядами толстяка.

Кухня пришла в свой обыденный производственный процесс. Снова готовые блюда несли на выход, в обратном направлении шли заготовки, овощи, фрукты, мясо, рыба, яйца, молоко и молочные продукты, травы, коренья, злаки и прочее. Я заметил, что на огромном пространстве имеются несколько зон. И на каждой из них свой шеф.

Где-то вдалеке готовили более изысканные блюда в более чистой одежде на вычищенном до зеркального блеска оборудовании. И так по снижению изысканности продукта и санитарных требований. Всего таких зон я насчитал четыре.

— Ты ведь не из Кордоны! — тихо, но утвердительно прошептал смуглый парень, рядом собиравший овощи от пролитого мною супа.

— Так и есть, — ответил я заговорщицким тоном и подмигнул. — Я из Москвы.

Парень рассмеялся — настолько ему понравился ответ и сопровождавшая его мимика. На нас обернулась недовольная кухарка с большими боками.

— Нас пару дней назад привезли из Кордоны, тебя я там не видел, — более дружелюбно сказал парень и затем представился: — Я Тор.

Имя не подходило комплекции парня. Гибкий, ловкий, я бы назвал его Киллиан Мбапе, но не именем всеокрушающего представителя скандинавского пантеона. Пусть он и был обладателем более светлой кожи, чем у французского спортсмена, но имел неуправимое сходство по строению тела с этим футболистом.

— Миша, — представился я и протянул руку. — Пусть это останется нашей маленькой тайной.

Так мы завязали разговор полупрошепотом из которого я понял, что Кордона один из захваченных Драманской империей городов Аранейской конфедерации. Его активно грабили, вывозя все ресурсы, в том числе и рабов. Тор — представитель старинной династии потомственных торговцев. В приморских городах члены его семьи владеют Шантарамы — особыми заведениями, где можно торговать, заключать сделки, отдохнуть в таверне или восточной бане, посмотреть выступления бродячих артистов или шутов, купить экзотические сладости и вкуснейшие блюда. Что-то на подобии современных торговых-развлекательных комплексов. Тор служил офицером в Аранейской армии, но после ранения

его нашла и выходила семья бедняков. При облаве попал в рабство. Если драмане узнают о том, что он офицер — отрежут голову.

Я снова удивился наивности обитателей этой планеты — рассказывать первому встречному свои тайны. Но Тор сразу раскусил, что и я тоже тот еще фрукт.

А находились мы Церемте, цитадели великого сатрапа Альфинии. То есть губернатора одной из областей Драманской империи. Судя по всему, она находится в пустынных или степных местах, потому что с дровами здесь стояла проблема.

Через час или полчаса после инцидента с пожаром на кухню пожаловали солдаты. Те же три вишенки на синих кирасах и кожаная защитная одежда. Собрали всех шефов, что-то выпрашивая. Наш усатый толстяк посмотрел на меня внимательно после одного из вопросов, но покачал головой. Другие солдаты прошлись между столов, печей и казанов высматривая что-либо необычное. Я не такой смуглый как остальные работники ножа и черпака, поэтому стало немного страшновато. Размалёванная сажа вызвала бы излишнее подозрение. Я уже было прикарманил вилку и приготовил мысленно пути к отступлению, как старший офицер окрикнул всю группу. Солдаты сноровисто двинулись к выходу, а я выдохнул с облегчением.

Усатый толстяк, наш шеф-повар, которого кстати звали Понцо, прохаживаясь недалеко очень выразительно посмотрел мне в глаза. Было заметно, что он все понял, но по непонятным мне причинам не стал выдавать меня. Почему?

Так мы, сдружившись с Тором, и провели остаток дня, шушукаясь. Я выведывал о путях и возможностях покинуть сие гостеприимное место, но Тор и сам о ничего особо не знал, поскольку их привезли и распределили на работы только позавчера. Я особо о себе не рассказывал, сказал только что тоже офицер из баронства Пардалис.

— Серьезно?! — удивился Тор.

— Вполне — я, в свою очередь, удивился удивлению парня.

— У нас ходят слухи об этом месте. Где-то на дальнем севере есть крохотная страна утопающая в богатстве. Там живут очень счастливые люди, которые не знают голода и бед. В поисках счастья туда бредут целыми поселениями. Правда частенько их останавливают и возвращают солдаты, но некоторым все же удается закрепиться. Офицеров и храбрых воинов, а также специалистов там ждут с распростертыми объятиями и жирными контрактами, — мечтательный взгляд парня тут же сменился грустью. — Жаль что после победы над нашей свободолюбивой родиной драманский император задумал покорить и эту сказочную страну.

Тут теперь уже взгрустнулось и мне. Ирис, жители Пардалиса, все те, кто доверил мне свою судьбу! Я должен быстро разыскать любимую и вернуться домой, пока хищный драманский император не накопил сил, чтобы наложить свои грязные лапы на баронство.

Проведя остаток дня на низовых работах типа "принеси-подай", уборка золы из печей, мытье посуды, нас повели на ночной отдых. Жили все в одном большом сарае. Человек сто или сто пятьдесят рабов. Мужики и женщины, старики и дети, все отыскивали свои уголки у стены. Новенькие и слабые спали ближе к центру. Нередко возникали драки за место для ночлега, тогда неудачник, понунив голову искал себе место.

Кто давно здесь жил успел завести семью и даже нарожать детей. Такие занавешивали тряпкой свой уголок, создавая что-то наподобие палатки. Раньше здесь царил полный беспредел. Насиловали женщин, отбирали имущество и жилье у слабых, но самоорганизовались, и теперь группа крепких мужчин во главе с Парком блюла элементарный порядок и разрешала споры.

"Смотрящий за барак" был одноглазым старым матросом, весь исполосованный

ранами от ножа, шрамами от укусов акул, ожогами от взрывов. Он, кажется, не имел живого места на теле. Даже на шее был след от виселицы. Как он остался жить после нее неизвестно. Но шептались, что он заговоренный. Его не брала не одна смерть. Он был балагур и весельчак, не без недостатков. Нечто среднее между поддонком и героем.

— Новенький что ли? — спросил Парк без особого интереса. — Принес че?

— Да, я здесь недавно. Принести мне нечего, — ответил я прямо на поставленные вопросы. Уверенным, но не вызывающим голосом. С такими людьми, от которых можно в любой момент получить "перо в бок", нужно соблюдать тонкую грань между бесстрашием и почтительностью к собеседнику.

— Малец, ты знаешь правила? — спросил бывший моряк. Он был не в духе, видимо мучился с похмелья. Об этом говорил страшный перегар и помятый вид, который превращал обезображенного человека в героя фильмов ужасов.

— Каждый приносит в Дом по мере своего труда. А "папочка", — тут он усмехнулся, видимо, намекая на себя. — За это не наказывает своих "детешек". Конкретных размеров и списка того что нужно принести нет, но я должен видеть, что все стараются для Дома. Иди... И добро пожаловать в Семью.

Прихвостни Парка загоготали, а Тор, стоявший рядом потянул меня на свободное место. Вся поверхность пола барака была устлана сеном. Кто пораньше пришел, собирал себе побольше и посвежее, кто позже — спал как придется.

Этот барак был лишь частью огромного комплекса жилищ рабов цитадели Церемте и относилось к кухонному хозяйству и заготовкам. То есть здесь проживали не только повара и поварихи, но весь складской персонал громадных подземных житниц замка, делающих запасы и готовящих продукты для обработки на кухне. Нужно было проработать этот вопрос в плане попытки выбраться из цитадели.

Кроме этого, имелись большие бараки сельскохозяйственных рабочих, прачек и дворецких, конюшенных и кузнецких, мастерских и ткацких, и прочих, и прочих, и прочих.

"Смотрящие" часто обменивались на теплых встречах в укромных местах различными "ништяками", украденными в гигантском хозяйстве цитадели обычными рабами. Именно поэтому Парк настоятельно просил меня приносить что-нибудь. Старшие барачников дружили друг против друга, устраивали "стрелки" с поножовщиной, плели интриги, частенько выпивали на сходках, играли в азартные игры, в общем развлекались как могли. Целые серые зоны, в которых велась тайная жизнь высшего общества барачников изобиловали всеми видами удовольствия от продажной любви до алкоголя. Здесь покупались и продавались жизни, приобрести можно было все, что угодно.

Надзиратели особо не трогали "смотрящих" и их банды. Часть "ништяков", в качестве оплаты за равнодушие оседала в их карманах, да и порядок в бараках гарантировал спокойное существование вертухаям.

Мы с Тором, наскребя по охалке уже не свежего сена, легли в центральной части барака, который больше походил на лагерь временного размещения людей после катастрофы. Кто-то плакал, кто-то скулил, кто-то ругался, кто-то уже храпел. Работников кухни и заготовительного хозяйства кормежка полагалась раз в день — на обед, и я на неё благополучно не успел.

Оставив Тора охранять спальное место, я сразу же отправился на обход барака в еле светившейся надежде отыскать Ирис. Пройдя его вдоль и поперек, не встретил ни одного знакомого лица. Мое поведение не сильно понравилось Парку.

— А ты не из воришек? С крысами тут строго — они дохнут от остановки сердца, — сказал он и его прихлебатели снова заржали.

— Кроме меня есть здесь новенькие, поступившие сегодня? — спросил я и не думая оправдываться.

— Только один дерзкий парень, который, видимо, страдает недостатком железа в организме, — снова смех. Но уже через секунду грозное лицо Парка оказалось напротив моего. — Я тебе не справочная... А за информацию надо платить.

Я выдержал тяжелый взгляд крутого моряка, ни разу не моргнув и не изменив уверенности в выражении лица. Меня обдало смрадом из его рта. Я схватил его за трахею и сжал пальцы на яремных артериях, другой рукой я заблокировал его рывок за ножом в поясе. Не ожидавшие такого развития событий братва Парка поспрыгивали со своих мест, окружая меня.

— Одно движение и я сломаю ему трахею, — хлестко крикнул я, доставая нож Парка. Один из смельчаков сделал выпад с заточкой, пытаюсь со спины воткнуть её в моё сердце, но возникший откуда ни возьмись Тор заблокировал его руку, резко выбив острый предмет.

— Без глупостей! — снова предупредил я, не замечая десятков пар глаз, в эту секунду уставившихся на нас. Парк хрипел, теряя сознание от недостатка крови в мозге.

— Бросить ножи! — властно крикнул я, и братва неохотно выполнила требование, видя умирающего лидера. Я ослабил хватку, держа нож у горла старого моряка, а тем временем Тор собрал все ножи и заточки "гангстеров".

— А теперь давай поговорим, — сказал я спокойно приходящему в себя Парку. Он кашлял и тер горло. Мы находились в закутке, где обитала братва "смотрящего". Конструкция завешанная простынями, обладала некоей пародией на мебель. Столы, стулья, лежанки, даже шкафы и полки для всякого хлама и "ништяков". Это были откровенно королевские хоромы по сравнению с тем бедламом, в котором жили остальные.

— Я задал вопрос: "Был ли кто-то новенький сегодня кроме меня?" — произнес я, чеканя каждое слово.

— Нет, — Парк бесстрашно смотрел мне прямо в глаза с легкой усмешкой. Но в этом взгляде были нотки любопытства и удивления.

— Можешь выяснить по другим баракам?

— Бесплатно — нет. И мне похер, что ты держишь заточку у моего горла.

— Разумно. Что нужно, чтобы разжиться этой информацией как можно скорее?

Глава 17. Побег

На следующий день, работая на кухне, мы с Тором украли четыре качественных ножа. Парк оказался незлопамятен и не обидчив, поэтому свою часть сделки выполнил, заслав "маляву" по баракам с самого утра. Он сказал своей "правой руке" Питеру: "Сила всегда покажет себя как смерть, и лишь слабость будет незаметна как жизнь".

Оказалось, что Ирис нет ни в одном бараке. С одной стороны это давало надежду, что она спаслась, с другой — наводило на мысли, что она может быть где угодно: продали невольницей в страны востока, попала в гарем пиратов южного океана, или трудится на каменоломнях Аддрийский рудников. Нужно было найти тех поддонков, что меня похитили и досконально выпросить их, перед тем, как убить.

Народ косился на нас и кидал взгляды разной интонации. Одни с надеждой, другие с опаской, третьи как на выскочку. После вечернего инцидента от нас старались отодвинуться подальше, когда мы спали на полу, либо работали на кухне. Еще бы. Устроили взбучку ужасному Парку и его компании. Непонятно, что ожидать от этих отмороzków. Но молодые девушки кидали очень даже пронзительные взгляды. Быть под защитой в таком месте — дорогого стоит.

Мне же, хоть и жалко было всех этих бедолаг, но сейчас нечем было помочь, не вызвав ненужного внимания охраны. Может быть как-нибудь потом...

Отдав четыре ножа и выслушав Парка с его "малявами" от всех "смотрящих" рабских барачников цитадели мне как-то взгрустнулось. Он сказал, что ночью ему нужно "загреть" бегунков, которые собирали информацию об Ирис. То есть получалось, что некоторые личности свободно перемещались между бараками.

— Слушай, Парк. А на волю есть выход? Естественно, не бесплатно.

Старый моряк призадумался. Со свойственной всем сангвиникам легкостью, он прощал обиды и ценил смелых людей. Это понравилось в нём.

— Смысла нет! — сказал глубокомысленно Парк. — Охрана — мощь. Три периметра защиты. За стенами санитарный кордон, который уничтожает все живое. По всем дорогам дежурят патрули. Без специальных бумаг от коменданта цитадели ловят всех в округе ста километров. Цитадель Церемте — это судьба до смерти для тех, кто попадет сюда.

— И что, никто не пытался?

— Пытались... И их головы украшали бараки. Их не давали снять, несмотря на то, что миазмы разложения буквально душили всех присутствующих.

— А успешные случаи?

— О таких не знаю. Слушай, малец, я так мечтаю по солёным брызгам океанских волн, но даже я, несколько лет пытавшийся сбежать отсюда, успокоился. Многие рыпаются. Либо умирают, либо смиряются.

— Мне так нельзя.

Мой ответ удивил Парка. Видя мою решимость старый моряк махнул рукой и отправился по своим делам.

— Ты со мной, Тор, — спросил я парня.

— Можешь полностью на меня рассчитывать.

Я посмотрел на него признательным взглядом. Осталось только придумать как выбраться отсюда.

Система вентиляции не подходила. Она соединяла только помещения одного уровня. Так что попасть из кухни на какой-нибудь склад давало мало толку. Да и если поймают — сразу смерть. Так раздумывая над планом побега я заснул.

План, который все же был самым реалистичным из всех роящихся в голове, мне откровенно говоря не нравился. Но более реалистичных способов я не видел.

Когда на следующий день из кухни понесли готовые блюда, я, как бы невзначай, взялся за одно из них и последовал за процессией. К моему удивлению, никто этого не заметил. Я было обрадовался, что сейчас окажусь в покоях местных аристократов, но пройдя пару коридоров местные носильщики с кухни, под зорким присмотром солдат с вишенками на синих кирасах по одному клали блюда в узкое раздаточное окно, из которого его забирали ухоженные женские руки.

Когда пришла моя очередь, я повторил виденную процедуру, но нагнулся, чтобы рассмотреть принимавших еду с той стороны. Ухоженные дамы в простых, но весьма симпатичных одеждах. Руки, кожа и лицо было ухожено. Вид был не такой замотавшийся, как у рабынь на кухне. Да и обстановка помещения была совершенно другая. Уже чувствовался в коридорах аристократичный изыск: гобелены, цветные шторы, цветы, картины, позолота и прочие предметы интерьера, говорившие о материальном достатке.

Тут же я получил удар саблей плашмя по спине от солдата.

— А ну, давай не загораживай окно. — раздраженно фыркнул он. — Любопытной Варваре на базаре жопу порвали!

Я поспешил ретироваться на кухню, анализируя полученную информацию. Все оказалось немного сложнее, чем я думал.

— Кому отдают еду носильщики из кухни? — спросил я вечером Парка. Мы как то даже подружились с ним и вместе с Тором частенько беседовали с его кампанией. Несмотря на всю грубость старый моряк был мудрым и эрудированным человеком.

— Это воспитанницы Храма Дельфы. Они рождены и воспитаны прислуживать аристократам. Эти девчонки выполняют любой их каприз и являются пожизненной собственностью дворян.

Я вспомнил о горе трупов в страшном обиталище харь. Неужели вот эти милые создания летят на корм чудищу. Но больше этого меня интересовала возможность выбраться.

— А можно ли к ним попасть?

— Тебе че, здешних баб мало?

— Ну хочется чего то чистенького, красивого, — изобразил я охотника за женскими прелестями.

— Это да, дельфийки — мастерицы любви. Их обучают таким премудростям, что обычные бабы кажутся кучей навоза по сравнению с ними. Но им нельзя беременеть. Если дельфийка понесет, то её ждет смерть от рук наставницы. Вот и замкнутый круг. Поэтому они отдаются любви как в последний раз — жарко и обреченно, всеми фибрами души, — Парк причмокнул и откинулся на своем лежаке с импровизированным матрасом, набитым сеном. Братва увлеченно играла в кости, а мы с Тором внимательно слушали старого моряка. Получается все эти телеса внизу, что становятся кормом харь — беременные дельфийки, а не результат безумного всевластия одуревшего сатрапа. Но если в день минимум 2-3-4 девушки улетают вниз, то каковы масштабы этого безумия... Жесть.

На следующий день я решил передать с блюдом записку. Незаметно я прикрепил её за нижний край подноса, где располагается центр тяжести блюда, то есть точно там, где

ухватится дельфийка. Даже если она поднимет шум и расскажет все страже, девушка меня не видела. К тому же, кто какое блюдо нес — такого учета не велось. Разве что начнут разбирательство и допросят свидетелей.

После обеда, специально вызвавшись на самую непопулярную работу по мытью посуды, я обнаружил ответ на этом же подносе, принесенном из раздаточного окна. И опять я удивился наивности местных обитателей, так доверяющим незнакомцам. А вдруг это была проверка благонадежности, запущенная одним из "торпед" местных вертухаев. Лишь позже я узнал, что это был жест отчаяния девушки, стоящей на краю пропасти, и восприняла она эту записку как подарок небес.

Я не мог дотерпеть до вечера, и буквально святился. Тор, поняв что что-то произошло, решил меня не выпытывать при скопище народа, а дождаться вечера.

— Ты со мной? — спросил я Тора в укромном уголке барака.

— Конечно брат! — парень даже немного возмутился.

— В смысле — сегодня бежим!

— Я за любой кипиш, Миш! А уж как хочется отсюда слинять...

Неожиданно появился Парк.

— Ну-ка, расскажите мне ваш план, и я скажу как скоро вас убьют, — сказал он, мрачно смотря на нас.

Появление старого моряка, слегка смутило меня, но я взял себя в руки.

— Если я сегодня не сбегу, я уже это не сделаю никогда. — сказал я Парку. — Нет ничего более вечного, чем временное.

— Тогда я с вами! — твердо сказал он. — Пусть уж лучше я умру наконец. Быть узником стремно. Лучше уж умереть в борьбе, свободным душою.

— Тогда не теряем времени, — сказал я.

Неприметно для обитателей барака мы по одному пошли в уборную. Там был секретный лаз связывающий бараки и выходящий в серую зону, где кипела межбарачная жизнь. Оттуда же, разобрав часть кладки, можно было выбраться на один из пролетов старых бойниц, находившийся уровнем выше. Их давно не использовали в качестве оборонительных укреплений. Здесь иногда устраивали пьянки или амурные свидания. Бойницы представляли собой коридор замурованный с обеих сторон, но зато открывали виды на степь, через узкие отверстия окошек. Никто никогда не пытался через них бежать, поскольку впереди их встречали три рубежа обороны. А я вот сейчас попытаюсь.

В одном из окон для ружей я увидел болтающуюся веревку. Значит дельфийка не струсила и не сдала меня охране. Я первый полез в окошко. Парк и Тор лишь внимательно наблюдали.

Выползя на отвесную стену у меня дух захватило от высоты и крутости цитадели. На много метров она уходила вниз, еще больше она росла вверх. Почти по гладкой, без выемок и выступов, стене предстояло лезть минимум метров десять. Где начиналась веревка я увидел милое личики приятной девушки.

Как не было трудно — пришлось лезть. Сгущающаяся темнота сумерек маскировала мои перемещения, да и за века я наверно первый смельчак или безумец, решивший ползти не вниз, а вверх. Расслабившаяся охрана скорее всего никогда и не смотрела в эту сторону. Тяжело, руки забились молочной кислотой, а тело вспотело, но я влез в оконце. Очутился я небольшой кладовке, а передо мной стояла красивая девушка и пристально разглядывала меня.

— Это ты написал записку, — спросила она.

Прежде чем ответить, я дернул за веревку в знак, что можно подниматься следующему.

— Да. Я хочу сбежать от сюда — ответил я. Вдруг девушка сильно обняла меня и уткнулась носом мне в грудь. У нее хлынули слезы из глаз. Так нас и увидел Тор.

— А ты даром времени не теряешь, — даже не запыхавшись, сказал он. Парк тоже на удивление ловко взобрался. Получается, только мне дали эти десять метров так тяжело.

— Какое прелестное создание роняет бесценные бриллианты своих слез на недостойную такой красоты землю, — сказал старый моряк, словно кот перед сметаной.

Девушка улыбнулась.

— Меня зовут Сэт, и завтра с утра меня убьет наставница...

Несмотря на отсутствие растительности, Парк не подходил для переодевания в женское платье — таких ужасно страшных представительниц слабого пола просто не существует. А мы с Тором вполне себе сошли за двух дельфиек, причем стандартные одеяния последних закрывали волосы руки и ноги, оставляя лишь лицо. В кладовой имелись старые вещи, приготовленные для стирки.

Для Парка раздобыли одеяние охранника в этой же партии, отправляемой в прачечную. Теперь осталось узнать у Сэт где отыскать аристократа пожирнее и поважнее, чтобы найти способ, как покинуть цитадель, выяснить как он сюда попал и где сейчас Ирис.

Три девушки под присмотром солдата в синей кирасе с вишенками шли вдоль коридора. Стоящие на постах солдаты отдавали честь, проходившим.

— Вот, блин, — тихо выругался Парк. — Это форма лейтенанта гвардии специального корпуса имперской охраны.

Странная процессия проследовала до конца коридора в котором находился... лифт. То, что я увидел после чудесного спасения из логова харь, действительно оказалось лифтом. Четыре солдата с вишенками на синих кирасах несли вахту у огромного металлического ящика без дверей. Солдаты, увидев лейтенанта и не узнав его, хотели было задать парочку вопросов подозрительному квартету, но Парк зычным голосом скомандовал:

— Смирррно!

Солдаты подтянулись, прижав ножны сабель к телу.

— Я и лорд Кантер только что с фронта! — крикнул Парк, изображая негодование. — Пока вы, тыловые крысы, здесь прячетесь по цитаделям, мы рискуем жизнями во славу императора. Да, даруются ему долголетие! Поэтому от того, как быстро нам с моим босом удастся насладиться поскорее этими цветами райской сладости, бутонами девственной чистоты, утолить жажду совершенной радости зависит и ваша судьба.

Старший караула мигом бросился к медной трубке. Я и Тор максимально старались смотреть в пол, чтобы не угадывались мужские черты лица, да и старались быть похожими на кротких дельфиек.

— Какой этаж, ваше благородие!

— Олух, не знаешь где опочивальни лорда Кантера? Семнадцатый!

Опешивший капрал прогорланил в трубку.

— Лифт номер шесть. С четвертого на семнадцатый!

Блокировочный механизм натянулся пока странная четверка входила в ящик, дабы не началось движение лифта в время погрузки. Затем капрал снял предохранитель. Коробка довольно быстро стала подниматься вверх. Механизм явно основывался на ручной тяге с системой тросов и рычагов, потому что поднимались рывками. Были видны в кабине

затертые кровавые следы. Видно техника безопасности здесь не в почете, покататься пьяным на лифте можно и с одной рукой или ногой.

— Где палаты сатрапа? Только он может знать о судьбе Ирис.

— На десятом. — ответила Сэт.

— Значит, действуем как договаривались? — спросил я

— Да, — твердо ответила дельфийка.

Проезжая мимо каждого этажа солдаты, стоящие у лифта, придирчиво нас осматривали, но увидев лейтенанта, отдавали честь. И вот на десятом этаже Сэт неожиданно выпрыгнула из лифта и помчалась по этажу.

— Именем императора, остановите её! — взревел Парк. Охрана лифта бросилась за девушкой. Пользуясь возникшей сумятицей, я активировал фиксаторный механизм и мы сошли на десятом этаже. Парк бросился за солдатами. В это же время мы с Тором побежали искать покои сатрапа. Предусмотрительно я отпустил блокировку и лифт пополз дальше вверх.

Отыскать логово губернатора Альфинии не составило труда: почти весь этаж представлял собой обиталище роскоши и концентрация богатства показывала путь к владельцу цитадели. Собственный сад, где росли фруктовые растения, паслись животные и даже летали птицы на широком, да просто гигантском балконе, водопад с озером для купания там же, поражал чистотой воды и архитектурно-инженерными решениями. Покрытые золотом и блеском драгоценных камней стены, статуи и картины, гобелены и шторы, меха и ковры, изысканная мебель и старинная утварь — всё поражало воображение своей роскошью.

Лысенький старичок, уснувший на гигантской, метра три на три, кровати с балдахином в окружении двух обнаженных красоток нервно похрапывал. Прижав ладони к ртам двух дельфиек, мы с Тором знаками приказали им не шуметь. Точно так же поступили с сатрапом Альфинийской области Миртоном Муром, которым и являлся этот старик, судя по описаниям видевших его. Охраны в покоях не было, да и зачем нарушать увеселения почтенного аристократа звоном оружия, когда вся цитадель является непреступной крепостью.

— Просыпайся Миртон Мур, император послал за твоей жизнью!

Спросонья притирая глаза, он еще думал, что видит страшный сон.

— Что? — его голос от страху "дал петуха".

— Ты думаешь наш благословенный император не узнает о твоих делишках! — от меня шла импровизация чистой воды, но у фигуры такого масштаба просто не могло не быть тайных делишек, что бы это не означало.

— Я... я... всё... могу объяснить... я... все... компенсирую казне... — жалко проблеял сатрап.

— Поздно! — замогильным голосом возгласил я. — Одевайся, поедem в тайные казематы императорского дворца, в кабинеты секретной службы.

— Я отдам все... Золото... Бриллианты... Замки... Рабы...

— Если хочешь сохранить жизнь, беспрекословно слушайся меня. Мое видение твоего дела, находящегося много лет в разработке секретной службы может склониться к твоему помилованию в зависимости от твоего поведения.

Миртон закивал головой стоя на коленях и сжав в ладони умоляющем жесте.

— Во-первых, нам вместе с тобой нужно покинуть цитадель. Если мне и моим агентам

навредит твоя охрана, императорские войска выжгут тут все. Цитадель сотрут с землей, а тебя будут так пытать, что ты будешь долго умирать и сильно мучаться.

Через час мы ехали на роскошной карете по мосту через ров, окружающий цитадель Церемте. Я, Тор, Парк, Сэт и замерший в тревожном ожидании Миртон сидели молча. Оставалось проехать санитарные кордоны и дорожные патрули, но основная опасность оставалась позади. Поездки сатрапа, внезапные и инкогнито были привычными для его охраны. За ним водились настолько грязные блудные грехи, что некоторые из них сложно даже представить. А четверо его спутников, один из которых младший офицер гвардейцев охраны, дельфийка и два переодетых в дельфийку мужика характерно вписывались в общую картину стариковского безумия.

Глава 18. Дорога к Храму

— Теперь слушай внимательно, — начал я с пристрастием, как только мы проехали санитарную зону в несколько километров. Там уничтожилось все живое, от людей до маленьких зверьков и растений. Только лишь дороги, ведущие к цитадели, которых можно по пальцам пересчитать, не входили в эту зону. Но разъездные патрули тщательно проверяли всех, кто передвигался по ним.

Цитадель осталась позади вместе со всем его ужасным внутренним миром. Можно было выдохнуть.

— Парк, займись возницей, нужно свернуть в какое-нибудь тихое место, — сказал я и очень строго посмотрел на сатрапа Алфинии.

Старый моряк кивнул и лихо вылез наружу.

— Миртон, вы готовы пойти на сделку со следствием! — сказал я официально-торжественно.

— Да, милорд, — казалось что сердце сатрапа сейчас выпрыгнет из груди в ожидании немислимых кар.

— Двое моих помощников и агентов секретной службы станут свидетелями и зафиксируют ваши показания, — Тор сперва недоуменно, посмотрел на меня, и мне пришлось его незаметно толкнуть. Он быстро вошел в импровизированный образ и достал книгу с пером и чернилами. Сэт тоже оказалась девушкой сообразительной. Она уставилась строгим внимательным взглядом на Миртона.

— В подвале цитадели Церемте умер барон Пардалис, вассал князя Шаронди, вассала Драманского императора, да будет его путь усеян цветами! — я благоговейно поднял взор ввысь и внутренне улыбнулся когда сатрап поспешно сделал также. Ужас раскатился по его лицу.

— Я... думал что... император в курсе... — в страхе быстро, но сбивчиво заговорил Миртон.

— Не перебивать! — прикрикнул я, и старик вжался в диван. Мне даже стало жалко сатрапа, но вспомнив ужасный пир харь и рабские бараки я понял, что нет, не жалко.

— Вам доставили вассала вассала Императора и вы осмелились его убить! Подчиненного, благословенного небесами, владыки мира! Можете говорить!

— Я... я не виноват.

— Строго по делу, — снова прикрикнул я.

— Его привезла личная гвардия принцепала Альфинии Ордена Верных. Сказали убиты как можно страшнейшей смертью. Я ничего против барона не имел. Думал что все согласованно с его императорским величеством, — он взял паузу, видимо молитвы за императора не входили в обиход общения аристократов. Было видно, что делает это он впервые. — Да будет благословенно имя его!

— Ты кому подчиняешься?! — я надвинулся на него всем телом и сказал со зловещим тоном. — Императору, да будет каждая его мысль вырезана в золоте, или принцепалу Ордена?!

Миртон с таким ужасом посмотрел на меня, что мне стало не по себе. Да. Я знал с сложных взаимоотношениях Ордена с властителями мира, но что бы субординация подчиненных нарушалась таким вызывающим образом... Видимо, подобные случаи, когда

приказания эпархов, принципалов, проскрипторов и прочих чиновников Ордена Верных были для имперских бюрократов законом, встречались регулярно. Я не стал продолжать эту тему, чтобы не раскрыться по незнанию.

— Привезли его одного? — моё сердце забилося со скоростью пулемета Гатлинга, предательский глотательный рефлекс подступил к горлу, но каким то чудом я сохранил выдержку.

— С ним была какая-то девушка. Они оба были без сознания, — ответил Миртон, задумчиво уставившись в стену. Мне хотелось схватить его за грудки и трясти до тех пор, пока вся информация из него не выйдет вместе с остатками его жалкой жизни. Я, собрав всю волю в кулак, спросил:

— И где она сейчас?

— Её планировали увезти в Дельфийский храм, перевоспитать и приобщить к древнему искусству служительниц богини Дельфии.

— В какой именно? — сказал я и получил незаметный толчок от Сэт. Похоже, что я сморозил глупость. Но тут же моментально поправился: — Когда именно? Сразу по прибытии обоих?

Похоже, старик не заметил мою оплошность

— Да. Этой же повозкой и увезли.

— Сколько прошло времени?

— Четыре дня, — сказал Миртон, после недолгого раздумья.

Я мысленно выдохнул. Ирис сейчас в каком-то Храме. Наверняка, пока её обучают пройдет много времени. А оно мне нужно, чтобы спасти свою жену. Храм Дельфы наверняка не долго будет отыскивать.

Нужно было что-то делать со стариком. Полезной для меня информацией он не располагает, а убить его страсть как хотелось. Бедные дельфийки, застревающие промеж зубов харь всплыли в памяти. Но он же мог и все исправить! Миртона можно использовать для улучшения жизни рабов, прекращения смерти дельфиек.

— Итак, брат архимагистр. Вы зафиксировали показания Миртона Мура, — произнес я официальным тоном. И добавил, обращаясь к сатрапу: — Выйдите, мы проведем совещание с коллегами по вашему делу. Парк, погуляйте с Миртоном.

Тор засмеялся зажимая рот руками, а Сэт улыбалась в тридцать три зуба.

— Ты его просто уничтожил, — сказал парень.

— Я всегда его видела таким надменным, а он меня даже не узнал. Вся его спесь вылилась вместе с мочей в штанах.

— Главное сейчас — это как можно скорее убраться отсюда, пока не хватились старика. Ну и по возможности, сделать жизнь обитателей цитадели легче. Сделайте лица серьезнее, все таки приговор оглашается.

Парк привел Миртона к карете и открыл дверь. Тот склонив голову, смиренно слушал приговор.

— Посоветовавшись Высшая судебная тройка секретной службы его Императорского величества, да будут его слова законом для всей вселенной, постановила! В связи с вновь открывшимися обстоятельствами отправить дело сатрапа Альфинийской области Миртона Мура на следствие. В качестве меры в будущем положительно повлияющей на решение Высшей судебной тройки станет создание приемлемых условий проживания персонала или их отпуск на свободу, а также роспуск всего персонала дельфиских девушек. Вам понятно?

Миртон радостный, не веря своим ушам, тряс гривой.

— Отпускаешь рабов и дельфиек, если они остаются создаешь нормальные условия для жизни. И чтобы больше никаких смертей!

— Но у дельфиек такие правила.

— Значит не нужно их больше насиловать! — я повысил голос. И добавил значительно тише, но очень важным тоном. — И последнее. О нашем договоре, о всем происходившем и о нас не должен знать никто! Секретная служба на то и секретная, что о ней никто не должен знать. Операции по внедрению ведутся годами и если твой болтливый язык станет причиной их срыва или смерти агентов, поверь, тебе лучше не знать что с тобой случится.

Миртон замотал головой. Парк привел кучера, который все это время провел привязанный к дереву вдали.

— Прими это как последний шанс от императора, да будут его руки сильны как сталь, так как он держит в руках весь мир, — сказал я и мы вчетвером отвернувшись от кареты, пошагали в поле не оглядываясь. Голливудская сцена эффектно напустила тумана таинственности на сознание сатрапа.

— Не видно кареты? — спросила Сэт.

— Нет, — ответил, украдкой обернувшийся, Тор.

— Ух. Это было круто, — она повалилась в траву, смеясь от накопившегося напряжения.

— Да ты гений, малец, — загоготал Парк. — С тобой можно на любую делюгу идти.

— Ты бы видел рожу этого сатрапа, когда над ним, прямо ногами на подушке возле лица стоял Миша, — Тор валялся от смеха. — Я выражение такого страха на лице видел впервые.

Вся странная компания свалилась в траву, переводя дух после произошедшего. Накопившаяся усталость и напряжение давали о себе знать.

Но долго отдыхать было опасно. Надо было решать что делать, как дальше быть.

— Итак, основную задачу мы решили, — собрал я в круг беглецов, после недолгого отдыха. — Теперь у вас есть долгожданная свобода, и вы вольны идти куда заблагорассудится. Вы проявили себя смело и решительно, все детали операции разыграли великолепно. Поздравляю!

Одобрительные возгласы огласили округу, а Сэт даже всплеснула руками.

— Я иду спасать свою жену Ирис, которую увезли в какой то Храм Дельфы, — "в лоб" поделился я своими планами, переводя разговор в практическое русло. Я не знал что это за Храм, сколько их и где они находится.

Оказывается, Сэт тихонько толкнула меня в разговоре с Миртоном, потому что храм Дельфы только один. И только невежды не знают этого. Ненужные сомнения в компетентности имперского агента ни к чему. Находился этот Храм на острове, большом острове и представлял собой огромный комбинат по тотальной обработке личности девушек. Их свозили сюда и младенцами, и достаточно взрослыми. Главное условие — чтобы была нерожавшая. Партиями и по одному, похищенные и проданные, насильно и в поисках пропитания, они прибывали на этот остров практически круглосуточно. Также круглосуточно отходили корабли с очередным "товаром" — готовыми на все, послушными и кроткими девушками, умевшими не только любить, но и вкусно готовить, петь песни, играть на музыкальных инструментах, танцевать, придумывать и рассказывать интересные истории, шить одежду, наводить чистоту в доме, организовывать уют и досуг своего хозяина.

— У кого какие планы? — спросил я после географического и культурного ликбеза со стороны подельников.

— Если честно, — сказала Сэт немного погрузнев. — Мне некуда идти. Пираты вырезали мою семью и продали меня в Храм Дельфы, так что можно я останусь с вами? Я знаю о Храме многое, надеюсь, что пригожусь. Да и куда сейчас податься одинокой девушке?

— Конечно, Сэт! — сказал я. — А ты Парк?

— Я так понял, — моряк улыбнулся своей не очень красивой улыбкой. — Вы идете к Халидскому морю, штурмовать остров Храма Дельфы. То как вы это сделаете без старого моряка? Да и идти мне тоже некуда. Мечтой было ощутить морские волны и соль от них на губах, да помереть уже. Я с вами.

— У тебя то, Тор, ведь есть куда идти. Родители, родственники.

— Да я в армию пошел, чтобы не идти по их стопам. Не делец я, не торговец. Все эти шантары для меня с детства поперек горла. Да и беспокойно сейчас там. Говорят, еще воюют! Тем более с тобой не пропадешь! Я туда, куда и ты, навсегда! Уверен, что вернем твою жену и уедем в твое баронство Пардалис.

— Так ты из баронства Пардалис? — изумился Парк. — О нем столько слухов.

Неудивительно. Ведь именно ведомство Антонира и являлось их генератором среди простого люда, заманивая переселенцев со всего континента.

— Я тоже туда хочу! — почти вскрикнула с детским восторгом Сэт.

— Там и флот, говорят, приличный, — добавил Парк. — Пиратов щелкают на раз-два. Так что я вдвойне с тобой.

— Вот и решено, — подытожил Тор. — Вместе до конца.

— Согласен.

— Я с вами.

— И я тоже.

Теперь нужно было определить кратчайший маршрут. Парк знал, что цитадель Церемте является административным центром Альфиниской сатрапии (области). И находилась севернее и немного западнее побережья Халидского моря — северной части Южного океана. Если идти на юго-юго-восток, то мы попадем в Удакию — крупный промышленный центр и мощный портовой транспортный узел. Он соединяет Залив Четырех дев (самая северо-западная точка Халидского моря) и впадающую в него полноводную реку Такс, которая течет почти через всю огромную Драманскую Империю и на которой стоит её столица Робастус. Река эта является ключевой транспортной артерией торгово-промышленной и финансовой жизни империи, а Удакия воротами в цивилизацию. Конечно, дальше на восток есть крупные торговые и промышленные города, например Эрдания или Кораква, крупная военно-морская база Селентия, и прочие важные города, но именно Удакия приносит больше всего доходов в казну империи и обладает самым оживленным трафиком морских судов. Там очень легко найти возможность попасть на остров Храма Дельфы.

Из мешка Тора я достал одежды прихваченные в цитадели, ведь в подобном виде продолжать движение было, мягко говоря, подозрительно. И хотя очень хотелось еще отдохнуть, пришлось переоблачаться в найденные в спешке платья.

Почти все одежды оказались одинаковыми по фасону. Облачение богатых крестьян или бедных купцов. Неброские, но видно, что хорошего покроя. В голове быстро прикинул, что

команду мелких купцов мы изобразить сможем. Родилась легенда, когда мы в ходе бурного обсуждения, перемежающегося гоготом, родили такую историю.

Идем с торго в Кенории, продали все, включая повозку. Торгуем морепродуктами и овощами с побережья Халидского моря, в том числе и жемчугом. Парк был назначен отцом меня и Сэт, а Тор, имея более смуглую кожу, назначен мужем Сэт.

История девушки, которую она рассказала нам по дороге ужасала подробностями. Она была беременна на втором месяце от одного аристократа. И она сегодня бы была уже мертва.

Наставница регулярно проверяла месячные у дельфиек. Их отсутствие приводило к более глубокому обследованию. Если признавался факт беременности, девушек умертвляли. Древняя традиция говорила, чтобы прислужницы аристократов были чисты. Даже аборт делал их "грязными", а уж тем более роды. Да и незаконнорожденный от аристократа ребенок, не должен был компрометировать высокие фамилии. Поэтому дельфийки погибали в промышленных масштабах, но в таких же масштабах их и воспитывали.

Дельфийки были очень популярны в домах аристократов южных стран. За качеством "товара" смотрели наставницы — те немногие что смогли дожить, не забеременев за свою карьеру. Как правило это были некрасивые, нескладные мигеры со скверным характером.

"Промывали мозги" на острове похлеще всякой секты. Сформированная веками система очень редко давала сбои. Но бывали и исключения. Яркий пример тому Сэт. Она под любыми предлогами не принимала выдаваемые препараты, старалась уснуть на методических мозговых "полосканиях", критически воспринимала даже правдоподобную информацию. Когда её захватили пираты с целью перепродажи в Храм, то её мудрая тетя, умирая от колотой раны, сказала как сберець здравый мозг: надо сохранить все воспоминания до Храма и доверять только им. Своего рода проводить откат системы к заводским настройкам.

Она видела как менялись люди на глазах. Становились лабильны, малахольны, внушаемы. Она чуть с ума не сошла и ей приходилось притворяться такой, чтобы не потерять надежду попасть во внешний мир.

Когда её, вместе с партией таких же, купили в цитадель Церемте, она думала, что вот сейчас-то непременно сбежит. Но всё превратилось в еще больший ужас, такой, что она горько пожалела что покинула остров. Ужасные оргии, отвратительные противоестественные вакханалии, разгул низменных ритуалов, выполнения безумных прихотей хозяев, ведение рутинных хозяйственных дел, смерть всех забеременевших и жуткое промораживающее до костей ожидание своей участи. "Развесели меня" — запрос аристократа, с похмелья мучающегося больной головой. А если "царевну несмеяну" не удавалось рассмешить, то в дело шли его кулаки. Дельфийки терпели разнообразные унижения. Запросто могли помочиться им на голову, или заставить вымазаться в меду и ждать пчел, бороться друг с другом в грязи гольшом или... Я сам прервал перечисление примеров, поскольку если так станут делать с Ирис, я просто сойду с ума и вырежу каждого аристократа и богатея. Я уже пожалел, что отпустил Миртона.

— Сколько ведется обучение? — спросил я мрачно.

— От нескольких недель до десятков лет, — сказала Сэт, поняв, что сболтнула лишнее. — Все зависит от степени подготовки к нужным кондициям и желания покупателя. Ничего определенного по срокам нет.

Путь до Удакии предстоял неблизкий. Почти тысячу километров нужно было пересечь максимально быстро. Самый доступный вариант — купить лошадей. Благо — незаметно

пришлось приложиться к сокровищам сатрапа.

Вот бы сейчас трансмутаторы улунов! Что-нибудь быстроходное, например тот корабль, что выпал при атаке тварей из Черного замка. Река Такс от нас в сотне километров. Надо было зайти в ближайший город по пути, выяснить вопрос с конями или речным транспортом, и вообще насобирать побольше информации, "потолкаться" на рынке, чтобы принимать решение о способе более быстрого трансферта в Утакию.

И впереди как раз лежал немаленький город Сильвантия. Он не только обслуживал цитадель в плане поставок грузов различного назначения, но и являлся перевалочным пунктом торгового маршрута с северных областей Драманской Империи на пути в Утакию. Кенория, из которой мы по легенде едем с торгового маршрута, кстати, является одной из них.

Разросшийся посадами город был окружен крепостной стеной. Еще только приближаясь к самому городу, насколько хватало глаз виднелись поля, на которых мирно трудились крестьяне.

К большому моему облегчению, все мои спутники были невозмутимо уверены в себе. На их лицах не было ни капли страха, даже когда городская стража в воротах придирчиво нас осматривала, выясняя кто мы такие.

В самом городе было пыльно, душно и тесно. Узкие улочки и высокие здания давили на психику. Многолюдная и пестрая толпа текла во все стороны. Дети бегали туда-сюда. Ругались носильщики, столкнувшись повозками и требуя приоритета проезда. В ухо кричали разнообразные торговаши, "впаривая" все, начиная от стакана воды, до мифических камней всемогущества. Я улыбнулся. Если у тебя есть эти камни, почему ты не всемогущий? Типичный торговый город.

Нужно было поесть и таверна "Копчёный лось" улыбнула своим названием. Пять золотых безантов я спрятал в подкладку одежды — такая невероятная роскошь вызвала бы нездоровый интерес не только у местной швали, но и у представителей городских силовых структур. Серебряные милиарсии и бронзовые скифаты мы поделили еще в дороге, так, что звенящие мешочки имелись у всех, спрятанные надежно от карманников и воришек.

Глава 19. Гостеприимная Сильвантия

Таверна была весьма опрятна относительно общего вида города. Полы были заблеваны лишь слегка, пятна крови почти не бросались в глаза, а пленка засохшего пива блестела не везде. Разношерстная публика, полностью погруженная в свои дела, почти не заметила вошедшую четвёрку. Кто-то разговаривал, съедая поздний обед или ранний ужин, у кого-то уже пузырились сопля из носа во время блаженного сна на столе после убийственной дозы алкоголя, кто-то дурил в карты лоховатых простаков. Хитроватые морды в углу уже оценивали вошедших на предмет того, как бы половчее поднять денег на новых посетителях. Группа солдат так смачно гоготала, над отрывкой товарища после серьезного глотка пива, закушенного куском жирной копченой рульки, будто ничего на свете смешнее не слышали.

За барной стойкой стояла миловидная девушка. Поначалу я был немного смущен когнитивным диссонансом, но, увидев как она морально уделывала пышущего тестостероном уличного громилу, который отказывался платить за выпивку, понял — девушка на своем месте.

Мы сели за свободный столик. Вели себя как завсегдатаи этого места, ничуть не выказывая глазерством по сторонам свою желторотость. Парк одним своим обезображенным видом внушал почтение.

— Заказать еду нужно за стойкой, — шепнул какой махровый дед за соседним столом, беззубым ртом обсасывая свиную кость из похлебки. — Официантку вчера арестовали за отрубленную руку дона Картиныю, который пытался дотронуться до её прелестей.

Ну и нравы тут. Официантка рубит руки за безобидные прикосновения, а бармен решительно выдвигает финансовые претензии парню явно не из робкого десятка.

— Чтоб духу твоего здесь не было! — крикнула она уходящему с позором мужлану, сжимая выщарапанную у него мелочь. И мгновенно переменившись в лице, как ни в чем не бывало, с гостеприимной улыбкой обратилась ко мне: — Чего изволите?

— Нам четыре луковых супа, четыре тарелки жареной картошки со свиными ребрами и четыре кружки вашего лучшего пива.

— Хороший выбор, — она с интересом посмотрела на меня, и я заметил волевые морщинки в углу её глаз, сформировавшиеся от жесткой атмосферы на её работе. Унося заказ на кухню, она, как бы невзначай, бросила: — Луковый суп не помешает амурным делам с вашей женой.

— Не знаю как у вас, но в наших краях такие отношения с сестрами не приветствуются, — бросил я вслед уходящей барменше и увидел легкую улыбку на её лице. Она что со мной флиртует? Или это обычный гостеприимный подкол?

Пока ждали заказ к нам подсел какой-то потный, сальный жирдяй.

— Сразу видно, вы тут новенькие. За деньгу малую могу показать как тут и что. Провести по самым значным местам или продемонстрировать самые выгодные товары и места их продажи.

Парк было открыл рот, чтобы крепким словцом отшить навязавшегося гида, но я едва заметно сделал ему знак рукой.

— Уважаемый, нам очень приятно что вы предложили свои, без сомнения, ценные услуги, но, к сожалению, вынужденны вам отказать.

Жирдяй понял, что ничего не понял, но осознал, что ему отказали и в недоумении

отошел.

Мысли роились. Время — вот тот ресурс который неумолимо точил мое самообладание. Ирис, Пардалис, подданные — все зависят от того, насколько быстро я найду решение.

Очевидно, что пока доступны два варианта — по имперской дороге на юго-юго-запад. На лошадях, которые здесь были безумно дорогими, путь займет минимум 3–4 дня, и то если загнать лошадей и устать самим. Если пойти к реке Такс и погрузится на какой-нибудь корабль, то опять на все про все уйдет 3–4 дня. И у того и у другого варианта были свои плюсы и минусы. Но всегда возникнет какая-нибудь неприятность, что удлинит маршрут или увеличит время в пути. Вдруг не окажется попутных кораблей в порту, или лошади по дороге получают травму? На запад от города начиналась пустыня, простиравшаяся до прибрежных районов близ Удакии, но безжизненная местность не располагала к быстрому перемещению. За рекой Такс к югу вообще располагались болота, где в непроходимой местности населённый странным народом Кенаи, живущим веками в самоизоляции, да всякие поселения беглых преступников и неудавшихся революционеров. Там мало того, что опасно для жизни, да еще и транспортная инфраструктура отсутствовала совсем.

К нам подошла барменша, кивнув здоровенному парню у выхода, который здесь был вроде вышибалы.

— Вы тут новенькие, будьте осторожны! — шепнула она, расставляя заказанные блюда. — Человек Кракена уже выбежал куда-то, после того, как показал на вас.

— Кто такой Кракен? — спросил я.

— Да местный авторитет. Стукач у городского префекта, но зажимать купцов и путешественников, в пределах разумного, ему позволено, — сказала она и томно улыбнулась мне.

— Красотка, отобедай с нами, — сказал Парк. — Твое обаяние и свежесть возвращает мне молодость, а вокруг все превращает в райский сад.

— Не обижайтесь на моего отца! — сказал я, строго посмотрев на старого моряка. — После смерти матери он стал излишне сентиментален. Я Миша, это Парк, Сэт — моя сестра и Тор — её муж.

— Глассия, — сказала девушка. И легкой походкой, демонстративно виляя бедрами, ушла за барную стойку.

После приема пищи мы сняли два номера на втором этаже таверны (следуя легенде Сэт и Тору, как молодоженам, пришлось взять отдельный номер, а я с "отцом" поселился на ночь рядом), чтобы завтра с утра отправится в Удакию. Пока я не знал каким способом, но "кровь из носа" нужно выяснить сегодня.

Мы разделились. Парк пошел на рынок и торгово-промышленные ряды (что-то вроде современного офисного центра), затем заглянет на биржу и "потолкается" с моряками. Любая инфа сейчас на вес золота. Тор и Сэт прикупят припасы, некоторые шмотки, пособирают по городу местные слухи и тоже поищут варианты как нам быстрее добраться в Удакию. Я же отправился к местным ремесленникам, планировал посетить ратушу и заглянуть в местный музей.

Квартал ремесленников и местных кустарей славился своими умельцами и их смекалкой. Не было конкретной цели, но я решил, что там обязательно что-нибудь найду. Посмотрев в лавках что-нибудь интересное, я для себя отметил, что особого выбора, наталкивающего на решение здесь нет.

Пойти в Ратушу и представиться курьером императорской ямской гоньбы (доставщик

срочной почты)? Не факт, что сработает, друзей уж точно не возьмут в напарники, да время не сильно сократится. Пару дней скакать точно буду.

Мне бы сейчас капельку магии и волшебства. Я сидел в местной чайхане и потягивал свежий сок из апельсинов, росших в этой округе также часто, как березы у нас. Мозговой штурм, устроенный с самим собой, выдавал сумасшедшие идеи одну за другой. Сосед за столиком рядом хвалился жизнью на побережье возле Удакии своему собеседнику:

— Там настолько плодородные земли, что воткни палку и она прорастет, засунь палец, и вырастет человек. Солнце, обилие влаги, комфортная температура. Одно мешает — это горячий ветер с пустыни Сетаки...

Я поспешно встал из-за стола, расплатившись за сок. Мысль, которая меня захватила была безумна и одновременно гениально простая. Вернувшись в ремесленные лавки я попросил много веревок и ткани. Мой купеческий вид говорил о том, что я ищу товар для выгодной продажи на побережье, а для парусов ткань и веревки крайне нужны. Затем я зашел в мастерскую плетельщиц корзин.

Полногрудая немолодая хозяйка сразу же с улыбкой подскочила ко мне. Видимо с заказами у мастерской не густо. Крестьяне старались сами плести для себя все, а горожане ходили с латаными-перелатаными корзинами.

Мой заказ удивил ремесленницу, а сроки исполнения заставили озадаченно почесать подбородок. Накидав на бумаге все размеры, материал и геометрические формы, я вопросительно впери в женщину взгляд.

— Тридцать милиарисиев, — сказала она и испытующе посмотрела на меня.

— Десять, — бросил я.

— Двадцать, и по рукам, — произнесла она, довольная сделкой. И крикнула тут же куда-то в глубину коридора: — Чикита, собирай всех бездельниц, тут хороший заказ.

А я уже бежал в другой район города. Магия в этом городе была под жестким контролем, поскольку Орден Верных не терпел конкуренции, но старые мастера подпольно все же изготавливали безобидные безделушки. Разжиться смертельным магическим оружием было практически невозможно, но достать слегка измененные обычные вещи было вполне по силам. Так я, допытав в квартале ремесленников матерых торговцев, все же получил (не бесплатно, конечно) адресок одного из таких мест.

Лавка часовщика Мора, убогая и заросшая путиной, располагалась в неблагополучном квартале города. Сомнительные личности бросали на меня и мой прикид корыстные взгляды. Да послать за мной вслед крепких ребят могли и ремесленники, особенно после того как выложил кучу денег за ткань, веревки и странную конструкцию.

Мор, не поднимая головы, копался в каком-то механизме. Старик с маленькой круглой головой и полным отсутствием видимой растительности на теле, казался эдаким старичком-сморчком.

Я прокашлялся.

— Зет послал? С ремесленнического рынка? — спросил старик, все также не поднимая голову.

— Я не знаю его имени, но именно оттуда, — честно признался я. Диковинное место давило низким потолком каким то видимым на пределе чувств фиолетовым сиянием. — Мне нужны траснмутаторы улунов или модифицированные вещи.

Старичок поднял голову и хитро прищурился.

— А камни всемогущества тебе не нужны? — вполне серьезно спросил он. Я оценил его

чувство юмора.

— Мне предстоит трудное дело, — сказал я искренне. — И магическая помощь мне не помешает.

— Магия — это недоступная для нашего понимания наука и технологии, — сказал он, возвращаясь к своему занятию. — Трансмутаторы достать очень сложно. И нужно время. А вот модифицированные предметы можно посмотреть.

— Мне нужен долгоиграющий источник огня. Как можно долговременный.

— В экспедицию что ли собрался? — скорчившись от долговременной сидячей позы Мор полусогнувшись поплелся в чулан.

— Ну практически да. И оружия бы какого. И модификатор прочности.

— Магическое оружие под запретом. Так что извини, сынок. За все остальное — тридцать пять милиарисиев.

— Сколько?! — у меня полезли глаза на лоб.

— Ну а что ты хотел? Не камни всемогущества ведь покупаешь?

Темнело. Заметил за собой слежку. А затем на одной из пустынных улиц выросли двое здоровяков.

— Ты налоги заплатил? — ухмыляясь спросил один, перегораживая дорогу.

— Я добропорядочный гражданин и исправно плачу все налоги, — ответил я, жалея, что отправился в этот район в одиночестве. Здесь потерять жизнь проще, чем наступить в растекающиеся по мостовой помойные лужи. В таких местах даже тело не найдут, так что бесследно исчезнувший в трущобах Сильвантии барон Пардалис будет навсегда в памяти жителей маленькой и далекой, но очень гордой страны.

— А за городское гостеприимство отдельно Кракену заплатил? — сказал верзила, и я почувствовал, как сзади подошли еще двое, отрезая пути к бегству.

— Хорошо, — сказал я, спокойно доставая горсть бронзовых скифатов с редкими милиарисиями. — Мне понравилось городское гостеприимство.

Шансы с четырьмя мордоротами, в окружении, без оружия, тогда как у них блестят заточки и ножи у меня были околонулевые. Резонно было очистить карманы от тяжести мелочи ради того, чтобы быстрее реализовать свой план.

Ударом снизу вверх по моей вытянутой руке главный бугай с окладистой бородой, в которой запросто можно незаметно вынести из магазина полтораху пива рассыпал мелочь по мостовой.

— Гостеприимство стоит дорого и включает в себя продолжение твоей жалкой жизни, — мордорот был на голову выше немаленького меня, и ему пришлось наклониться чтобы сказать это мне. — Отдавай всё! Серебро, барахло, купленное в лавке этого чудика и зашитые в одежду пять золотых безантов.

Я не успел удивиться, откуда он о них узнал, как сзади послышалась суета. Двое громил, что подперли меня сзади, валялись бездвиженными.

— Кос, это наш человек и мы с ним работаем, — сказал сзади жесткий уверенный голос, отдающей брутальной хрипотцой фразе в стиле "лихих" 90-х.

— Смотри Рекс, вы с Глассией доиграетесь, произнес поднимая товарищей главный бугай-рекетир. — Терпение Кракена не бесконечное.

Четыре громилы ретировались в темноту, а мой спаситель, видимо Рекс, с четырьмя внушительного вида мужчинами принялись собирать монеты.

— Спасибо большое за помощь в трудную минуту, — сказал я.

— Да не мне надо говорить, а Глассии, — сказал Рекс. — Она отправила меня за тобой.

— Зачем?

— Во-первых, ты наш постоялец. Мы несем ответственность за тех, кого приютили. Эти поддонки используют ведов, чтобы выяснять сколько и кого имеется денег в кармане. Затем отслеживают и грабят. Поэтому, во-вторых, нам это сильно не нравится. Ну и в-третьих, Глассия очень просила.

Рекс подмигнул с достаточно понятным намеком. Еще он сказал про каких-то ведов так слишком буднично, как будто о чем-то широко известном. Так что я не стал лезть с вопросами. Но нужно было про них запомнить, чтобы потом выяснить.

— Кому нам? — поинтересовался я.

— Мне и моим сестрам — Глассии и Ингрид.

Он протянул собранную мелочь мне и не стал продолжать вдаваться в подробности.

— Я ваш должник и от чистого сердца хотел бы вас отблагодарить.

Рекс помотал головой.

— Не в деньгах счастье. А чтобы оставаться человеком. Настоящим человеком.

Молчаливые громилы за его спиной утвердительно махнули головами, соглашаясь со словами старшего.

В таверне уже ждали вернувшиеся Парк, Сэт и Тор. Люди Кракена не позарились на их серебро, так что и грабить их не стали, сосредоточившись на мне. Носильщики уже привезли с рынка несколько десятков погонных метров высокопрочной парусины и пару сотен метров крепкой бечевки. В просторном подвале, что я арендовал у Глассии, с десятка нанятых мной на ночь швей изготавливали странную для них конструкцию. Но подробные инструкции, данные каждой девушке, позволили действовать четко и грамотно.

Я ждал, когда привезут заказ из мастерской плетельщиц корзин и результат работы подпольного ткацкого цеха в таверне, поэтому у меня было свободное время.

Парк полдня провел с переменными успехами. Ему удалось обзавестись связями с моряками в Удакии. Своего рода профессиональное братство, даже удалось найти парочку, с кем ходили в Южном океане. Так что там, в случае чего могут помочь. Еще он узнал что в порту Паймет на реке Такс, что в ста километрах от Сильвантии послезавтра ожидается две погрузки и за два дня к вечеру мы можем успеть на них. Парк даже договорился на четыре места на одном из кораблей за приемлемую плату.

Сэт и Тор прикупили немного нижнего белья, потому что камзолы не совсем подходили точно в тело и натирали при ходьбе. Также прибарахлились средствами личной гигиены, хозяйственными мелочами и прочим нужными мелочами. Они похохатывали от шуток друг друга, смотрели уже как-то по-другому друг на друга и вообще, чувствовалась что за день, проведенный вместе, отношения у них как то поменялись. Если раньше были просто дружественные, то теперь можно было заметить нечто большее.

По словам Парка, Сэт и Тора город бурлил перед приездом прославленного полководца, героя трех войн, Фельдмаршала Юнга. Его сотрясали разборки преступных кланов, деливших подать торговцев. Сепаратисты пытались возродить Альфинскую республику, уже сто лет как поглощенную империей. Их отлавливали, вешали, но они появлялись снова. Тайная организация "Альфа" вела какую-то подрывную деятельность. Была еще одна тайная организация боровшаяся с центральной властью — созданная династией низложенного еще сто пятьдесят лет назад императора Генесия Антропорка ячейка "Стальные сердца". И еще великое множество слухов и баек, не представлявших ничего ценного, собрали друзья по

всяким общественным местам и заведениям.

В таверне выступал какой-то народный ансамбль. Пьяные посетители уже всю выплясывали под причудливую музыку. Кто-то уже спал от выпитого, а кто-то еще не проснулся прошлой моей трапезы. Кампаниям и по одному — все хотели как можно ярче провести эту ночь. Для меня она тоже будет жаркой.

Глава 20. Нужно быть настоящим человеком

Глассии не было за стойкой — там стоял хмурый парень с неприветливым лицом. Из подсобных помещений выходили с пугающей частотой мужчины. У всех на лице видно напряжение и решительность.

На улице, во внутреннем дворике таверны вообще царило столпотворение. Рекс быстро раздавал указания убывающим в темноту группкам людей, а те растворялись в темноте. Повозки везли что-то укрытое плотной тканью.

Намечался какой-то кипиш. И хотя все происходило при почти полном отсутствии суеты, чувствовалась напряженная атмосфера.

Заметил у курятника Глассию, которая отдавала инструкции какому-то старику.

— Могу я чем-то помочь? — спросил я максимально участливо.

— Не сегодня Миша, — торопливо ответила она. — Мою сестру Ингрид, что отрезала руку дону Картиныю, сегодня этот урод выкупит из тюрьмы и привезет к себе. У меня волосы становятся дыбом от того, что он с ней сделает. Пытаемся помешать этому. А вы наши гости — отдыхайте и наслаждайтесь яствами. Сегодня будет особое меню.

Она быстро упорхнула куда то дальше. Я подошел к Рексу. Тот уже освободился от организационных обязанностей и укреплял упряжь своей лошади.

— Рекс, я хочу помочь, — с ходу обратился я к нему. — Глассия мне все рассказала.

— Я ценю твое желание, но подвергать опасности своих гостей не буду.

— Это мое сознательное решение и вся ответственность лежит на мне. Помнишь, ты говорил, что деньги не главное. Главное быть человеком. Настоящим человеком.

Рекс на секунду остановился, неодобрительно покачал головой и добавил, садясь в седло лошади:

— Через пятнадцать минут у городской ратуши...

Я, стараясь не привлекать внимание, быстро добрался до своей комнаты. Меня выручили, а долг платежом красен. Если бы я уснул в номере и не услышал всей этой возни, морально я бы еще смог себя оправдать неучастием в затеваемом событии — не знал и все таки на носу выполнение задуманного плана. Но сейчас, зная обо всем этом я бы себя съедал себя без майонеза и кетчупа целую вечность.

Парк, пригубивший полбутылки местного рома, блаженно похрапывал. Свой удобный кинжал на подобии даги, только с более коротким эфесом, я отыскал в своих вещах. Не идти же на "дело" без оружия. "Отец" тут же проснулся трезвый, как стекло и увидев меня с оружием, поинтересовался:

— Ты веселиться и без меня?!

Он вскочил с кровати и напялил свой камзол. В дверь постучали Сэт и Тор. Парочка ужинала внизу, и похоже мило проводила время. По нам было понятно, что идут сборы на что-то важное. Чтобы не было недомолвок я сказал:

— Друзья, я отправляюсь помочь Глассии и рисковать вашими жизнями не хочу.

— А своей так можно, — всплеснула руками Сэт.

— А как же клятва быть вместе до конца? — спросил Тор.

— Вы правы, это железный аргумент, — сказал я, соглашаясь. — Я просто хотел обезопасить вас.

— Всякие заварушки — это ведь лучшее веселье, — воодушевился Парк.

— В следующий раз давай без самодеятельности, — сказал Тор. — Куда ты, туда и мы.

Дон Картиныю — местный богатеи, купец и промышленник, один из влиятельнейших людей города. Хозяин жизни, он считал что является и хозяином людей. Если его взгляд падал на красотку, то не было никаких препятствий для того, чтобы она попала в объятия дона. Сложностей обычно не возникало. Умело оперируя деньгами, властью и связями он всегда добивался своего. Но с Ингрид такого не получилось. Она несколько раз демонстративно отвергла его. Ни префект, ни городская стража не могли повлиять на Ингрид, поскольку уважали и боялись Рекса. Но когда того не было в городе, дон Картиныю вместе со своими людьми завалились в таверну и хотели силой уволочь Ингрид. Она просто напросто отрубила негодяю руку. Её арестовала городская стража, под честное слово, что не выдадут девушку мерзкому и любвеобильному богатею. И сегодня стало известно, что оправившийся и кипящий злобой гадкий дон Картиныю выкупил Ингрид из темницы. О том что с ней станет лучше и не думать.

У ратуши на площади было пустынно, а мы вчетвером стояли в подворотне наготове. Раздался свист и из проулков и улиц выбежали пару десятков мордovorотов Рекса. Мы тоже было хотели ринуться вслед, но какой-то рыжий силач ухватил меня за плечо.

— Постой. Рекс сказал, чтобы вы шли к дому дона Картиныю. Основная "вечеринка" будет там. Это лишь для отвлечения внимания и запутывания городской стражи. Пошли за мной.

В паре кварталов высился пятиэтажный дом этого богатея. Немногословный рыжий громила пристроил нас за стенкой сарая для речных лодок. Появился Рекс который вместе с Глассией обходил позиции заговорщиков. Девушка с каким то уважением, благодарностью и нежностью посмотрела на меня. Этот коктейль эмоций с её стороны охладил мой трепет перед битвой. Я тут же вспомнил об Ирис.

— Проедет карета с эскортом, — шепотом пояснил задачу Рэкс. — Как она остановится и начнут открываться двери особняка, нужно как можно скорее атаковать весь кортеж. Глассия и Сэт захватывают Ингрид и уводят в безопасное место. Остальные штурмуют дом. Нужно раз и навсегда отвадить гада лезть не в свои дела.

Минуты напряженного ожидания текли медленно, скрашиваясь лишь криками со стороны ратуши и огнем пожарищ. Пробежало два отряда городской стражи, патрулирующей улицы в этом районе, привлеченные беспорядками в центре города.

Затем появилась карета, за которой следовали шесть всадников. Ворота стали открываться. И с четырех сторон хлынули нападавшие. Всадники достали пистолы послышались выстрелы, сопровождающиеся стонами раненых и умирающих. Рекс буквально скинул с седла одного из эскортников. Глассия было рванула дверь кареты... как отлетела от выстрелов пистолей, сделанных изнутри. Сэт ринулась ей на помощь, а Рыжий силач, методично месивший двумя огромными мечами фарш из эскорта, направил свое смертельное внимание на карету.

— Её здесь нет, — проревел он сквозь шум атаки, когда четверо обитателей кареты были вытащены на улицу мертвыми.

— Что? — калеча последнего всадника прокричал Рекс.

— Это засада! Нас подставили! — крикнул рыжий.

Другие группы заговорщиков уже штурмовали особняк со всех сторон. Слышался звон разбиваемого стекла и крики испуганного персонала. С каретой и эскортом было покончено, а Рекс склонился над сестрой. Глассия была смертельно ранена в грудь и её силы буквально

исчезали на глазах. Сэт как могла сдерживала платком пульсирующий фонтан крови, но все было тщетно.

Мне было неопишимо жалко, обидно и грустно от этой картины. Меня буквально потрясло увиденное и я стоял в ступоре. Я бы сейчас отдал бы всё, свою жизнь за неё, но ни чем не мог помочь бедняшке. Модификатор прочности, который я купил у старика, действовал только на вещи. Стоп! Старик! Стоять и смотреть просто так!

Я резко подхватил девушку и усадил её в карету.

— Сэт, плотно прижимай рану. Рекс, я постараюсь ей спасти, — крикнул я, скидывая мёртвого возничего. Торопливый перестук копыт, подгоняемых хлыстом огласил округу.

Мимо проносились окна, кварталы, улицы и площади. В городе зарождался массовый кавардак. Силами нескольких десятков людей Рэкса невольно разжигалось пламя беспорядков. Ведь простому народу только дай повод — он не будет знать что, во имя чего и с какой целью, но обязательно примет участие в кипише. То тут, то там слышалась мушкетная стрельба, пару раз палили из бомбард, лай собак, крики, стоны, проклятия и радостные возгласы, звон стекла и глухие звуки ударов кулаками — ночь действительно обещала быть жаркой.

Но я несся, сломя голову, в негостеприимный квартал, а навстречу мне валили толпы бедноты из трущоб, разбуженные звуками беспорядков. Ногой выбив хлипкий засов двери я внес умирающую Глассию внутрь. Горел этот фиолетовый не очень приятный свет, который мне напомнил кварцевание помещений в больнице.

Заспанный сверху спускался старик Мор. Я упал на колени перед ним.

— Умоляю, нет времени объяснять — дорога каждая секунда, — я буквально взвыл перед стариком, настолько мне хотелось ускорить его и отвратить от негативной реакции от моего наглого ночного посещения. — Спасите умирающую.

— Поздно, она потеряла много крови, — старик прищурился, осматривая девушку. — Ранение в аорту, пуля на вылет.

Я разорвал камзол и вывалил перед ним пять безантов, затем высыпал из мешочка остатки серебрянных милиарисиев. Увесистые золотые монеты, на которых можно было купить здесь полквартала, привлекли внимание Мора и тот жадным взором, будто облизал, посмотрел на них.

— Берёг для себя... Старый ведь уже, всякое может случиться, — старик скрылся за занавеской своей кладовки. — Такую вещь сейчас не достать.

Склянка с фиолетовой жидкостью, которую он опрокинул в рот Глассии, светилась также как и внутренне пространство лавки. Рана в груди девушки стала затягиваться, дыхание стало ровнее, как и пульс. Глассия была без сознания.

— Через пару часов очухается, — уверенно сказал старик, сгребая монеты. — Такая склянка есть ни у каждого короля или правителя. И мне практически невозможно будет достать новую. Но я, пожалуй, лучше отправлюсь в путешествие в Бархатные горы в обитель мудрости.

Его мечтательный вид меня не волновал нисколько. Все мысли были сосредоточены на девушке.

— Ну все, ступайте... Ступайте... — Мор недовольно закричал, дергая выбитый засов. — Еще с дверью полночи возиться!

Возле дома донна Картиныю разгоралась драма: местная голытьба выносила из особняка все, что только можно и натыкалась на улице на военных, прибывших на усиление городской

страже. Кипевшая бойня подкреплялась канонадой ружей, лязгами мечей и сабель, яростными криками дерущихся.

Рекса не было. Как не было Парка с Тором. Где их искать я понятия не имел, но от кареты решил избавиться пока не поздно. Отвязав двух коней, одного отдал Сэт, которая все это время не переставала следить за состоянием Глассии.

Очень осторожно усадили девушку боком на лошадь перед собой. Она, находясь без сознания, все время грозила упасть с животного.

Доехали до ратуши, но там тоже кипел бой бедняков с городской стражей. Еле унесли ноги, потому что чуть не попали под раздачу со стороны тех и других. Творился всеобщий хаос и анархия. Решили ехать в таверну. И правильно.

Все участники заварушки уже сидели там. Рекс обнимал спасенную Ингрид. Парк и Тор напряженно ходили из угла в угол, переживая за нас. Раненым перевязывали раны и прижигали открытые кровотечения. Какому-то бедняге вытаскивали пулю, ковыряясь щипцами в спине, другому шили рубленную рану на ноге. Не обошлось без потерь — было убито шесть человек и их тела сейчас оплакивались во внутреннем дворике таверны.

Дон Картиныю распустил слух о том, что выкупил Ингрид и везет её к себе. Сначала он хотел покончить с Рексом и Глассией, которые наверняка придут на выручку, но немного просчитался с количеством требуемых людей. В его планах был захват брата и сестры Ингрид, затем и выкуп последней. А дальше его кровожадные замыслы плели варианты казни Рекса и Глассии на глазах сестры. Ну а потом...

К сожалению, он думал что двенадцать человек, шесть эскорта, четыре в карете и двое возникших справятся, но не учел, что Рекс подключил к этому делу все имеющиеся ресурсы. Даже мелкокалиберную бомбарду в повозке притащил. Пришлось штурмовать тюрьму и вытаскивать Ингрид из камеры. Сделали это под шумок, во время народного бунта, выпустив всех заключенных. Пока суд да дело, разборки и следствие все можно списать на волнения городской бедноты. Для надежности подожгли архив, где вели записи о всех арестантах и их делах.

Что же касается дон Картиныю, то его задушили в винном погребе в его особняке, которые грабила беднота. Она же и задушила мерзавца, защищающего свои антикварные вина от алчных взоров гуляющего народа.

Рекс и Ингрид, когда увидели свою сестру живой, пришли в неописуемый восторг. После такой раны не выживают, и они уже было оплакивали Глассию и тут являюсь я с Сэт, а на руках у меня приходящая в себя хозяйка таверны.

Несмотря на городские беспорядки мою огромную корзину привезли. Шведы закончили свое дело и устало причесываясь исколотыми пальцами ожидали моей приемки изделия. Всё было готово.

Светало. Пожары, крики, стрельба и вопли уже переместились в кварталы бедноты, видимо, народ вытеснили из административных и купеческих кварталов. Надо, пользуясь всеобщей сумятицей, покинуть город как можно быстрее и незаметнее.

— Мы в неоплатном долгу перед тобой, — сказал Рекс и посмотрел очень признательным взглядом, полным уважения. — У нас есть кое-какие сбережения...

— Не в деньгах счастье. А чтобы оставаться человеком. Настоящим человеком, — повторил я сказанную вчера его фразу. — Единственное, что я попрошу — нужно много воды, немножечко еды и кое-какая помощь от твоих людей.

— Конечно, брат.

Мне было приятно уважение такого человека как Рекс. Честный, справедливый, великодушный и сильный — качества для народного лидера. Глассия была слаба, но уже ничто не угрожало её жизни. С ней неотлучно была Ингрид. Она спала, поэтому я не зашел попрощаться. На лошадях и повозке мы проделали путь от города до пустыни за четыре часа. Бессонная ночь измотала людей Рекса, но никто не отказал в помощи.

Вдесятером мы расстелили сотканное из крепкой парусины изделие. На все любопытные вопросы Рекса и его друзей я отвечал правду — мы полетим на этой шпуковине. Но мне не верили. Они думали что это очередная шутка и поход в пустыню какая то моя блажь. Парк и Тор смотрели на мои придумки как на капризы сумасшедшего, хотя полностью доверяли мне. Но я особо не парился — время расставит все по местам.

Пустыня днем раскаляется до пятидесяти градусов. Горячий воздух легче холодного и поднимается он вверх, то есть тяговое усилие гарантированно. Когда я услышал мнение дачника с побережья, что ему мешает ветер с пустыни, сложил дважды два. То есть направление движения ветра совпадает с тем, куда нам нужно попасть. Более простого и легкого пути как создать воздушный шар не было.

Последним штрихом на полученную в результате упорных усилий исключительно женских рук жительниц гостеприимной Сильвантии конструкции я наложил модификатор прочности. Это магическое усиление давало дополнительную прочность почти в два раза и усиливало герметичность в три раза, по сравнению с исходными качествами. Долговременный источник огня был, прямо скажем, не очень качественный, но наполнить купол шара горячим воздухом сумел. Да и в дороге пригодится, в случае изменения воздушных потоков и отсутствии тяги. Клапан-крышка, предусмотрительно сделанная на самом вершине купола, поможет в высотном маневрировании.

Воды в пустыне требовалось действительно много, поэтому гигантскую корзину наполнили емкостями с водой, припасов взяли чуть-чуть — планировали как можно быстрее попасть на побережье, да и на жару как-то не до еды.

Несмотря на все опасения шар стоял, наполненный горячим воздухом и рвался вверх под потоками раскаленного жара пустыни, удерживаемый лишь тросами, привязанными к гигантским валунам.

— Мы всегда рады тебя видеть у нас, брат, — сказал Рекс очень душевно. — И спасибо за сестру. Если нужна будет помощь, дай знать, я всегда тебе помогу.

— Спасибо, брат, — ответил я. — В свою очередь, всегда рассчитывай на меня, если что случится.

Пообнимавшись на прощание со всеми, мы залезли в гондолу и я перерубил кинжалом бечевки удерживавшие воздушный шар. Медленно оторвавшись от земли мы стали подниматься вверх, уносимые ветром на юго-юго-восток. Возгласы удивления расслышались внизу, а мои спутники крепко схватив руками края гондолы боязливо присели на дно, стараясь совладать с незнакомыми ощущениями вестибулярного аппарата.

— Ты и людей воскрешаешь и гигантские корзины в воздух поднимаешь. Кто ты? Волшебник, маг, или может быть улун? — недоуменно обратился Парк, когда у него закружилась голова.

Глава 21. Город, бурлящий жизнью

Люди на поверхности земли медленно уменьшались в размерах, а шар всё быстрее набирал высоту. Горячий воздух подхватил нас как игрушку и понес на своих дланях к нашей цели — побережью Халидского моря. Источник огня, представлявший собой немного странный пень, который мы установили вместо газовой горелки, должен был работать, по заверениям Мора, как минимум сутки. Этого времени вполне должно было хватить на весь путь, судя по моим подсчетам. Сочетание его работы и обжигающего дыхания пустыни должно было гарантировать как минимум, что мы не рухнем и не разобьемся в полете где-нибудь посредине пустыни.

Не зря я попросил у Рекса много емкостей с водой. Уже через час полета мы "уговорили" на четверых по литру воды, хотя договаривались быть по экономнее. Мои спутники в основном сидели по углам корзины — настолько их пугала картина, открывавшаяся с бортов воздушного шара. Мне же приходилось рулить всеми процессами самостоятельно: следить за горизонтом, высотой подъема, направлением полета, натяжением купола, прочностью всей конструкции.

Ветер на высоте 700 — 1000 метров был действительно сильный. Мы летели со скоростью километров 100 — 120 в час. Если же подняться выше — то там вообще творились безумные перемещения воздушных масс. Резонно полагая, что большего напора наша конструкция не выдержит, я периодически стравливал горячий воздух с помощью крышки-клапана. Таким образом удавалось держать высоту более или менее стабильной.

Я никогда в жизни не летал на воздушных шарах и мне было по-настоящему очень страшно. Но приходилось держать себя в руках перед еще более паникующим спутниками. Первым освоился Парк. Старый пройдоха где только не побывал, что только не видел, так что утихомирив необычные ощущения, он даже похохатывал от вида уменьшавшегося мира.

— А земля то круглая! — с удивлением прокричал сквозь ветер он.

Тор обнимал испугавшуюся Сэт. Вспыхнувшие между ними отношения диктовали правила поведения, когда мужчина опекает женщину, а она чувствует в нем поддержку. Когда взлетали вверх закладывало уши, щекотали рецепторы по всему телу, а вестибулярный аппарат просто сошел с ума.

Но через пару часов полета и девушка справилась со своими ощущениями, привыкла к высоте и уже мы вчетвером наслаждались видами с высоты птичьего полета. Желтая гладь пустыни, на грани видимости воды реки Такс, словно ножницами порезанные ровные лоскуты сельхозугодий деревень и городков, неровные клочки растительности по краям пустыни, тонкая ниточка имперской дороги, где ехали едва видимые телеги, кареты и всадники. Интересно, а видят ли они нас? Если и видят, то мы для них кажемся далекой птицей, которая превратилась почти в невидимую точку, поэтому рассматривать её глупо и неинтересно. Разговаривать при таком ветре было неудобно и сложно, поэтому каждый был погружен в свои мысли.

Ближе к вечеру вдаль показался кусочек моря. Такс полноводными корням и образовывала могучую дельту устья реки, вливавшейся в необъятные воды Южного океана. Залив Четырех дев был продолжением этого устья, унося речные потоки дальше на юго-восток.

Удакия дымила трубами производств, невероятной копотью терриконов, грязным

цветом свалок и пылью промышленных предприятий. Здесь сотни мануфактур ковали промышленную мощь империи, пронырливые торгаши суетились как купить побольше да подешевле, а продать подороже. Громадный торговый порт, вмещавший тысячи кораблей, имел неисчислимое количество погрузочно-разгрузочных пирсов. Биржи, торги и торжища, рынки и конторы, где за каждый скифат спорили продавцы и покупатели. Десятки тысяч носильщиков каждую секунду транспортировали тонны грузов. И над всей этой суетой парили мы, разглядывая город с высоты птичьего полета.

Надо было снижаться. Не хотелось бы улететь в океан и, поддавшись пассатам, носится по их неведомой воле по необъятным морским просторам — управления на воздушном шаре ведь не имеется. Да и перспектива высадки нашего коллектива на главной площади Удакии была не совсем правильной — после религиозного восхищения, наверняка бы начались вопросы.

Я понемногу стравливал воздух из клапана и воздушный шар стал снижаться. В идеале рассчитывал на границу между пустыней и прибрежным тропическим раем, но в итоге пришлось приземлиться в песках в паре километров от одного крохотного ответвления реки Такс.

Приземлиться плавно не удалось, как я не старался медленно стравливать горячий воздух. Тряхнуло знатно, хорошо, что без повреждений.

Гандолу разобрали, а парусину разрезали и распределили по заплечным мешкам — она еще пригодится на продажу, да и создать вид торговцев тоже поможет. Праздношатающаяся публика обычно вызывает излишние подозрения. Хотя город Удакия был настолько большой, что затеряться в нем было проще простого.

На берегу одного из притоков реки Такс активно рыбачили местные мужики. Пустыня здесь почти вплотную прилегала к реке, ограничиваясь лишь небольшой прослойкой растительности.

Немного удивившись вышедшим из пустыни путникам, судя по всему, торговцам, мужики все же показали где находится мост, ведущий в город.

Удакия просто шокировала суетой и напряженным трафиком людей, повозок, карет, лошадей. Уже подходя к городским посадам, заселяемым в бешеном темпе, было непротолкнуться от невероятного количества гужевого транспорта идущего в обе стороны. И хоть уже темнело, казалось, что местная торговля не знает времен суток. Это ведь все деньги, непрерывной рекой текущие в казну. Вот бы Аликет стал хотя бы подобием Удакии.

Приятно удивило наличие бочек с соленой селёдкой, украшенных логотипом торговой компании Пардалиса в нескольких повозках. Это какой же окружной путь проделала рыбка, прежде, чем попасть в Удакию.

В городских воротах крепостной стены особо не заморачивались с прибывающими. Полуспящая стража бросала небрежные взгляды на проходящих и проезжающих, отбраковывая для проверки особо подозрительных и откровенную рванину: попрошайки портили имидж города в глазах иностранцев.

— Нам надо найти мастерскую Грача, — сказал Парк. — Это мой старый товарищ. Мы вместе ходили на остров Цихань в Южном океане, грабить золотые прииски, да еще в пару исследовательских экспедиций. Лихой рубака. Мы с ним были напарники в одной ватаге. Сейчас, постарев, оказывается осел здесь. Открыл свою собственную мастерскую по ремонту малотоннажных судов. Моряки Сильвантии так сказали. Искать надо в прибрежных районах на северном побережье города.

Мы настолько устали за прошедшие бессонные ночи, что по моим спутникам было видно, как они валятся с ног. Мне же придавало силы мое стремление быстрее отыскать любимую. Хотя периодически хотелось сесть на мостовую... Прилечь отдохнуть... Тогда я снова мотал головой и морок усталости улетал.

Про пять безантов и несколько десятков милиарисиев, отданных за жизнь Глассии никто не заикался, хотя, наверняка, давали самые разные оценки моему поступку. Посчитав по карманам и мешочкам на четверых мы обнаружили сорок два милиарисия и семьдесят скифатов. В принципе неплохо. Но для покупки судна маловато. Разве что на вёсельную лодку. Но на ней далеко не уедешь. А на эти пять безантов можно было зафрахтовать военный корабль с командой опытных бойцов, чтоб разнести в клочья этот остров Храма Дельфы, где из порядочных женщин делают проституток.

Мы прошли бесконечные улицы, улочки и площади, в направлении к морю, но искомого побережья все не было. Город был невероятно большой.

— Может заселимся в гостиницу, а поутру уже поищем этого Грача? — спросил я, видя что Тор уже несет Сэт, валящуюся от усталости. Я оценил выдержку девушки, ни разу не выказавшей своего состояния словом. Она благодарно посмотрела на меня.

— Отличная идея, — сказал Парк, рыская глазами по улице. — Но я все равно не усну, не побывав вблизи моря и не насладившись его теплыми объятиями, не выпив глоток его горьких волн. Я все равно сегодня дойду до побережья.

С гостиницей не было проблем. Торговый, промышленный, транспортный узел изобиловал тавернами, постоянными дворами, гостиницами, разнообразными домами терпимости и грязных развлечений, игорными заведениями и порчей инфраструктурой, рассчитанной на приезжих. Соблюдая легенду, а больше по собственному желанию Сэт и Тор, поселились в отдельный номер, загадочно улыбаясь друг другу. Мы с Парком понимающе переглядываясь, сняли номер рядом.

Я не заметил как уснул, но только начало светать, как еще во сне понял, что Парка не было всю ночь. Не мог же он заблудиться? Или вляпался в какую-нибудь неприятность? Конечно мог!

Побережье находилось метрах в трехстах. Вчера мы не дошли совсем чуть-чуть, а не услышали его из-за разноголосого гомона на улицах.

Парк оказался в прибрежной забегаловке, где в компании таких же моряков состязался в армрестлинге с каким-то молодым крепышом. Несмотря на изрядное подпитие старый пройдоха уделывал противника подчистую.

— О, Миша! Присоединяйся к нам! — крикнул Парк, заплетающимся языком, увидев меня.

Разномастная толпа матросов были с четырех стоявших у пирса № 34 судов. Это две шебеки Лиги свободных Торговцев, фрегат Палаты Негоциантов Альмиурской диспотии и шхуна купца из восточного королевства Вэнь. Они ночь напролет пьянствовали в "мордобойке" напротив их пирса, травили шутки и морские байки, дрались на кулаках, покупали продажную любовь портовых проституток, чтобы потом снова вернуться к застолью. Страсть к морю втянула в эту воронку и Парка, который вспомнив былые годы, решил тряхнуть стариной.

Я вытащил его из этого водоворота пьянства и разврата. Полуживого и сильно помятого после бессонной ночи я привел в гостиницу, где Парк захрапел богатырским сном. Оказалось, в процессе пьянки кто-то "подрезал" его мешочек с деньгами. Теперь наши

запасы стали более чем на треть меньше.

Грач оказался суровым мужиком с неприветливым лицом. Но при виде Парка он растаял в детской улыбке. Они обнялись крепкими мужскими объятиями и долго общались за жизнь. А я, пользуясь случаем, осмотрел мастерскую.

Решили не осуждать старика за ночной инцидент, да и ему самому было неприятно, так, что Парк с виноватым видом брел в поисках мастерской старого товарища. Оторвался после долгой отсидки в рабстве, деньги потерял. С кем не бывает. Сэт и Тора кажется вообще не волновали мирские дела — они плавали в каких-то иных сферах, как будто ночью их приняли в царство вечного счастья.

Мастерская представляла собой большой сарай, разделенный пополам пирсом. Одновременно в нем могли проходить починку два мелких судна, не более тридцати метров в длину. Корабли прибрежного класса были популярны у мелких торговцев, развозящих товары на незначительные дистанции. Клиентов у Грача было достаточно, поскольку беспокойное Халидское море частенько трепало торговцев, но высокая конкуренция, демпинг со стороны новичков не всегда позволял заполнить док работой, а его людей обеспечить заработком. Сейчас в мастерской на ремонте стоял небольшой флейт темнокожего торговца. Я еще не встречал здесь представителей негроидной расы, поэтому торговец очень хмуро отреагировал на мое глазёрство.

Грач, после долгих странствий по морям и океанам решил осесть именно в Удакии, потому что здесь всегда много народа. Скопленные за годы сражений и путешествий деньги он вложил в приобретение пирса, а затем его обустройства в мастерскую для починки кораблей. Здесь же он обрел позднее семейное счастье, женившись на миловидной вдове Саре, хозяйке небольшой домашней винодельни совсем рядом с пирсом. Семейная идиллия стала для Грача своего рода компенсацией за все те испытания, что он пережил.

Главной целью было как можно быстрее найти способ добраться до острова Храма Дельфы. Предстояло пересечь почти всё Халидское море. Особенное ту его беспокойную часть, что имеет условные границы с Южным океаном. Парк, хоть и рад был встрече со старым другом, но все же плавно перешел на основную цель в разговоре.

— Почти две тысячи километров. Тысяча морских миль отсюда на юго-восток, — сказал Грач. — Это только залив Четырех дев вас безопасно вытолкнет в море, поскольку воды реки Такс несутся в океан, а ветры пустыни наполняют паруса в том же направлении. Дальше — все зависит от погоды, направления ветра и удачи. Спонтанно образующиеся бури, молнии и тропические ливни сгубили не один корабль. Акулы и гигантские глубоководные монстры только и ждут как полакомится человечинкой. Пираты, что днем и ночь бороздят торговые пути в поисках добычи, всегда готовые позарятся на вас, как на своих рабов. И это я вам описал только часть опасностей.

— Мы же все это испытывали на себе, — сказал Парк.

— Вот именно, — ответил Грач, уже привыкший к спокойной жизни на берегу. — Я не понимаю как мы выжили после стольких передраг. Да и большой ватагой на крепком корабле это легче. Вы, как я понял, собираетесь проделывать этот путь вчетвером. Запишитесь лучше в команду какого-нибудь большого военного корабля, идущего в ту сторону. А при случае, найдете способ сбежать.

— Нет, Грач, — в задумчивости помотал головой я. — Во-первых, Сэт. Её не возьмут на борт, потому что она девушка. Во-вторых, за нами есть определенные косяки, и если они уже где-то всплыли, то нам лучше не светиться. В-третьих, я сомневаюсь что легко получится

дать деру вчетвером без захода на этот остров. А корабли туда заходят с конкретными целями. В-четвертых, кому мы нужны без опыта? Парк еще сгодиться, а мы уже нет. Нужно решать все самостоятельно.

— Надо подумать, — Грач уставился в пол, а потом резко вскинул голову. — Предлагаю пока отведать вина моей женушки. Я сделал его по новому рецепту.

Фляга вина, сцеженная из бочки в подвале винодельни, прохлаждалась в кабинете Грача. Парк накинулся на кружку, как на живую воду после вчерашней попойки. Я оценил вкус, аромат, букет и консистенцию напитка. Она показалась мне достаточно интересной.

— Сколько лет вину, — причмокивая и смакуя послевкусие спросил я. — Лет десять?

— Три с половиной года! — ответил Грач, радуясь, что вино понравилось.

— Можно сравнить по качеству с Арвумским, — добавил Тор. Сэт предусмотрительно отказалась от предложенного бокала.

— Есть у меня маленький пинас "Габриэла", — отхлебывая глоток своего вина сказал Грач. — Он всего двадцать метров, стоял на военном галеоне "Южный крест". Его продали мне матросы, когда капитан галеона хотел выбросить его за ненадобностью. Целая осталась одна мачта. Тесный небольшой трюм. Я все хотел его починить, да руки не доходили. Я подарю его вам, только ремонтируйте самостоятельно. Думаю, Парк справится.

Недалеко от мастерской находилось склад "запчастей". Точнее ненужных останков от ремонтируемых кораблей. Якоря, мачты, доски, шпангоуты и полусгнившие паруса и прочая требуха. Целые части судов валялись гигантскими костями огромных животных. Там же находился и наш пинас. Надо отметить в достаточно неприглядном состоянии.

— Парк, а эта развалюха поплывет, — с сомнением прошептала Сэт.

— Поплыть — поплывет, — сказал Парк, предвкушая романтику путешествий в морских просторах. — Надо заставить её ходить.

С помощью работников Грача мы установили "Габриэлу" на стапеля и Парк с какой-то нежностью обстучал каждую доску внешнего борта и днища пинаса. Полазил под ней выискивая дефекты и эрозии. Выбравшись он, сияя детской чистой радостью, уверенно заявил:

— Господа, рад вам представить будущего покорителя морских просторов и завоевателя океанов — пинас "Габриэллу". Единственное — требуются небольшие вложения в ремонт и доработку.

Знал бы я тогда насколько это небольшие.

Глава 22. Покоряя морские просторы

Первым делом осмотрели все несущие конструкции, каждый миллиметр балок был изучен на выявление дефектов. Парк научил что и как распознавать. Заменили несколько из них. Для надежности добавили еще больше распорок, креплений, ребер жесткости, чтобы конструкция выдерживала сильные шторма, удары о неожиданное мелководье и неострые камни. Если на полном разгоне врезаться скалу — тут уже даже современные мне корабли не выдержат, а не какой-то пинас.

Я предложил разделить и без того маленький трюм на три герметичных (условно, конечно. Их герметичность никто не проверял) отсека и установить в каждом ручную помпу, чтобы повысить живучесть корабля. Эта революционная идея еще никогда не применялась в этом мире и Парк в очередной раз с восхищением посмотрел на меня.

— Твой мозг сделан из чистого золота, — сказал он.

— Моя шея бы подломилась от такой тяжести, — отвечал, улыбаясь, я.

Для обеспечения герметичности промазали жирным слоем смолы доски перегородок отсека, а торцовые поверхности дверей оббили каучуком. Вода в случае попадания будет протекать, но не литься струями. А это даст время для её откачки.

Далее снаружи и внутри осмотрели доски обшивки. Некоторые пришлось заменить. Всё это опять же влетало в копеечку, поскольку на складе "запчастей" Грача выбрать более-менее нормальное было сложно.

Обмазали всё днище внутри толстым слоем смолы. Инновацией, по крайней мере для Парка, стала обшивка медью бортов и дна снаружи. Во-первых, это препятствовало налипанию колоний устриц, мидий и прочей живности на дно. Во-вторых, улучшало мореходность и маневренность судна. Ну в-третьих, в разы увеличивало прочность и остойчивость. Более тонкими листами меди покрыли внутренние борта, что тоже добавило прочность корпусу, но серьезно опустошило наш бюджет.

Парк носился по городу, общался с моряками и судовладельцами, разнюхивал на рынках информацию с целью покупки более приемлемых по цене, но качественных деталей и узлов корабля. Мы же в это время выполняли его задания и поручения, не забывая при этом советоваться с Грачем. Все-таки одна голова хорошо, две лучше.

Управившись с днищем и трюмом, усталые и довольные мы встретили закат над заливом Четырех дев. Грач поселил нас у себя дома, а Сара заботливо приготовила нам ужин из жаренного на вертеле ягненка, куриных сердечек, запеченных с картошкой, сельдереем и шпинатом, свежих овощей и сыра, а также... тарелкой соленой селедки из Пардалиса. Ей закусывали красное терпкое, но очень приятное на вкус вино из подвалов Сары. Это был один из немногих вечеров, где я снова ощутил спокойствие и безмятежность теплой, приятной, дружеской обстановки.

На следующий день, только лишь хозяйские петухи устроили концерт баритонов, мы уже были на ногах и после короткого перекуса отправились доделывать свой круизный лайнер.

Со стапелей переместили пинас в док на воду. Там занялись осмотром всей палубы. Грот-мачта, единственная на корабле, оказалась в порядке, но и её основательно укрепили. Оснастили необходимым такелажем, который насобирали по складу "запчастей", да напрошайничали в порту и на верфях.

Парусина, сослужившая нам добрую службу на воздушном шаре, вполне подошла нам для обустройства парусного хозяйства — грот-мачты и кливера. Ни времени ни денег на установку фок и бизань мачты не было, да и на столь маленьком суденышке они бы смотрелись лишними. Я придумал кое-что другое.

В соседней кузне я заказал шестиметровый металлический шест. Там же я попросил изготовить на нем восемь пар коленьев. Сделал отверстия в шпангоутах борта, примерно посередине, поставил в них баббитовые вкладыши (здесь промышленность еще не знала подшипников) и установил шест. Теперь с двух сторон борта торчали два штыря, с предварительно вырезанными длинными шпоночными отверстиями.

Собственными усилиями на колеса от большой телеги, установили лопасти, получились два в рост человека гребные колеса. Их установили на эти штыри, сверху сделали плотную конструкцию из досок, чтобы не привлекать внимание посторонних диковинными деталями и скрывать колеса почти полностью.

Лопастное колесо примерно на четверть длины погружалось в воду и приводилось в движение педалями, расположенными на коленах шеста. Всего таких педалей было восемь — на каждого члена команды. Изготовили четыре удобных кресла с упорами, чтобы было комфортней крутить педали. Никакого передаточного механизма не было, крутящий момент сразу же передавался на гребное колесо. Грач задумчиво чесал голову при виде такой конструкции и скептически морщил гримасу.

— Поворачивает все это у вас при первом же шторме, — задумчиво сказал он. — Год назад один чудик с подобной штуковиной уплыл — больше его не видели. Весла на колесо приделал и руками вращал вал. Похоже доплавался.

— Не бойся, Грач, этот движитель будет запасным.

Пинас хоть и был маленьким, но бойницы для восьми пушек имел — по четыре с разных бортов. Одну пушку без лафета мы откопали на кладбище, простите, складе "запчастей" Грача. Калибром 105 мм она была покрыта грязью. Предстояла серьезная работа по её реанимации и изготовлению лафета.

Вторую пушку, ничуть не в лучшем состоянии, что и первая, только с наличествующим лафетом и даже с целыми колесами удалось выменять на парусину у одного из торговцев, которой осталось больше половины после изготовления парусов. Ему для облегчения веса корабля нужно было избавиться от тяжелого вооружения, чтобы забить трюмы до отвала. Жадность — вторая глупость.

Третью пушку пришлось купить на последние деньги в местном гарнизоне. Береговые батареи, укомплектованные всякими ленивыми и ушлыми проходимцами были рассадником коррупции. Здесь продавали всё, что плохо лежит. Поэтому пушки списывались с чрезвычайной быстротой. Один-два года и пушка выходила из строя, учитывая что Удакия почти никогда не подвергалась налетам. Солдаты откровенно просаживали местные оборонительные ресурсы в пьянках, оргиях и азартных играх. Новенькая, блестящая, пушка стала украшением нашей лодки. Картечь, ядра и книппели вместе с порохом добыли там же.

Все три пушки, начищенные до блеска, ввиду отсутствия средств для покупки вооружений, поставили на поворотные столы, которые, в свою очередь, устанавливались на деревянные рельсы. Это позволяло за считанные мгновенья переместить их с одной стороны палубы, на другую. Жесткости при стрельбе добавляли импровизированные сошки, а откатное устройство гасило импульс от выстрела.

В последний раз осмотрев весь пинас от бушприта до кормовых окон юта, мы стали

загружать припасы. Грач подарил нам бочку вина из своих запасов и бочку свежей солонины. Закупили на оставшиеся в карманах немногочисленные скифаты мешок муки, картофель, оливковое масло, сыр и лимоны (привет цинге). Пресной воде уделили повышенное внимание, заполнив все имеющиеся емкости.

Грач призывал нас переночевать и отправится с утра свежими, но хотелось пока светло пройти залив Четырех дев и заночевать уже в море. Пока находились на берегу, еще раз обсудили с Парком, все ли мы взяли с собой. Много чего не удалось купить, но все это было не критично. Например, ручное стрелковое оружие не помешало бы каждому, а так на всех мы имели только одно ружьё. В провианте не помешало бы разнообразие. Парусину бы не следовало менять, а оставить в качестве "запаски". И прочее по мелочи добавило бы уверенности, но было не критично.

Сердечно попрощавшись с гостеприимным Грачом и его женой, мы отправились в плавание. В нормальном пинасе управлялась команда минимум в десяток матросов. Теперь же нам предстояло самим вчетвером разбираться со сложным хозяйством управления маленьким кораблем. Спускать-поднимать паруса мы приноровились вдвоём с Тором. Также на нас были возложены обязанности управлять всем такелажным устройством пинаса. Парк отвечал за управление и навигацию. Сэт — за кухню, порядок и административно-хозяйственную часть.

Носовая надстройка была отдана сладкой парочке в качестве жилья, а мы с Парком поселились в кормовом юте. Обе надстройки были настолько малы, что едва позволяли разместить там гамаки. Но капитанский письменный стол, шкаф для судового журнала и даже ковер над ним имелся.

При общей длине двадцать метров три из них отнимал бушприт. Омываемый волнами гальюн, был его частью. Носовая надстройка три метра, палуба — десять метров, кормовой ют — четыре. Максимальная ширина от борта до борта — пять метров. В принципе, неплохая яхта для нашего времени, особенно если к транцу прицепить три-четыре 250-и сильных мотора. Но что есть, то есть.

Парк аккуратно вывел нас фарватером, где было не протолкнуться от приплывающих и отплывающих в Удакию судов, из залива Четырех дев. Прибрежные батареи грозно смотрели на нас с двух сторон оцетинившись пушками, а я думал какая из них пойдет на продажу следующая. Когда совсем стемнело мы уже были в Халидском море и лишь маяк на мысе Стонов указывал направление на оставшуюся позади Удакию.

Волнение было не сильное, а ветер с пустыни гнал нас с приличной скоростью в глубь моря. Парк умело ориентировался по звездам, тем более что эту местность знал как свои пять пальцев.

Конечно темнота на море неполная, свет от звезд и от спутника, поразительно похожего на луну, позволяет различать тусклые силуэты берега если не заволакивает облаками, скал или других кораблей, но капитаны судов, которые не замышляют ничего злого, стараются вешать фонари на корме и носу, чтобы были отчетливо видны габариты плавательных средств.

Вахту ночь несли по очереди все мужчины коллектива. От Сэт и в правду ночью не было толка. Кинув якорь, остановились на ночевку. Я мыслями прибывал с Ирис. Как она там? Что делают с ней эти поддонки?

От всплеска за бортом я вернулся в действительность. Взглянув на воду у кормы, я остолбенел. Там плавала девушка. Этот настолько необычно, что показалось ну просто

фантастическим видением.

— Мистер, я еле спаслась от работорговцев, — взмолилась она. — И уже бы утонула, если бы не ваш корабль. Мне так холодно. Можно ли мне погреться у вас?

— Конечно! Я сейчас спущу лестницу.

Её звонкий, почти детский плаксивый голос тронул до глубины души. Я спустился со шканцев на палубу и с борта в море выбросил верёвочную лестницу.

Девушка дрожала. Она схватилась за первые пролеты лестницы и стала подтягиваться.

— Помогите мне, пожалуйста! Сил после долгого плавания нет! — она произнесла ещё более умоляющим тоном.

Я спустился и подал ей руку. Девушка неожиданно сильно схватилась за меня, и я почувствовал как она тянет меня вниз. Тень мелькнула на палубе и рука сжимающая саблю вдруг промелькнула мимо меня.

Парк одним ударом перерубил девушке и руку и шею, а потом резко схватив меня за шкуру перевалил через стенку фальшборта на палубу. Обмякшее тело плавало в воде, и только теперь я увидел что нижняя половина представляла собой... нет не рыбий хвост, как у русалок, а хвост червя.

Отдышавшись Парк сказал:

— Вот так и гибнут первоходы!

— Что за тварь такая? — вспоминая вполне человеческое лицо, руки, голос.

— Это Марина!

— В смысле её зовут Марина?

— Звали. Подводный демон совокупляется с похищенными женщинами и рождаются вот такие твари.

Я невольно вспомнил хошбанов. Если от жабы получаются такие уродцы, то возможно и в воде живет нечто подобное.

— Оно бы меня убило? — спросил я.

— Ну да. Поиздевалась бы не давая всплыть, утаскивая на глубину и отпуская. А когда бы ты захлебнулся пошла бы искать новую цель. Они не едят человечину, им просто нравится отнимать жизнь у людей.

— Да, действительно жестоко. Спасибо Парк.

— Да не за что. Втроем бы нам было очень сложно управлять кораблем.

Я шутливо толкнул его в плечо кулаком.

Утром нас ждали горячие лепешки с сыром, заботливо приготовленные Сэт, яркое солнце и тихая спокойная погода. Ветер был скудный — остатки воздушных масс с пустыни сильно ослабели. Меня такой штиль категорически не устраивал и мы решили опробовать моё изобретение. Точнее не моё, но впервые сделанное в этом мире мной.

Сначала мы с Тором попытались крутануть педали. Колена были сделаны достаточно глубокие, но и масса гребных колес плюс сопротивление воды давало очень плохой результат. Затем присоединилась Сэт, а после ввязался Парк. Я было уже думал, что ошибся с расчетами, ибо конструировал "на коленке", просчитывал на бегу. Но колеса струнулись с места, и по инерции возвращались довольно бодро. Сэт и Парк уже были не нужны — мы вдвоём, особо не напрягаясь, крутили педали, радуясь достаточно резвому старту.

Пинас действительно понесло по волнам, как будто включили винты мощностью, как минимум, как у "Титаника". Узкая и длинная, "Габриэла" показывала отличную скорость и маневренность и под парусом, а тут разогналась словно моторка браконьеров, уходящая от

рыбнадзора. По ощущениям Парка не менее 10 узлов в час, или около 19 км/ч, что для деревянных кораблей с парусным вооружением было немыслимо. Средняя скорость их движения была 3–4 узла в час. Самые скоростные суда при полном ветре показывали рекорд в 7 узлов. А тут 10.

Но если начнется волнение моря, то гребные колеса будут создавать хаос. Из-за разного погружения в воду корабль станет неуправляем, а сопротивление лопастей колеса водным массам, значительно снизит скорость от ветра. Именно поэтому я соорудил съемный вариант гребного движителя, когда колеса с помощью рычагов поднимаются по борту и становятся совершенно закрытыми и невидимыми из-под защитных кожухов.

Парк ориентировался по компасу и держал курс на юго-восток. Там на примерной границе Южного океана и Халидского моря располагается архипелаг Менги, одним из островов которого был остров Храма Дельфы. Сам архипелаг был местом жительства свободных людей. Здесь владеют островами пираты, богатые аристократы, сектанты, религиозные ордена, разного рода общины сбежавшие из-под власти континентальных правительств и прочая разношерстная публика. Лига свободных торговцев занимает самый крупный из остров архипелага — остров Легу и владеет еще несколькими в качестве перевалочных и военно-морских баз.

Множество раз то одна, то другая страна пыталась подчинить архипелаг себе, но тут же все остальные прибрежные государства поддерживали жителей Менги по принципу "Не доставайся ты никому". Воевать со всем миром крайне трудно даже самой сильной державе.

Как только покинули прибрежные воды Драманской империи, плотность встречи с торговцами резко упала. Боязливые купцы стараются перевозить свои грузы более длинным, но безопасным маршрутом, под охраной грозного драманского флота. Тот денно и нощно рыскал в поисках пиратов и оставшихся остатков аранейского флота. Лишь смельчаки, да имеющие солидную охрану в сопровождении покушались идти прямыми маршрутами через Халидское море и Южный океан в государства востока. Ну и собственно Лига свободных торговцев была здесь полноправным хозяином. Оплачивая пиратам солидную сумму за "крышу", она тем не менее очень прилично богатели, перевозя товары больше, дальше и быстрее.

С перерывом на обед мы с Тором весь день крутили педали и мило вели беседу на всякие темы. Когда Парк ближе к вечеру заметил черный силуэт пиратской каравеллы, оказалось что она уже давно проявляет к нам пристальный интерес. Уж слишком быстро маленький пинас перемещается по водной глади в полный штиль. Вторая каравелла пиратов находилась недалеко, так как привычкой пиратских ватаг было рейдерство маленькими эскадрами, для загона добычи в ловушку.

Недостаток впередсмотрящих в вороньем гнезде, да и общая нехватка незанятого персонала привела к тому, что мы в эту ловушку попали.

Глава 23. Морская баталия

Парк позвал нас с палубы голосом, не предвещающим ничего хорошего. Проведя рекогносцировку, можно было констатировать, что ловушка пиратов удалась. Диспозиция была такова, что назад нам повернуть, сделав разворот, не хватит времени. А уходить вперед, даже на высокой скорости, нужно будет через сближающиеся корабли противника. Две каравеллы находились примерно в 100–110 градусах относительно друг друга и точкой их сближения было место, прямо по курсу перед нами. То есть, челюсти захлопывались с обеих сторон. Расстояние до одного корабля было 10–12 кабельтовых (примерно 2 километра), до другого 8–9 кабельтовых (около 1600 метров). Как умудрился Парк не увидеть на горизонте, просматриваемом на 5 километров, две таких телеги? Замечтался старый моряк. Теряет хватку.

Но Парк был монолитен и невозмутим. Он зафиксировал штурвал и резко бросился в крюйт-камеру, где располагались порох и ядра. Сейчас нужна мобильность и огневая мощь. Тор, взобравшийся за мной на палубу, внимательно высматривал два корабля идущих на сближение.

— Они идут с подветренной стороны, значит заранее приготовились к атаке, — сказал он, делая козырек от солнца ладошкой. К нему подошла Сэт и уткнулась в грудь, ища защиты.

— Пираты наверно подумали, что у нас полный трюм товаров, — сказала она. — Велика же будет их ярость обнаружить пустой пинас. Лично я им живой не сдамся.

В руке она решительно сжимала саблю, которую отыскали и реанимировали на складе "запчастей" Грача. Там же разжились холодным оружием разной степени музейности и остальные.

Тор мужественно сжал девушку в объятиях и поцеловал в лоб.

— Мы обязательно победим, — решительно произнес он. — Так ведь Миша.

Мне оставалось только согласиться. Расклады были по всем параметрам не в нашу пользу. Через 20–30 минут они подойдут на расстояние эффективной стрельбы. В первую очередь, чтобы обездвигить нас будут стрелять книппелями по мачте. Затем, если не будем сильно сопротивляться, пойдут на abordаж, если будем — разнесут в труху борта, а далее быстренько обшарят корабль в поисках ценного, пока тот не затонул.

Каравеллы здесь относились к классу средних судов. Их команда состояла в среднем из 50-100 человек. У пиратов их могло быть и 150 и 200. Своеобразная морская пехота. Так что однозначно расклад не в нашу пользу. У ближайшей каравеллы я насчитал 20 пушек по одному борту. По сорок орудий на брата! Да один залп нас отправит к Посейдону. Ну или кто здесь правитель морей. Марины порадуются такой мести.

Парк стоял наготове, но я все же подозвал его.

— Действуем так! — решительно и бескомпромиссно заявил я. — Тор и Сэт идут в машинное отделение... То есть в трюм и крутят педали. Да, я понимаю что это вредно беременным женщинам, но надеюсь, что Тор возьмет на себя всю нагрузку. Парк — встаешь за штурвал, уклонение на юго-запад. Я встаю за пушки и веду огонь.

— То есть ты хочешь повернуть на 90 градусов по курсу? — спросил Парк.

— Да. Мы уйдем от второго корабля, чем сократим число противников наполовину. И на полном ходу можем проскочить первого. Главное, это хорошая работа машинного

отделения! Скорость, вот что сейчас нужно!

Тор и Сэт скрылись в трюме, Парк вывернул штурвал до полного. Если бы была возможность заблокировать работу одного колеса, мы бы могли развернуться на месте. Но так как мы собирали все второпях, такие механизмы предусмотрены не были.

Заряженные книппелями три пушки стояли в боевой готовности и я, с помощью вращающейся нижней реи грот-мачты, пользуясь ей словно кран-балкой, перетащил их на нос. Балки, используемые как рычаги, трещали от тяжести пушек, но мне понадобилось всего пять минут чтобы установить их в ряд, закрепить на форделе и направить прямо на нос. Скрываемые бушпритом и развивающимся на ветру кливером они были пока незаметны противнику.

Тем временем ситуация на море резко изменилась. Появился новый игрок. Остроносый линкор Драманской империи в сопровождении фрегата в процессе поиска пиратов наткнулся таки на небольшую эскадру рейдеров и готовился наказать возмутителей спокойной торговли. Именно наличие грозного флота, который нещадно истребляет пиратские стаи и придавало империи имидж надежной торговой гавани, где безопасно вести дела.

Теперь оставшаяся позади каравелла не только изо всех сил пыталась догнать наш пинас, но и на всех парах уходила от грозного стопушечного линкора, на котором находилась команда минимум в 400–500 человек.

Мы же, тем временем, уже двигались на встречных курсах на второй корабль пиратов. Скрывая своим профилем выплывших из-за горизонта драманские корабли, наш пинас не давал каравелле информации о новой опасности, оставляя их блаженном неведении.

— Держи курс прямо на корабль! — крикнул я.

Несмотря на самоубийственный приказ, Парк отсалютовал в знак принятия распоряжения. Ему наверняка и раньше случалось бывать и в более лихих передрыгах, так что таран корабля это для него просто семечки.

Выровняв курс ровно на идущую на всех парах каравеллу, мы сходились как боксеры на ринге. Точнее, как две машины, выясняющие у кого первого сдадут нервы и он свернет с дороги.

Мы сходились очень быстро. Встречные курсы давали скорость где-то сорок километров в час и это изрядно пугало. Мой план был, как говорят, "на тоненького". Но мне было сейчас не до рефлексий, главное чтоб поучилось. "Великие дела нужно делать не задумываясь, чтобы возможные трудности не остановили вас", — говорил Юлий Цезарь.

На палубе каравеллы, идущей нам на встречу, заметались люди, осознавая чем закончится таран кораблем. Пинас, конечно, разлетится в щепки, но и каравелле сильно не поздоровится — с вероятностью в 80 % повреждения носовых конструкций приведут к затоплению судна. Палубные орудия, расположенные по бокам сейчас были бессильны, хотя мы скоро войдем в зону эффективного огня пушек. Мушкеты и пищали, выстрелы которых сопровождалась облаками дыма, выбежавших на носовую надстройку пиратов были комариным укусом против пинаса: команду вряд ли заденут, а кораблю и того меньше сделают.

Уже когда между кораблями оставалось метров сто, капитан каравеллы не выдержал и скомандовал поворот. Вот и случилось — битва нервов выиграна! Но скорее всего не слабость характера подтолкнула командира флибустьеров сделать это, а банальное желание достать противника, который как муха, находится в неудобном для обстрела секторе.

Теперь у меня было всего пару минут для реализации своего плана. Как только я заметил поворот корабля противника я зажег фитили для пушек. Установив все три пушки на нос я имел преимущество, пока каравелла пиратов также находилась носом ко мне и не могла активировать свои мощные залпы бортовых батарей.

Я выждал еще чуть-чуть и корабли сократили расстояние до 80 метров. Тем временем, судно пиратов на двадцать градусов развернулось относительно "Габриэлы". Вот он — тот момент, когда пушки корабля пиратов еще не развернулись для полного залпа, но ты можешь сделать его из своих орудий.

Я поднес все зажженные фитили к пушкам, разжигая огонь в их каморах. Еще пара секунд и грянут выстрелы. Я тут же бросился к сделанным из каучука огромным рогаткам. Рядом с ними я приготовил состав из жидких горючих веществ, марганца, магния и пороха укутанный в стеклянных бутылках, коих каждая портовая мордобойка-забегаловка в Удакии производила десятками. В общем, получился местный коктейль Молотова. Я сомневался, что моя система окажется дальнобойной. Но именно первый залп должен был всё решить!

События развивались как в замедленном кино. Выстрел — и книппель полетел, вращаясь двумя половинками друг относительно друга в борт каравеллы и уничтожая доски на своем пути вместе с орудиями и их командой. Второй выстрел и снова книппель полетел в пострадавшую нижнюю палубу, вырубая сразу две обслуги двух орудий — так уж прекрасно получилось. Третий выстрел и снова в нижнюю палубу. Снова пробоина в борту и потеря орудия и его команды. Но самое страшное случилось буквально пару мгновений спустя после третьего выстрела — шпангоуты и несущие балки, подрубленные книппелями не выдержали. Вторая палуба со всеми орудиям, провалилась вниз под тяжестью пушек их команды.

Я запустил первый коктейль Молотова из рогатки когда мы приблизились метров на 30 друг ко другу. Всеобщий хаос и беспорядок, внесенный моими тремя выстрелами, который, один за другим, вывел из строя несущие конструкции корабля примерно в десяти-пятнадцати метрах по борту, бросался в глаза. Оставалась целая верхняя палуба или шкафут, но бомбардиры разбежались в ужасе от орудий, боясь провалиться вниз.

Я хорошенько оттянул резину огромной рогатки и мой первый коктейль Молотова ударил как раз по крошеву из досок между палуб. Загорелось все просто как тополиный пух в начале лета. Я тут же подобрал второй коктейль и прицелился дальше по борту. Удача! Я снова попал. Третий уже летел, а я нырнул в трюм, помогать моей запыхавшейся парочке влюбленных. Оказалось, что последний коктейль Молотова достал языками огня до скрыт-камеры. Уже отплывая от поверженного корабля мы услышали оглушительный взрыв боекомплекта.

Мы втопили так, что ноги затекли от напряжения. 25 км/час, а может и все 30 мы выдавали втроем на волнах адреналина. Надо было не только удрать от пиратов, но и от быстроходного линкора драманцев, дабы избежать лишних вопросов и возможного ареста не имеющих документов торговцев.

Уже через полчаса напряженного кручения педалей мы почувствовали, что преследования нет. Драманская эскадра "доедает" пойманных пиратов. Мы же очень отклонялись а юг.

Парк выглядел странным. Белый, он напряженно держался за штурвал.

— Дружище ты чего, — я, обеспокоенный, подбежал к нему.

— Да все нормально, — он посмотрел на меня таким выразительным взглядом, что

хотелось заплакать. Видно, что он держался из последних сил, ноги его подгибались.

— Парк, отец, — закричал я, увидев мокрую от крови повязку ниже сердца. Его, похоже, достали пули с каравеллы. Полчаса в организме инородный предмет — это же обильное внутреннее кровотечение и перитонит. Причем в такой запущенной стадии, что операция современных хирургов сомнительно, что приведет к успеху.

— Па-а-а-а-рк! — прокричал я, укладывая его на палубу.

— Ничего сейчас не говори, — прохрипел он. — Ты исполнил мою мечту.

— Парк, дружище! — обнимая его, упал на палубу Тор.

— Парк, как я без тебя! — рыдая, обняла за голову его Сэт.

— Это лучшее окончание жизненного пути, — спокойно, но тихо сказал он. — Я в окружении любящих людей, посредине моря. Это то, о чем я всегда мечтал.

Старый моряк, которого не брал огонь, акулы, виселица, удары сабель и кинжалов умирал, и мне нечем было его спасти.

— Пообещайте мне, что спасете Ирис и доберетесь до Пардалиса. Так я спокойно уйду в мир духов.

— Я сделаю всё. Я обещаю тебе, — слезы буквально душили меня, а от безысходности я кипел. Я так привязался к этому непосредственному, бесстрашному и позитивному человеку.

Так мы и встретили темноту, сидя над мертвым телом Парка. Он уже не дышал, а мы не в состоянии его отпустить рыдали. Кто вслух — как Сэт, кто про себя как мы с Тором.

В голове прокручивались наши моменты знакомства. Хоть хронологически все было коротко, но так напряженно, что я бы сам голову отдал за этого старого пройдоху. Он бы точно пригодился в моей команде специалистов. Аристократ бы оценил его опыт, а уж я бы постарался чтобы в морских делах баронства Пардалис он занял достойное место.

— Я чувствую себя одинокой, — сказала Сэт. — Я уже успела поверить в нашу легенду и как будто потеряла отца.

Мы решили встать на ночевку, сломленные такой утратой. По морскому обычаю мы завернули его в парус (пришлось снять кливер и мы остались с одной грот-мачтой), и неподдельно скорбя с почестями спустили его в море.

Собравшись в капитанской каюте мы раскупорили флягу Грача. Всеобщее уныние пресек Тор.

— Хороший был человек! — сказал он, выпивая из бокала терпкое красное вино. — Нас осталось трое. И теперь встает вопрос о рулевом и навигации. Ты ведь ходил на кораблях, Миша?

— Ходил — не значит управлял, — ответил я смотря невидящим взглядом в стену.

— Я умею, — осторожно произнесла Сэт. — Я выросла в рыбацкой деревне и дядя часто меня брал в дальние морские походы. Приходилось и править рыбацким судном.

Я с удивлением посмотрел на Сэт. Боевая подруга, твердая в лишениях, храбрая в боях, верная в испытаниях, решительная в риске оказывается еще и неплохой навигатор. Это было просто удивительно. Тор влажными от влюбленности глазами смотрел на Сэт.

— Но теперь чистоты на корабле и горячих ватрушек с сыром не ждите.

Тяжело было ночевать не слыша забористый храп старого товарища. Но такова жизнь. Мы все могли погибнуть вместе при столкновении с пиратами. Да и умер Парк как и хотел — в морских волнах. Окружали его преданные любящие люди, фактически семья по легенде. Наверняка о его приключениях за всю жизнь можно написать не одну книгу.

Следующий день мы провели на непривычных ролях. Тор пек хлеб и готовил похлебку

из солонины с картошкой, Сэт — стояла за штурвалом, изучала карты, промеряла расстояния циркулем, пользовалась компасом. Она потихоньку осваивалась в новой роли. А я крутил педали, раздумывая как бы спасти любимую. Когда освобождался Тор он сменял меня на посту и я с затекшими от трудов ногами шел драить палубу. Особо не разговаривали друг с другом, переваривая произошедшее.

На самом закате мы увидели береговую полосу. Судя по картам, это был крайний северо-западный остров архипелага Менге — Киртон. Решили что есть мочи валить оттуда на юго-восток. Дело в том, что на Киртоне жило очень агрессивное, скрытное и крайне опасное племя каннибалов. Если какой-то корабль ночевал в пределах видимости острова, то ночью лодки туземцев скрытно подплывали к нему и вырезали весь экипаж.

Захватчики, а их был не один десяток, не выживали на острове долго. Не было сражений или перестрелок. Просто тихо гибли группами от партизанских действий невидимых воинов. Отравлялись водные источники, гибли домашние животные и культурные растения, пропадали запасы пищи и оружия. Налетчики были неуловимы для карающих рейдов. Так тихо и уходили захватчики и поселенцы, как и приходили. Дурная слава острова отпугивала колонистов, торговцев и даже пиратов.

Мы плыли половину ночи несмотря на усталость. Старались сильно не гнать. Сэт в сумерках вглядывалась в обстановку на море. Благо, что луна и звезды давали сравнительно неплохое освещение водной глади. И лишь гарантированно удалившись от зловещего острова спокойно улеглись спать. Вывешивать маячки не стали, дабы не привлекать излишнего внимания, а дежурить отправились мы с Тором по очереди.

Понимание того, что мы наконец-то достигли архипелага Менге придавало мне сил. Не терпелось скорее добраться до острова Храма Дельфы. По карте выходило, что еще полдня мы потратим на дорогу к острову.

— Остров с трех сторон окружен непроходимыми скалами, поэтому высадка возможна только с севера, — рассказывала за завтраком Сэт. — Там же стоит порт, причал которого обслуживает проходящие корабли.

— Прикинемся покупателями, — предложил идею Тор.

— Ты видел нас? — сказал я. — Просоленная одежда бедных купцов не внушает доверия. Да и чем оплачивать будем покупки?

— Да. Там покупатели — очень солидные люди, — добавила Сэт. — За все платят золотом. Не скупятся. Да и берут все оптом. За одной девушкой в такую даль не плывут.

— А если мы терпящие бедствие? Допустим, кончилась питьевая вода. — спросил я.

— Нам помогут и отпустят с миром, — ответила Сэт. — Порт — это единственное место, где можно находится мужчинам. Дальше порта заходить не разрешается.

Все те полдня, что мы плыли к острову, я ломал голову над решением сложной задачи спасения Ирис.

Глава 24. Остров Храма Дельфы

Легкий туман окружал остров Храма Дельфы. Погода испортилась, ветер нагнал облака и мы шли уже под парусом. В порт решили не идти, так как втроем нам там было нечего делать. Решили попытать счастья на скалистых берегах острова, чтобы попасть в храм.

Охраняли учебные корпуса очень строго. Некоторые бывшие воспитанницы, которых не купили в молодости и не ставшие затем наставницами, уходили в воительницы. Они махали саблей не хуже солдат императора, умели стрелять из мушкетов, пистолей и пушек, ездили на лошадях и были великолепно обучены тактике малых подразделений. Огромный кампус, имевший размеры города, вокруг эпического храма Дельфы был настоящей крепостью. По его периметру располагались сельхозугодия и производственные постройки. По словам Сэт, на острове проживало не менее пяти тысяч человек, а возможно даже и намного больше. Мужчин среди них не было, всё держалось на плечах женщин.

Остров был достаточно большой и мы полдня плыли по его западному побережью, пока не опустилась тьма ночи. Скорость передвижения была скудной — 1–2 узла в час. Во мраке не очень хотелось налететь на скалы и разбиться об острые выступающие выходы породы. Угрюмо смотря на неприступные берега, по которым взобраться мог только опытный скалолаз, с заранее установленной страховкой, я буквально скрежетал зубами. Ирис так близко, а пути к ней нет.

Свою ночную вахту я ломал голову о том, как бы проникнуть на остров. Пинас колыхался в пятидесяти метрах от берега. Его линия в двадцать-тридцать метров высотой над уровнем моря иногда доходила размерами и до сорока-пятидесяти. То и дело в воду с грохотом шлепались камни и целые куски породы. Сильные течения с южного океана нещадно размывали побережье, оставляя целым только участок на севере острова.

— Эй! Там наверху! — шепотом, но с нажимом, позвали откуда-то из-за борта. Проклятые Марины решили здесь меня достать. Мстят за свою подружку?

Я взял саблю. В другую руку поместил здоровенный багор. Отпугну приставучих тварей. Но за бортом была небольшая лодка. В ней сидели две девушки. Я внимательно посмотрел на нижнюю часть туловища. Из-под платья выступали по два башмака. Либо хороший грим, либо какой то подвид ходячих Марин, либо настоящие девушки.

— Че надо! — недоверчиво шепнул я.

— Нужна твоя помощь! — ответила одна из девушек.

— Знаю я эту помощь, — все также недружелюбно ответил я. — Пусти погреться, а потом в океане барахтаешься.

Девушка задрала подол платья, оголяя ноги почти до бёдер. Я невольно залюбовался точеными формами, которые под светом фонаря выглядели еще соблазнительнее.

— Я не Марина, — фыркнула девушка, показавшая свои прелести. — Да и не водятся они здесь. Только на мелководье, где оживленные морские пути. Пусти — разговор есть.

Все еще опасаясь подвоха, я все же скинул веревочную лестницу. Прибежали Тор и Сэт, привлеченные звуками шепота.

В капитанской каюте девушки поведали, что они из подземного общества сбежавших дельфиек. Они называют себя антидельфы. Этому обществу уже сотни лет. Все, кто не хочет быть продан для утех жирных и вонючих стариков-извращенцев с разной степенью удачливости стараются бежать. С острова можно уйти лишь в качестве товара. А прятаться

по нему долго не сможешь — патрули прочесывают местность, в том числе берега регулярно и постоянно. Кого-то ловят и отправляют назад, кого-то убивают на месте, самых буйных сажают в изолятор и продают как диких зверей. Поэтому девушки частенько от безысходности бросаются со скалы в воду. Кто выживает, старается держаться берега, плывя вдоль могучих скал, в поисках любой надежды на спасение.

Мощные южные течения пределали за тысячи лет своей неумолимой деятельности в известняковом грунте острова карстовые пещеры, каналы и проходы. Натыкаясь на причудливые тоннели, ведущие в глубь острова, девушки встречали своих более древних предшественниц. Не один десяток раз такие ячейки накрывали в ходе рейдов и вырезали поголовно, но, естественно, это не останавливало девушек от побега. Такие ячейки существовали как автономно друг от друга, так имея связь между собой. Антидельфы объединяли сеть из нескольких ячеек западного побережья острова, имея строгую иерархию. Тут сформировались интересные и своеобразные взаимоотношения с натуральным обменом продуктами питания, одеждой, новостями.

Очень многие поначалу пытались бежать — но это плохо кончалось. На лодках далеко не уплыть. Максимум день — и ты погибнешь от морских волн, подводных чудовищ, тех же Марин, пиратов, жажды и голода. Если напрочишься на проплывающий корабль — то либо окажешься бесплатной дельфийкой для всего его состава, либо тебя продадут обратно в Храм. Здесь нет просто проплывающих мимо кораблей — все заходят на остров с двумя целями: либо продать, либо купить девушек. Что они сделают если им в руки попадет такая бесплатно?

— Почему просите помощь у нас? Не боитесь такой же участи? — задал резонный вопрос я.

— Мы следили за вами полдня. — ответила девушка, показавшая свои ножки. — Вы явно хотите попасть на остров нелегально, значит вы не купец и не продавец живого товара. Во-вторых, вас всего трое. Ну и в-третьих, с вами девушка, а по обычаям моряков, им не место на корабле. К тому же, в данный момент возле корабля стоит еще одна лодка с нашими подругами, и если что-то пойдет не так...

Она выразительно посмотрела в глаза и я понял её намёк. Девушку звали Ник, а её молчаливую, но бесстрашную, судя по взгляду, подружку — Пэм.

— В чем заключается помощь, о которой вы просите? — задал я вопрос.

— Мы хотим уничтожить Храм! — как будто попросила сигарету, сказала Ник.

Я, Тор и Сэт недоуменно уставились на девушку.

— У вас ведь тоже есть какой-то интерес здесь! — утвердительно заявила Ник. — Просто так в этих водах не ходят.

— Да. Нам нужно вызволить девушку из Храма, — не стал скрывать я.

— Бывало и такое, — утвердительно ответила она. — По ошибке продавали родственников аристократов, влиятельных и богатых людей. Всё решалось без суеты — если ты чего то стоишь в этом мире, то Храм отдавал девушку, после всех процедур опознания. Если ты никто — терпи, что твою девушку или дочь похитили. На моей памяти было две атаки на остров отчаянных людей. Из береговых батарей раскидали все корабли по морю. Даже высадиться не успели. Рассказывали, что пытались штурмовать с крутых скал — так пока войско карабкалось, воительницы уже артиллерию подтянули и зачистили весь плацдарм. А вы втроем... Смешно!

— Ты просишь нашей помощи, а не мы твоей, — тактично напомнил я гостье, чтобы не

забывалась.

— Ладно, простите! — опомнилась Ник и добавила: — Жизнь под землей в пещерах не сказывается лучшим образом на этикете. Наша поисковая команда обнаружила с месяц назад карстовую пещеру в глубине острова, там обнаружили остатки древнего артефакта похожего на алтарь или чего то подобного. Он настолько древний, что ему тысячи лет. Он не дает прохода внутрь женщинам и прямо указывает на то, что его должен открыть мужчина. То, что там находится что то смертоносное, уверены наши веды. Более того, карстовая пещера находится недалеко от Храма и до поверхности порядка пятидесяти метров.

Она выразительно посмотрела на меня.

— Ты поможешь нам, а мы поможем тебе, — заключила она свою мысль и протянула руку, видя мое напряженное выражение лица. — По рукам?

— По рукам, — я неохотно пожал руку, осознавая, что иного выхода и нет. — У меня есть одно условие.

— Говори.

— Мне нужно выяснить где сейчас находится определенная девушка.

Ник задумчиво кивнула. По её виду заметно, что она прорабатывала варианты осуществления этой просьбы

— Замётано, — сказала она, разжимая руку.

Завести пинас в одну из карстовых пещер, пользуясь темнотой была та еще задача. Пришлось разбирать грот-мачту и превращать "Габриэлу" в большую лодку. Ник уверяла, что нам очень повезло, что нас не увидели патрули воительниц, осматривающие берега на предмет присутствия в море посторонних.

Сэт узнали. В большой пещере, где располагались причудливые деревянные строения, служившие жилыми помещениями для девушек, собрались жительницы главной ячейки антидельф. Их было человек сорок. Молодые и старые, красивые и не очень, ухоженные и совсем забывшие о своем внешнем виде. Красота требует чьего-то внимания. Когда нет этого внимания, то и нет красоты. А как себе нравится если даже зеркал нет?

Девушка из казармы, в которой жила Сэт в храме, подошла и обняла мою "сестру". Её звали Джил, она пыталась бежать сразу после продажи половины её казармы в цитадель Церемте в услужение местному сатрапу.

Лица собравшихся светились интересом к двум мужчинам. Кто-то их не видел вовсе, проданные младенцами в рабство. Кто-то уже успел забыть, как выглядят мужчины. Но лукавый интерес блестел в глазах всех присутствующих. Мы были центром внимания местной общины.

— Завтра идем спасать наших подруг! — крикнула Ник, видимо главная здесь. — Эти доблестные мужчины помогут нам это сделать. Настраиваетесь на жаркую битву!

Она провела нас через глазеющих, тянущих руки, чтобы пощупать, прикоснуться к мужскому телу. Некоторые еще помнили сладость мужских ласк, а кто-то не представлял физически анатомических отличий мужчины и женщины, хотя в теории разбирался прекрасно. Поэтому мне пришлось оберегать свой пах от прикосновений.

— Простите наших женщин, — сказала Ник, когда мы вошли в просторное жилище главной антидельфы. — Для них вы просто неземное явление. Мужчина и женщина — это как две половинки. Они страдают друг без друга, тянутся друг к другу и только вместе является чем-то цельным. Но дельфийки лишены этого. Они либо неуважаемый скот или товар, либо как мы — навечно отказавшиеся от нормальной жизни беглецы. Но я надеюсь, с

вашей помощью мы восстановим справедливость.

— А если артефакт — это не то, что вам поможет. Может это безобидный контейнер, который ничего не содержит, — спросил я.

— У нас живет сильная веда, — ответила Ник. — Она точно определила что там очень мощное оружие, и управлять им может только мужчина. Кстати с помощью неё мы и узнаем о твоей девушке.

— Жене... — поправил я её. — Её зовут Ирис.

— Редкое имя. Откуда-то с севера, — словно пробуя на вкус, прищурила глаза Ник. — Никогда не слышала такое в Храме.

— Она появилась здесь буквально неделю назад.

— Тем проще будет её искать. Редкое имя и короткий срок пребывания позволят Малке, нашей веде, более точно обнаружить Ирис.

Малка была обычной пожилой худощавой женщиной. Ничего не отражало в её виде особых навыков. Веды, как я понял, обладали какой-то способностью видеть сквозь преграды и понимать суть вещей. Откуда берутся эти способности, врожденно или приобретено, для меня было под покровом неизвестности. Да и не это меня сейчас больше волновало. Я мысленно грыз ногти от предвкушения известий о том, где сейчас находится Ирис.

Спиритический сеанс наоборот (т. е. когда из-под земли узнают о судьбе тех, кто на поверхности) проходил не более двадцати минут. Малка закрыла глаза и бессвязно шевелила губами. Зрачки её бегали из угла в угол и сверху вниз тоже без особого порядка. Все в комнате напряженно молчали.

Через десять минут она стала заваливаться на бок, а на лице исказилась гримаса напряжения.

— Процедура затрачивает много душевных сил, — тихо прошептала Ник. — Так что каждая такая медитация это тяжёлое испытание для неё.

Её тут же подхватили и держали до окончания сеанса. Потом она медленно открыла усталые глаза.

— Ирис только одна на острове, — тяжело и тихо произнесла она. — Доставлена восемь дней назад. Она в оружейной башне.

— Оружейной башне?! — переспросила Ник. — Это хозяйственная постройка воительниц. Обычным дельфийкам туда вход воспрещен. Ты уверена?

— Полностью, — спокойно но также тихо ответила веда. — Вместе с группой новоприбывших они заперлись там и отражают атаки воительниц.

Я забеспокоился о жизни любимой. Мои мысленные ногти уже были сгрызены до костей.

— Выходим сейчас! — настойчиво сказал я.

Ник помедлила с ответом анализируя все возможные варианты, ища лучшее решение и кивнула.

— Я подготовлю другие ячейки для выступления, — сказала она. — Вы готовьтесь к походу в пещеру с артефактами.

— Спасибо Малка! — сказал я веде. Она посмотрела на меня и я как будто окунулся в бездну.

— Тебе предстоят великие дела! Но всегда оставайся настоящим человеком!

Она будто обмякла и помощницы почти утащили её из помещения.

— Пэм проводи их в пещеру с артефактом. Я подойду позже, когда будет организованы войска, — сказала Ник и вышла из комнаты, а я посмотрел на Тора и Сэт. В их глазах читалась решимость, так что никакие слова не были нужны.

Коридоры, галереи, пещеры и каналы причудливым образом дырявили остров, словно ходы земляных червей дырявят чернозем. Беспощадная эрозия превратила остров в швейцарский сыр и наверняка не одна из бывалых антидельф полностью не изучила все проходы. Коридор все опускался и опускался, так что казалась мы метров на десять ниже уровня моря. Наконец, пройдя километров пять мы обнаружили следы недавних раскопок. Там, в свете горящих факелов стояли две девушки. Пэм кивнула им и протиснулась в узкую щель. Как и все в этом странном подземелье, девушки чрезмерно глазели на нас с Тором, абсолютно не замечая Сэт. Не удивлюсь бабочкам в животах, внезапно запорхавших в их телесах.

За проходом находилась небольшая пещера, в стену которой был вмурован явно сделанный не природой предмет. Метра два с половиной в высоту, он был похож своей формой на мяч для американского футбола, только более вытянутый. Мне в голову почему то пришла мысль что это какая-то капсула с космического корабля. Уж больно вид этой штуковины был похож на представление об этом объекте голливудских режиссеров. Черный стекловидный материал, из которого состояла "капсула" был покрыт пылью и породой. Создавалось ощущение, что действительно предмет пролежал здесь не одну тысячу лет.

Я осторожно прикоснулся ладонью и материал предмета ожил. Мне в голову полились непонятные символы и причудливые картинки, прежде не виданные образы и странные текста из которых я не мог разобрать ничего. Что это? Ничего человеческого или похожее на человеческое. Панель будто растаяла, освобождая неширокий проход. Я оглянулся.

— Ничего такого раньше не происходило, — растерянно сказала Пэм.

Я вспомнил об Ирис и словах Малки и сделал шаг внутрь... И тут же потерялся во времени и пространстве от перегрузки информацией. Мой мозг отключился. Бешеный поток непонятных картинок, образов, текстов просто зашкаливал. Я завалился на бок и выпал из капсулы.

Очнулся я через минуту. Обеспокоенные взгляды товарищей пугали меня. А надо мной висело мерно тикающее табло с непонятными значками, методично отсчитывающее, как я потом догадался, время.

— Это бомба, — то ли я интуитивно понял, то ли все таки смысл всей полученной информации все-таки дошел до моего мозга. — И она скоро разнесет весь остров. Этот предмет — творение древних цивилизаций и он запустил механизм самоуничтожения.

Но почему горит табло, видимое только мной. Я активатор этой бомбы, но у моих друзей ничего подобного не имелось. И снова мне в голову было доставлено интуитивно понятное послание. На моем теле облако неуязвимости или силовое поле. Кто-то или что-то являлось пассажиром этого предмета. Оно умерло. А его облако неуязвимости осталось. И это облако будет действовать пока не самоуничтожится эта "капсула". Величина взрыва составит прядка $2.37 * 10$ в 12-ой степени джоулей или пятьсот килотонн в тротиловом эквиваленте. Откуда эта информация берется?

— Нужно срочно освобождать Ирис и убираться с этого острова, — крикнул я. Потом вспомнил про слова Малки, о том, что нужно оставаться настоящим человеком, и добавил: — И спасти как можно больше жизней.

Глава 25. Время битвы

Солнце только появилось из-за горизонта как почти незаметными ручейками из разных потаённых мест острова полезли на скалистые берега женщины. Операцию готовили почти год. Но даже уничтожение всех воительниц и начальниц не покончит с прибыльным бизнесом, приносящим столько удовольствий сильным мира сего. Нужен был какой-то мощный триггер. В оружейной башне не имелось столько пороха даже на сам циклопических размеров храм, не то что на учебные корпуса, казармы, тренировочные ангары и прочую инфраструктуру.

И вот появился артефакт, а через месяц я. Само проведение просто умоляло не отпускать момента, когда сошлись все звезды. Ник, деятельная и энергичная, смогла сплотить под своими знаменами большую часть известного подземного общества. Кто-то отказался из страха, а кто-то просто привык к такой жизни. Имелись группы, которые жили в неизведанных, подземных частях острова, но о них доходили лишь отрывочные слухи, и, я думаю, они мало походят на людей. Что-то вроде Эдмира Залдона из замка, засыпанного песком в земле Ульвии и Зола.

Все женщины были соединены во взводы по двадцать человек. Для большей эффективности часть из них имела метательное оружие — пращи с камнями, да набор коротких дротиков, часть — заточенные под мечи железяки, а часть — деревянные копья с железными наконечниками. Своего рода мини-терция. Каждый взвод имел четкий приказ по своим действиям и в случае его выполнения помогал другим. Карты изобиловали стрелками пунктирными линиями, малопонятными условными обозначениями и были розданы каждой группе девушек. После появления на поверхности никакой связи не предусматривалось и действовать нужно было по ситуации. Вся надежда на решительность и креативность командиров этих групп.

Я был наконечником копья. Тор и Сэт, с еще десятком антидельф должны были совершить на пинасе отвлекающий маневр в дальней части острова, часть воительниц сосредотачивая на себе.

"Габриэла" всадила первый залп своих трех пушек по мельнице, стоящей на самом краю крутого обрыва в паре километров от места нашей дислокации. После колокольного набата началась движуха в городе за крепостной стеной. Дождавшись когда из него ускачет внушительная команда быстрого реагирования с легкими пушками, я побежал в его сторону. Там же недалеко располагался замок воительниц и оружейная башня откуда доносились звуки выстрелов.

Храм действительно поражал воображение. Метров пятьдесят в высоту, он изображал Дельфу, древнюю царицу и покровительницу женской чистоты, которая монументально простирала свои крылья над кампусом казарм. В них обитали воспитанницы. Вокруг казарм широким слоем располагались учебные, воспитательные, тренировочные медицинские и хозяйственные постройки. Чуть дальше от центра находилось жильё воспитательниц, опять же располагавшееся по кругу. Затем шли стены, а за ними уже поля и пастбища с производственными постройками. Именно исполняя трудовые повинности воспитанницы могли броситься в волны, а если выживали, то примкнуть к сестрам из подземелий.

Замок воительниц был частью крепостной стены со стороны порта и через него шла дорога в единственное место связи с внешним миром. По обе стороны от гавани стояли

береговые батареи, защищая остров от внезапного нападения.

Оружейная башня, одна из четырех замковых, слегка дымила. Это еще больше заставляло нервничать. Либо мятежниц выкуривают, либо поджигают. Во второе верилось мало. Порох, хранившейся в башне привел бы к гигантскому взрыву и мог принести значительные разрушения.

Пробегающего поля и пастбища, которые пустовали в столь раннее время, меня обнаружили с крепостной стены. Тут же полетели выстрелы, а из ворот выбежали воительницы. С женщинами я не дерусь, поэтому начинал не первый. Когда меня пытаются убить, там уже не до джентльменских различий пола.

Со стены прекратились выстрелы когда отряд из десятка стражниц приблизились ко мне бегущему пытаюсь нанести удары алебардами и копьями. Grimасы недовольствия сменились на искреннее удивление, когда все их удары натыкались на невидимую защиту. Её я проверил еще под землей ударами сабель и выстрелами ружья Тора.

Сам же эффективными ударами коротких мечей я старался не убивать стражниц, но максимально надолго выводить их из боеспособного состояния. Наверняка некоторые мрут от моих ударов, но се ля ви! Вы первые начали. Превратили религиозный центр в вертеп торговли невольными проститутками. Похищаете и ломаете психику невинным девушкам. А самое главное, у вас Ирис.

Меня попытались схватить, накинувшись всем весом сразу пять воительниц, быстро сообразив, что огнестрельное и колюще-режущие предметы меня не берут. Но и тут вмешалось магическое энергетическое поле. Оно не дало меня завалить, вопреки всем законам физики удерживая в вертикальном состоянии.

Оставив после себя дергающиеся тела десятка воительниц я приблизился к воротам которые предусмотрительно заперли изнутри пораженные происходящим стражницы.

За мной уже слышался шелест перемещений антидельф, которые быстрыми перебежками двигались следом, пока я отвлекал внимание своими суперсилами.

Разбил ворота в труху чисто в голливудском стиле. Этаким железный человек, супермен, бэтмен и терминатор в одном флаконе. И тут же на меня со всех сторон накнулись воительницы, яростными криками пытаюсь подавить свой первородный ужас. Я убрал кинжалы и схватил валявшееся бревно, и, крутя его вокруг себя, проделал круг, за который заходить было опасно для жизни. Сломанные челюсти и конечности корчащихся дам с избытком тестостерона в крови характерно свидетельствовали о вредности такого подхода.

Слева уже кто-то выкатывал пушку. Вот её удар я ещё не испытывал, так что с некоторым страхом ожидал выстрела. Табло все также отсчитывали непонятные знаки. Успокаивало что их было три ряда. Возможно минуты и часы. Надеюсь что как минимум несколько часов у меня есть.

Выстрел! И я в замедленном режиме разглядел полет ядра в направлении моего тела. Но даже не успел среагировать, как случилось... ничего! Ядро буквально рассыпалось в труху, а мелкие осколки поранили нападавших. Я даже какой либо вибрации не ощутил! Силовое поле или магическая защита или энергетическая оболочка защитили меня. В принципе, я был согласен с часовщиком Мором из Сильвантии, что магия, скорее всего, и есть непостижимые для мозга технологии, придуманные сверхразвитой наукой. Октавиан Август среагировал бы на пистолет с глушителем, убивающий его ликторов, как на магию. Или вертолет Ка-52 "Аллигатор" уничтожающий полчища Чингисхана НУРСами точно бы воспринимался как злой демон со сверхестественной силой.

Что то я отвлекся. Но в той ситуации все отвлеклись. Прямое попадание в нарушителя из пушки — а посеколо стражниц. Самые малодушные в панике побежали. Кто покрепче бросились в безуспешную атаку и тут же первые нападавшие, корчась, упали на пол.

Привлеченные взрывом прибежали новые стражницы, я мне было сейчас не до них. Я упрямо шел к оружейной башне.

С стороны был вид, что раскидываю приставучих котят, которые то и дело кидаются на меня. Какая-то наставница с гневным визгом выбежала из своего жилища и, набросившись, принялась истошно вопить и неуклюже колотить своими ручонками. Это было не более чем смешно. Упавшие цеплялись за ноги. Но я упорно продвигался к своей цели.

Позади уже занимался бой воительниц с антидельфами. Заняв летучий отряд кавалерии с легкой мобильной артиллерией атакой пинаса мы по сути лишили защиту Храма спецназа. Именно он устранял все возникающие коллизии за пределами крепостных ворот. Теперь же лишившись основных атакующих сил, в замке останутся лишь оборонительные подразделения.

Я уже проходил учебно-тренировочные корпуса, как с холма заметил черные остовы Драманских линкоров идущих напрямиком в порт. Их было три. Как я выяснил намного позже, это были люди по мою душу. Сатрап Альфинийской области Миртон Мур почти сразу после своего "чудесного спасения" побежал к императору собрав абсолютно всё дорогое и изысканное, что только можно из своих запасов. При аудиенции у своего государя, он буквально валялся в ногах, ползал на брюхе, плакал и прославлял своего владыку. Естественно последнему стало интересно, что за любвеобильная муха укусила одного из его подчиненных. Узнав о причинах в конфиденциальном разговоре, который все боялся начать Мур, они оба крепко призадумались. Теперь уже настоящие агенты секретной службы решили разобраться, что же это было. Поиски их привели сюда, вместе полутора тысячами имперских солдат.

Сеньора Моджо, глава Храма Дельфы была сейчас в скверном настроении. Сорвалась сделка по продаже ста пятидесяти дельфиек в государство династии Тан, из-за банальной простуды, вспыхнувшей в казарме. Проскриптор Ордена Верных Вензель, который является куратором Храма, жестко требует повышения прибыли проекта. Новенькие устроили бунт, запершись в оружейной башне и довольно умело обороняясь. Тут еще эти выползшие подземные крысы — антидельфы пытаются устроить мятеж. В который раз! Мало их пожгли десять лет назад во время рейда в подземелье, теперь пришла пора сократить их численность снова. Она не сомневалась в окончательной победе против почти безоружной толпы оборванных беглянок.

— На горизонте три линкора Драманской империи, — неслышно подобралась к стоящей у окна сеньоре её правая рука — председатель хозяйственного консилиума храма фрейлина Дива. Порой она пугала Моджо своими неожиданными появлениями, но была верна, как пёс. Именно поэтому ей сходили с рук странные извращенные оргии с молодыми девочками в её усыпальнице.

— Считаю тот пинас, который сегодня атаковал мельницу, был их разведчиком, — шепнула на ухо сеньоре Дива.

— Смысл присылать корабли?

— Воспользоваться смутой и захватить остров. Это гигантский ручей дохода для казны империи, опустошенной войной с Аранеями.

— И войти в контры с Орденом?

— Я вас умоляю, сеньора Моджо! Император всегда рад показать себя самостоятельной фигурой в этой шахматной партии. Где то надавит, где-то уступит. В Ордене тоже не захотят ссориться с ним. Возможно остров вернется уже через неделю к прежним хозяевам, за определенные уступки со стороны Ордена. Политика... — Дива закатила глаза, выражая своим видом что высокие сферы политических интриг недоступны простым смертным.

— Что же делать? — Моджо выглядела обескураженной. Груз ответственности в мирное время она несла блестяще. Но в минуты тяжелых испытаний становилась нерешительной. Дива же всегда сохраняла присутствие духа и была опорой для старой сеньоры.

— Орден не одобрит если мы сдадим остров без единого выстрела. Нужно защищаться, но без излишнего энтузиазма. Все равно наша легкая артиллерия ведет борьбу с пинасом, так что...

— Ты права, Дива. Я отдам приказ береговым батареям.

Сражение уже кипело в казармах невольниц. Причем в классической манере дедовщины. Старослужащие, то есть живущие здесь давно и уже успевшие хорошенько замылить себе мозги, встали на сторону Храма. Духи, или недавно сюда привезенные невольницы, еще мечтавшие о свободе сражались на стороне антидельф. Я раскидывал и максимально калечил налетающую стражу и воительниц, пока не добрался до замка. Там ополчившись копьями, словно еж, стояло человек двадцать охраны в построении каре.

Тяжелым грохотом ударили пушки береговой батареи. Я посмотрел на оружейную башню и выдохнул — не по ней! Тогда, получается, по имперским линкорам? Я улыбнулся. Ну и чудеса!

Пользуясь тем, что воительницы немного подрастерялись сами, анализируя действия береговых батарей, я с разбега, словно таран, пробежал через их строй. К сожалению, парочке подрастерявшихся продавил при беге грудную клетку, остальных отбросило, как от бульдозера. Ворота замка тоже не стали для меня преградой.

В дворе из конюшен уже выводили для атаки лошадей. Конные кирасиры важно поправляли свою амуницию и седла. Моё появление стало неожиданностью для них. Кто-то ринулся в атаку пешим, а кто-то, вскочив на лошадь, с атакующим воплем пустился в галоп. Так смешались в кучу кони, люди. Мясорубка, в безуспешности которой смогли убедиться воительницы после первых же минут боя, выиграна мной "в сухую".

Обогнув угол большой конюшни я выскочил на площадь возле оружейной башни. Ирис, я уже скоро! Вокруг круглого многоэтажного сооружения, в котором, по-видимому, хранили оружие жгли хворост.

Невдомек этой недалекой братии, точнее сестричеству, что стены тоже проводят тепло и порох может лежать возле них. Но воительницы, рассчитывали, что густой дым от костров будет попадать в окна, тем самым выкуривая мятежниц из неё.

Нет! Однозначно, спички детям не игрушка! Оторвав огромную поилку для лошадей, расположенную у конюшни я поднял её над головой. Весила она тонны две, но для меня была словно пушинка.

Обернувшись на звук отрываемого метала осаждающие застали вид держащего над собой огромную емкость человека. Для некоторых он стал последним воспоминанием в их жизни, поскольку поилка полетела в их сторону и в костер, распыливая воду.

Завязалась короткое сражение, которое опять было выигранное мной. Но тут пришла ответочка от имперских линкоров. Стопушечные монстры начали стрелять. Выстрелы

летели не только по береговым батареям, но и по порту, и долетали до замка. Наверняка на кораблях знали, где хранится порох у дельфиек и оружейная башня была их приоритетной целью. Значит Ирис в опасности!

Два ядра действительно ударились в глухую стену и бессильно рухнули вниз, поскольку были на излете своей траектории движения и растеряли свой ударный импульс. Но если попадет в окно? Или линкоры подавят батареи и приблизятся к берегу. Я даже не знал за кого и болеть в этой ситуации. Первое время надо скрестить пальцы за береговые батареи, а когда спасу Ирис пусть имперцы превращают все тут в фарш.

Вышибив дверь ударом плеча я наткнулся на град выстрелов из ружей и пистолей, а затем на меня обрушились удары сабель, топоров, уколы копей. Женская ярость в её естественном выражении была просто прекрасна! Поняв, что с меня как с гуся вода вся их атакующая мощь, а еще больше удивившись что перед ними мужчина, они даже как то пообмякли. Я естественно, смиренно стоял, терпеливо снося удары прекрасных амазонок.

— Дамы, полегче, — только и успел сказать я, как наткнулся взглядом на растерянное, такое знакомое лицо. Оно являлось мне во снах, шло передо мной в пути, звало и манило к себе. Ради него я мог бы перевернуть этот мир, а если надо, то продолжал бы искать по всему свету. Ирис! Она была так нежна в своем непонятливом удивлении. Еще мгновение назад она вместе со всеми колотила меня в безумной ярости и вот теперь узнала меня.

Она бросилась мне на шею, а другие девушки недоуменно уставились на нас.

— Ты пришел за мной! — с какой-то нежностью сказала она. — Любимый!

— Некогда сейчас амуры разводить, Ирис, — смущенно произнесла тонкая блондинка с почти детскими чертами лица. — Крокодила бежит с отрядом.

Действительно из-за конюшни действительно выходили бойцы с мушкетами, таща пушку позади.

— Допрыгались, дуры! — закричала грузная женщина с некрасивым лицом, командовавшая воительницами.

— Прячьтесь, я вас прикрою! — крикнул я девушкам отталкивая от себя Ирис, и в этот момент началась пальба. Моя жена еще в полете закричала от увиденных вспышек пороховых газов и направленных в мою сторону выстрелов. Но все боеприпасы лишь отталкивались от моего силового поля.

Пушкари готовились произвести выстрел, а я подбежал как можно ближе к дулу, под удивленные взгляды воительниц. Звук разлетающегося на осколки ядра, раздробленного касание с силовым полем, почти совпал с синхронной гибелью от них стражниц. Остальные в ужасе ретировались прочь. Площадь перед оружейной башней была пуста от дееспособных противников. Корчащиеся покалеченные воительницы не представляли для меня интереса.

— Забаррикадируйте вход, вдруг они решаться на новую атаку, — сказал я так безапелляционно, что девушки бросились выполнять. Ирис сидела и не могла поверить глазам — я здесь, я живой, я пришел спасти её и совершает какие-то фантастические действия.

— Любимая, все разговоры потом, — бросил я взбегая по винтовой лестнице на второй этаж башни. Я хотел вооружить доставшийся мне женский батальон. Было бы здорово обмундировать их ППШ как в фильме "А зори здесь тихие", но даже минимальные защитные доспехигодились бы. Нужно было прорываться в порт и захватывать корабли, которые в этой неразберихе старались убраться подальше от острова.

Встречная канонада имперских линкоров и береговых батарей продолжалась, но

поднимаясь я увидел на горизонте за линкорами два фрегата и не придавал этому значение. А зря! С ужасом заметил на счетчике всего два ряда непонятных знаков — третий столбик неведомых цифр исчез. То есть осталось очень, очень мало времени!

На острове кипела лютая сеча. Взводы антидельф исполняли свои приказы, а затем ввязывались в исполнение соседних. Так они объединялись в роты и рубились в кварталах острова. Но и воительницы не отставали. После первой оторопи, стали лучше держать оборону, организованной вести бои. Да и лучшее техническое оснащение сказывалось.

— Выпускай хранителя, — тихо шепнула Дива стоящей у окна напряжённой Моджо.

— Ты уверена? На острове будет месиво! — со страхом старая сеньора посмотрела на свою помощницу.

— Пришло время крутых мер.

Глава 26. Во мне кипит энергия

События завертелись как белье в стиральной машине в режиме отжима. Драманских линкоров осталось два. Догоравшие остатки третьего мусорным пятном чернели на воде после сверхудачного попадания из береговых батарей. Гладь океана издали походила на кипящую воду от барахтаний выживших. Но и два оставшихся корабля методично и систематично отгрызали бетонные куски укреплений, уменьшая численность орудий обороняющихся.

Неизвестные фрегаты на полном ходу шли к острову. Только безумец мог идти в порт, где происходит такое месиво.

Причалы гавани стремительно пустели. Несколько судов были повреждены случайными попаданиями при перестрелке и торговцы, ругаясь отборным матом, пытались второпях починить свои плавательные средства.

Битва шла в кварталах кампуса не на жизнь, а на смерть. Вооружившись мушкетами, саблями и копьями, облачившись в кирасы умерших стражниц и воительниц, некоторые отряды антидельф вполне успешно теснили охрану острова. Спецназ с легкой артиллерией служащих Храма был зажат в ловушке у мельницы, где с одной стороны по ним стрелял пинас, а с другой осаждали взводы подземных беглянок.

Вооружив и облачив своих мятежниц, которых было три десятка, я на ходу соображал что же делать. Порт сразу отпадал. Там легко угодить под шальное ядро. К тому же, Драманские корабли все равно, рано или поздно, продавят оборону береговых батарей — даже один линкор имея на борту пять сотен солдат легко захватит этот оплот нравственности. Они ищут мужчину и наверняка всех их будут ловить. А на острове я один их представитель. Может и совладаю с ними, но вот Ирис с девчонками...

Табло над моим взором стало тикать быстрее, а мои нервы от этого вытянулись в струну. Я не понимал когда оно может закончиться и от этого сгрыз свои мысленные ногти уже до ладошек. Взрыв не только погребет все вокруг, он уничтожит Ирис. А этого я не мог допустить, даже ценой собственной жизни.

Мысль возникала при взгляде на порт. Наш дружный коллектив выйдя из крепостных стен на дорогу к гавани, пошел не проторенным за века путем слез продаваемых женщин, а направо. Через пару километров пути находился берег, соединяясь пологой частью с уже начинающимися скалами. Там его не могла достать береговая батарея, поскольку все стволы и бойницы были направлены в океан, а воительницы в ней слишком заняты чтоб отпугивать прыгающих в воду с полуметровой высоты девиц.

Медленно набирающая ход торговая шхуна Гривстонского царства стала моей целью. Она только вышла из порта и не ушла так далеко от берега, чтобы стать недостижимой.

— Любимая, спрячься с девчонками за выступами пород, — бросил я Ирис. — А лучше найди пещерку или выступ, чтобы вас не было видно ни откуда. Внимательно наблюдайте за этой шхуной, когда она направится в вашу сторону, плывите по направлению к ней.

Я бросился в воду, надеясь что задуманное мною работает. Если магическое силовое поле делает меня сильным, может быть оно и ускоряет мои действия. Я стал плыть кролем, постепенно делая более быстрыми обороты рук и действительно все получалось. Сначала я плыл как Фелпс, потом уже как маломощный мотор, а затем вращения моих рук стали вообще неестественно быстрыми. Те, кто видел меня со стороны были явно в шоке, особенно

команда шхуны. Но я приближался слишком быстро, чтобы они могли зарядить свои пушки.

Взобравшись на борт я устроил купание особо ретивым, тех, кто согласился отдать мне корабль я просто закрыл в полуюте. Наставницу пришлось убить, а двенадцать дельфинок похоже были основательно накачены психотропами — вели себя как овощи и не обратили внимания на свое освобождение.

Поворачивая штурвал к берегу я учел направление ветра, поэтому пришлось менять курс медленно. Девушки выглядели косяком Марин, хищно подплывающих к кораблю. Наш маневр не привлек внимания береговых батарей и линкоров имперцев, занятых взаимным истреблением, зато два фрегата, резко изменили курс в нашу сторону.

Помогая взбираться своему женскому отряду я с возрастающей тревогой следил за действиям непонятных кораблей. Кто это? Если поплыву самостоятельно сейчас, то возможно успею справиться с одним, но на второго времени не хватит. А может близорукий капитан только увидел заварушку в порту и решил сменить курс своей маленькой эскадры? Может у меня просто очередной приступ подозрительности?

Тем временем вывели шкипера, и держа на мушке заставили управлять кораблём.

— Если будешь себя хорошо вести, вернем твой корабль! — сказал я, хотя моя неуязвимость и так сделали его абсолютно "шелковым".

Мы повернули по направлению к пинасу "Габиелла", когда нам открылась впечатляющая картина. Площадь у храма разлетелась вдребезги, и из под нее показалась огромная голова человекоподобной сущности. Полными ненависти после внезапного пробуждения, оно обозрело все вокруг и издало мощный рык, который, наверняка, было слышно на соседних островах. На мгновение все вокруг замерло, даже канониры перестали перезаряжать орудия, а схватки врагов прекратились на самых интересных моментах.

Чудовище было метров пятьдесят в высоту и всеми своими формами было похоже на человека. Оно поднялось на ноги и посмотрела на Храм Дельфы, который был одного с ним размера. Неожиданно, чудовище с какой-то нежностью погладило по щеке увековеченной в камне древней царицы.

Затем со злым рыком оно пошло крушить и давить ногами, не разбирая правых и виноватых. Его задача, защитить храм, а от кого — неважно. Сеньора Моджо, фрейлина Дива и весь высший консилиум администраторов Храма спустились в защищенный от внешнего мира бункер. Знали бы они что совсем рядом напряженно отсчитывает последние минуты перед взрывом пятисоткилотонная бомба.

Пораженные эпическим зрелищем, мы не уследили как в кильватере нас догнали два фрегата. Засада! Вот я разява! Сразу же стал быстро организовывать оборону от возможного абардажа. Так как оба корабля шли носом, воспользоваться своими бортовыми батареями они не могли. Насобирал наскоро пять ружей и вручил их девушкам.

Пока организовывал оборону увидел машущего с бушприта шедшего первым фрегата человека. И у него был флаг на котором изображен... саблезубый барс! Это же флаг Пардалиса. Присмотревшись я был шокирован, нет, поражен. Там энергично работал руками чтобы привлечь мое внимание Антонир!

— Это Антонир! — прокричал я. — Убрать паруса!

Ирис запрыгала от восторга, когда узнала что там её брат. Когда шхуна стала терять скорость Антонир спрыгнул в воду и поплыл к шхуне. Как можно быстрее вытащив его из воды, мы соединились в крепких семейных объятиях.

— Ты умеешь появляться вовремя! — сказал я, все еще не веря присутствию такого

родного мне человека.

— Ты думал мы бросим тебя и Ирис и не пойдём спасать! — мокрый, но счастливый сказал Антонир. — Мы все баронство поставили на уши. Всех агентов напрягли. Подкупили сотни осведомителей, пока не узнали, что тебя держат в цитадели Церемте, а Ирис на острове Храма Дельфы. Я тут же прискакал в цитадель, но ты смог оттуда сбежать. Оказавшись в Сильвантий мы лишь наблюдали уплывающий в небо воздушный шар — нам буквально часа не хватило, чтобы встретить тебя. Нам очень помог Рекс, но когда мы прискакали в Удакию, также увидели лишь парус уходящего в море пинаса. И вот мы здесь. Со мной двадцать проверенных ребят из Пардалиса и Рекс со своей бандой взялся нам помочь, узнав о тебе. Мы буквально с дороги, с ходу вломились в порт Удакии и захватив два фрегата, без подготовки рванули в море, несмотря на яростные возражения владельцев и поздним недовольством береговых батарей.

— Ну ты проныра, Антонир! — сказал я обнимая его. — Я в тебе не сомневался.

— Сестренка! Ирис! — его радости не было предела. — Кстати, Миша, сюда плывёт адмирал Аристокбал со всем нашим морским флотом. Зарун распорядился чтобы он любыми доступными средствами вытащил тебя и Ирис, когда узнал о вашем местонахождении. Скорее всего он прошёл берега Альмиурской деспотии и сейчас в водах Гривстонского царства, а впереди его ожидает сложный переход архипелага Дорсали.

Тем временем на острове во всю шел геноцид женщин. Хранитель давил ногами, бил кулаками разрозненные группки женщин, так, что теперь лютые враги вместе бежали подальше из кампуса мечтая оказаться подальше от него.

Нужно выводить всех с острова и поживее! Можно было и сейчас уплыть, ведь миссия выполнена, но не спасти людей когда можешь это сделать — так настоящий человек не поступит.

Имперцы, тем временем окончательно сломив сопротивление береговой обороны, вошли в порт, обстреливая замок, особенно оружейную башню. Все не успевшие покинуть порт корабли были арестованы и задержаны для проведения осмотра. Драманские солдаты деловито выкатывали артиллерию, выводили лошадей, организовывали оборонительные пункты. Не смутило их даже появление Хранителя. Дисциплина у солдат была на высоте.

— Антонир, мне нужна твоя помощь, — я отвел названного брата в сторону, объясняя свою задумку.

— Доверься мне, Антонир, я никогда вас не подводил. И не стоит переживать за меня пока я в этой шкуре, — я развеял окончательно его сомнения после тщательного инструктажа ударом клинка себе в живот. Огромная сила удара и столь же сильная защитная энергия согнули беднягу как ржавый гвоздь. Ирис, видевшая это, недовольно нахмурилась.

— И это у тебя навсегда? — картинно надулась она. — Теперь тебе даже невозможно будет отвесить подзатыльник, когда я рассержусь.

Мы втроем рассмеялись. Мимо проплывал фрегат "Синий", хотя синего цвета на нем ни капли не было. Рекс приветственно помахал мне с борта, я с радостью ответил доброму другу и с признательностью замахал руками. Рядом стояли Ингрид, Глассия, Рыжий и прочие подельники ночного штурма дона Картиныю. Они тоже приветственно махали мне руками. Приятно было видеть хороших людей в моей команде.

Я спрыгнул в воду и поплыл к берегу, делая вращательные движения руками все быстрее. Нужно было как можно скорее выводить Ник и весь возможный контингент людей. Тем временем загрохотали пушки экспедиционной команды имперцев, вместе с выстрелами

с линкоров они превращали в квашеную капусту оборонительные сооружения замка.

Раздался мощный взрыв — это оружейная башня гигантским огненным шаром осветила все вокруг, через мгновение во все стороны полетели камни, ядра, доски, руша все на своем пути. Досталось Храму и Хранителю, которые получили несколько существенный попаданий.

Чудовище взревело, а я увидел как будто из глаз огромной статуи Дельфы потекла слеза. Хранитель обратился на новую опасность — солдат империи. Взревев, он направился к порту чтобы исключить возможный урон Храму или прикрыть своим телом от обстрела. Этаким лысый кинг-конг шагал так, что почва отдавала гулом его шагов.

Линкоры и экспедиционный отряд собрал весь огонь на чудовище. Брызги крови и пласты кожи отрывались от тела Хранителя, но тот упрямо шел на главную опасность Храму. Ядро попало ему в глаз но тот лишь взревел от боли, продолжая двигаться, наращивая скорость.

Я, тем временем, выбрался на берег. Труднейшая задача отыскать Ник решалась просто, надо было лишь выстрелить фейерверком, а ответным фейерверком должна была выстрелить она. Но мы договаривались это сделать непосредственно перед взрывом. По планам Ник, атакующая волна антидельф должна была уткнуться в порт, где на реквизированных кораблях они благополучно уплыли бы в океан.

Но план был скорректирован ожесточенным сопротивлением дельфинок, появлением Драманских солдат и ужасным чудовищем, восставшим посредине кампуса. Теперь все девушки, не зависимо от принадлежности к одной из противоборствующих сторон в ужасе разбежались к краям острова в надежде просто спастись от ярости Хранителя.

Я выстрелил условным обозначением, что нужно покидать остров. Ник и лидеры антидельф знали о нем, но как это сделать? Броситься в воду и быть накрытым тоннами воды и грязи после взрыва? Забиться в пещеры, которые станут братскими могилами?

Я включил суперскорость для ног. Где то на восточной стороне в трех километрах от меня вспыхнула цветная вспышка фейерверка. Со всей возможной скоростью, гораздо быстрее Усейна Болта, я рванул к Ник.

Разрушения кампуса, хозяйственно-бытовых и учебно-воспитательных построек были впечатляющие, они горели, другие были раздавлены лапой чудовища, третьи темнели пустыми глазницами разбитых окон. Всюду валялась разбитая мебель, вещи, тела мертвых женщин и лошадей, попадались одинокие пушки, сабли и копья. Полное ощущение разоренного города.

— Ник, как у вас тут? — спросил я ни разу не запыхавшись.

— Остатки воительниц заперлись в ипподроме, — предводительница антидельф выглядела очень усталой, чумазой от дыма и легко раненой в руку.

— Да и хрен с ними! Я нутром чувствую скорый взрыв. Вон видишь три корабля. Ныряйте в море в безопасных местах и плывите к ним. Оповести всех. Пусть каждый распространяет информацию всем остальным. Миссия исполнена — храм взорвется, все женщины на свободе. Пусть теперь каждый сам выбирает свою судьбу. Главное донести до всех информацию, где можно спастись.

Ник кивнула.

— Тут несколько тысяч женщин. Корабли не выдержат.

— Главное переждать взрыв вдали от острова, а дальше найдем как справиться. Дождемся спасительной эскадры, если что. Она уже идет

Действительно, цунами от взрыва будет впечатляющим, но чем больше будет глубина, тем меньше будет их видно. Я быстро побежал в порт, нужно было исправлять проблему с транспортом. Там Хранитель, уже изрядно подраненный, справлялся с защитными сооружениями солдат. Пушки линкоров били ему в голову. Один глаз уже ничего не видел, на второй натекала кровавая пелена от попадания по лбу книппеля. Но заряды не могли пробить кости чудовища, лишь изматывая кровавыми уколами.

Я, оббегая место сражения, плюхнулся в воду и поплыл к самому непострадавшему линкору. Огромная махина не менее шестидесяти метров в длину и столько же метров в высоту, она поражала воображение. Три палубы с пушками выпускали заряды не останавливаясь, помогая своим товарищам на берегу уже без особого порядка. Меня, лихо взобравшегося на палубу, они восприняли как одного из спасшихся из порта торговцев.

В суматохе боя, я сквозь дым и суету со снарядами, почти незаметно взобрался на полуют. Капитан корабля, военно-морской офицер, удивился появлению простолюдина на верхней палубе, где располагается все управление кораблем и расхаживают павлинами члены штаба корабля с важным видом всматриваясь в увеличительные трубки.

— Эй, мразь, иди вниз помогай канонирам! — скомандовал капитан.

Приставив клинок к его горлу я преспокойно сказал:

— Поворачивай корабль из порта на восток!

— Что?! — возмутился он, видя, что я окружен вооруженными людьми достающими свои шпаги. — Господа, раздавите этого наглого клопа!

Посыпавшиеся удары, а также прозвучавшие выстрелы не дали никаких результатов. А я стоял спокойно, и после всех бесплодных усилий спросил:

— Мне повторить?

Капитан изменился в лице, пошел гусиной кожей и даже как то позеленел.

— Вы совершаете большую ошибку... Поднять паруса! Полный вперед!

Когда мы тронулись с места я снова прошептал:

— Прикажи всей команде переправится на другой корабль! — мой кинжал выдавил капельки крови из горла капитана, а тот напряженно вздохнул.

— Господа, сей милорд просит вас покинуть корабль, под угрозой моей жизни, — будто оправдываясь, сказал шкипер. Ошарашившие от моей неуязвимости, морские офицеры только и ждали такого приказа, бросившись с полуюта на палубу. Там началась кутерьма и матросы, славящиеся своим бесстрашием перед всем, только не перед сверхъестественным охотно помогали офицерам отвязывать шлюпки.

Тем временем лысый кинг-конг довершил уничтожение экспедиционной команды и поплыл в сторону обстреливающего его линкора. Мы вовремя тронулись, ибо сможем набрать ход, чтобы уйти от чудовища, а вот второй линкор — уже нет. Матросы и офицеры, спрыгнувшие с нашего линкора, кто на шлюпках, кто вплавь, оказались в серьезной ловушке. Но обратно путь уже невозможен, а ветер гнал нас к маленькой эскадре Антонира, стоящей возле восточного берега и принимающей на борт девушек.

Рекс, после недолгих объятий со мной, принял командование линкором, а его парни умело распределились по ключевым местам управления кораблем и такелажем.

Пинас "Габриэла" уже присоединился к нашему делу спасения девушек. Корабли наполнялись усталыми барышнями. Воительницы не захотели спасаться, а особо упертые или превращенные в овощ и не участвовали во всеобщей заварушке — сидели по своим казармам. Искать их не было времени, как и не было его на воительниц.

Хранитель почти тонул, но достал линкор, словно бревно он повернул его на бок, вытряхивая пушки с их командой из орудийных портов и палуб. Уже обессиленный, он кажется умирает.

И тут произошло совершенно неожиданное. Пятидесятиметровая статуя Дельфы после незначительного напряжения пришла в движения. В стороны полетели куски камня и шпукатурки, толстым слоем окружавшие фигуру. Огромные крылья расправились над всем кампусом. Лицо Дельфы приобрело осмысленность, она взглянула на то место, где располагалась бомба и спокойно взлетела с пьедестала. Она не выражала не гнев, не ярость, не страх и была спокойна, как настоящая царица. Подлетев к утопающему и умирающему хранителю Дельфа резко вытащила его из воды и, резко вспорхнув, исчезла за облаками. Действие было настолько неожиданным и молниеносным, что я не уследил за тем, как на табло исчез второй ряд фигурок. По моим ощущениям осталось не больше десяти минут.

— Отплываем! — крикнул я, резко прыгая за борт. Силовое поле спасет от любых повреждений. Жалко, что ему действовать осталось десять минут. Но и эти минуты я должен потратить максимально полезно.

— Кидай швартовый! — сказал я Рексу. — Подай сигнал соседнему кораблю, а тот пусть передаст дальше.

Прошло две минуты как я связал все корабли в паровозик. Первым был линкор, последним — пинас "Габриэла". На воде уже не виднелось плывущих женщин, все, кто хотел уже забрались на корабли и смотрели с надеждой на меня, поэтому можно было начинать. Я нырнул как можно глубоко и ощутил что силовое поле обеспечивает дыхание. Далее я привязал к себе камень, чтобы не всплывать, затем взял швартовый трос линкора и потянул, шагнув в восточном направлении.

Сопротивления воды как будто и не существовало. Я все усиливал скорость пока фактически не стал бежать. Силовое поле давало столько энергии, что можно было обеспечить небольшой город.

Разрушая кораллы и камни, я шел в глубину пока хватало троса, а за затем начал плыть энергично вращая конечностями. Теперь мне нужно было подниматься на поверхность. Значки отсчитывали все быстрее и быстрее.

Две минуты до взрыва. Я на поверхности и вращаю руками словно винт истребителя. Скорость как минимум 40 км в час.

Минута до взрыва. Я мысленно ужасаюсь судьбе нашего каравана. Насколько хватит силы взрыва и разлетающихся осколков. Ладно, хоть приказал всем не стоять на палубе.

Табло погасло, исчезли суперсилы, а значит и магическое силовое поле. Я обернулся назад и увидел гигантский взрыв, а затем услышал его. Гриб поднимался на высоту вбирая силы из восходящих потоков плазмы, грунта, буквально разрывая облака, как разрывают девственную плеву. Настолько мощное зрелище, что я не заметил как вода стала быстро нагреваться. Ладно, я не видел эпицентр, а то бы ослеп от вспышки — он был закрыт берегом острова.

Я поплыл к линкору когда первые удары поднятой почвы и камней стали падать возле меня. Рекс, вот же выдержка, ждал меня под градом падающих кусков. Он вытянул меня и мы скрылись в носовой надстройке, в которой сидели еще человек пятьдесят, в большинстве своем дельфийки... или антидельфы. Впрочем, сейчас не было разницы. Сейчас бы спастись.

Бомбардировало час. Благодаря нехилой глубине и отдалению от острова, волны били

не сильно, но я то знал, что соседние острова накроет неслабое цунами. Хоть бы на острова пиратов, что лишили нас Парка!

Только через полчаса мы вышли на палубу. Вокруг стояла ясная безветренная солнечная погода. Даже на последней "Габриэле" высыпали люди. Смутно разглядел силуэты Тора и Сэт.

— Мы сделали это! — крикнул я в пустоту и мысленно представил как я встречу Аристобала и как обниму старого моряка очень похожего на Парка. Наведу порядок в Пардалисе, очищу его от всякой нечести, подготовлю к обороне от Драманской империи, Орден Верных объявлю вне закона и объявлю ему тотальную войну!

Во мне кипела злоба, во мне кипела энергия!

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net